

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/ ЯНВАРЬ 2018

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке – картина Петра Куринских
«С ягненком»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail:alekivanov38@mail.ru

ПРОЗА

- Владимир Федоров. **Остров забытых Ивановых.** *Повесть*..... 5
 Данияр Каримов. **Ведьмак. Когда утихнет буря.** *Рассказы* 51

ПОЭЗИЯ

- Талант Джолдошбеков. **У осени свое заглавье...** *Новые стихи* 84
 Марина Крусткалн. **До утра мы с дождем говорили...** *Новые стихи* 93
Эпос «Манас» в варианте сказителя Жусупа Мамая. *Отрывок из главы «Великолепие поминок». Дается в сокращении. Перевод Светланы Сусловой*..... 98

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр Камышев. **Тур к Туру. Тима Портнягинский. Водитель Николай.** *Занятные истории* 115
 Александр Зеличенко. **Сахара. Военврач. Единокровные.** *Детективные истории* 126
 Сергей Дудашвили. **Неразлучно с природой.** *Эссе.* 139

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Дария Буржубаева. **Книга о родном и великом** 160
 Олег Бондаренко. **Дух, коровы и история** (*Субъективные заметки о книге Р. Айтматовой и А. Ахматова «Человек жив, пока о нём помнят люди»*) 164
 Людмила Иванова. **Пространственно-временные координаты в современной лирике Вячеслава Шаповалова** 169
 Мария Савинова. **Альпинистская эпопея Вячеслава Александрова: треккинг, хели-ски, терминатор и люди, идущие к вершинам мира** 177
Кратко об авторах 183

ПРОЗА

*Поздравляем дорогого Владимира Григорьевича
с юбилеем – 80-летием!*

*Желаем крепкого здоровья, счастья и
творческих удач!*

Редколлегия «ЛК»

Владимир ФЕДОРОВ

БЕЗДНА НЕВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИВАНОВЫХ

Повесть

– Уху просил перед смертью? – осведомился Авксентий Яковлевич.

– Уху не просил. Попросил тюрю и кислую капусту с отварной медвежатиной, – доложила Ефросинья.

– У него же зубов нет, – удивились собравшиеся. – Как ему с медвежатиной управиться?

– Я так же подумала. Но раз человек в таком состоянии, лежащий, просит, разогрела в казане со вчерашнего. Жалко, что ли? Там много еще оставалось. Молодая была медвежатиной, – оправдывалась Ефросинья. – Пока у печи возилась, он руку протянул, вроде как по заднице хотел похлопать, но не дотянулся. Вот столечко, – уточнила Ефросинья. – Поикал, поикал и помер в своё удовольствие.

– Достоинно ушел, – выслушав рассказ Фроси, заметил Авксентий Яковлевич. И мельком окинул бабские нюхи у гроба, какую сам бы хотел похлопать перед кончиной. – Мир праху Иакова. Жалко, до девяноста не дотянул.

– Жалко, испортил праздник, – вздохнула Ефросинья.

– Готовились, – подала голос Катерина. – К юбилею хотели стенгазету выпустить. Стихи сочиняли: «Доярки, мля, нуждаются в подойниках. Россия, мля, нуждается в покойниках».

– Но это мы так, – оправдывалась Ефросинья, – мы не вперед думали. Мы взад истории смотрели.

Ну, ладно, что в зад, согласились Ивановы.

Загодя сработанный гроб установили в «Белом доме», после смерти других однофамильцев ставшем ничейным. В прежние времена был «Красный уголок» – теперь «белый», и уже не уголок, а дом. Другой статус. Цвет поменяли согласно тренду, содержание осталось красное, согласно привычке побаиваться комиссаров, – старые колхозные награды, подшивки истлевающих газет, бестселлеры типа «Василий Теркин на том свете» поэта-земляка Твардовского. Покойника обрядили в парадный суконный костюм с орденом Красной Звезды и фронтовыми медалями. На кладбище повезли в тачке, которая многие годы служила Якову Павловичу для сбора и доставки во двор печного топлива – сухостоя, веток, сучьев, поленьев. Яков Павлович хранил в голове фантомный недуг военного происхождения: у него постоянно мерзли руки. Он поддерживал в печи вечный огонь и грел пальцы, окуная ладони в пламя. Всё боялся, что дров не хватит. Прочие Ивановы втихаря подкладывали ему на лесных дорожках удобный для растопки сушняк. Дед радовался удачным находкам, как грибник на тихой охоте.

Причина мозгового заскока была уважительная. В январской Висло-Одерской операции 1945 года восемнадцатилетний боец Иванов, выполняя приказ маршала Жукова, успешно прорвал оборону немецких войск группы армий «Центр» на Висле, освободил Варшаву, окружил группировку противника в Бреслау и Познани, освободил Западную Польшу, форсировал Одер и вступил на территорию Германии, заняв выгодное положение для наступления на Берлин. И в последний, 23-й день блистательной операции его нашла фашистская пуля. Бывает, рябь твою мать! Война. Не одного восемнадцатилетнего Иванова в том победном бою подстрелили фашисты. Многих. Хоронить по-людски не было времени. Приказ был: вперед! На Берлин! Семьдесят километров оставалось. Потом, мол, на обратном пути дохороним с оркестром в братской могиле. Да и холодно было, снег шел, сапоги вязли, скользили. Положили убитых в общую траншею, прикопали на треть штыка, сосновыми лапами прикрыли, легли спать до ранней

утренней побудки. Усталые штабные писари отписали дежурные бумаги: наверх доложили о победах и безвозвратных потерях для статистики, в тыл отправили похоронки. Про бойца Иванова Якова Павловича родным и в военкомат отправили: «Пал смертью храбрых». В этом месте судьба бойца как бы ухмыльнулась на манер писателя Гоголя и ушла куролесить над пропастью между словами и смыслами, в дебрях параллельной реальности. Аки самодостаточный нос Николая Васильевича.

Когда павших смертью укладывали штабелями в траншею, Яков Иванов оказался не в нижнем, третьем ряду, а в верхнем, наскоро присыпанном мерзлой землей. Руки остались наверху. Он сучил, сучил ими, нос, рот освободил для дыхания и крику: «Живой я! Здесь». По счастью, докричался, но тут же и раздвоился по разным мирам. В бумажном мире лег папкой в архив, в телесном, кровеносно-сосудистом – чуть не до смерти обрadowал мать явлением с того света. Явился и продолжил жить в полном гражданском повиновении, позванивая орденом и медалями. Руки мерзли, а так ничего, главное – мужское достоинство отстоял. С островитяжкой и однофамилицей Ивановой Марией Митрофановной продолжили род сыном Сеней. Вот он Сеня, у гроба слезу утирает, в 69 лет остался сиротой, на голове плешь, лицом печальный, вылитый артист Евстигнеев из кинофильма «Зимний вечер в Гаграх». Теперь за старшего на острове Ивановых.

По-хорошему, по православному надо бы отпеть Якова Павловича, да никто не умел. Обошлись гражданской панихидой на родовом кладбище, принимавшем покойников на взгорье, среди черных каменных валунов и белых берез. Березы стояли тесно, как зубы во вставной голливудской челюсти. С любовью к покойникам, к тому свету стояли.

– Там согреется, – сказал Авксентий Яковлевич, бросая в могилу с комьями земли березовые поленца. – Теперь уже вряд ли оживет.

– Успешный был человек, – подхватили Ивановы.

Попрощавшись, пошли извилистой, корявой тропинкой вниз, к сиротеющему жилью, через огороды, сараи, мимо кузницы, бань, сеновалов, дегтярной ямы, цистерны с соляжкой, рыбацких сетей – к поминальному столу в «Белом доме», к важному разговору о самом смысле жизни Ивановых, о проблеме их размножения, восполнения рода на неблагоприятном этногенетическом и геополитическом фоне. Сколько их

осталось в наличности? Авксентий, жена его Агафья Евстафьевна, ростом незначительная, но кряжистая, стыдится нечего. Их дочери: Катерина, старшая, скоро полтинник, форматом ширишь вся в мать, и Ефросинья – младшая, 39 лет, ни рожи, ни кожи. Еще двое Ивановых – иносемейные, однофамильцы. Чокнутый недопенсионер Федор и матушка его Аполлинария, некованная кляча в галошах. Всё. С сегодняшнего дня минус один Иванов. Переглянулись – кто на очереди? И быстро опустили глаза.

– Что там Мумука? – обратился Авксентий Яковлевич к Ефросинье. Это был злокачественный вопрос. По большому счету вопрос жизни и смерти Ивановых. Они были глубоко, в самом прямом смысле млекопитающие и всецело зависели от коровы Мумуки, от её удойного вымени, от парного и топленого молока, творога, сметаны, простокваши.

– 85 дней, – опустила глаза Ефросинья, будто сама была виноватая. – На 90-й день придет в охоту. Пять дней осталось.

В избе повисла тяжелая, как топор, тишина. Можно сказать, гробовая.

– С моторкой чего? – вопросом к Федору во второй раз очернил тишину Авксентий Яковлевич.

Мог бы и не спрашивать. Все и так знали: мотор сдох, у Федора руки из жопы растут, солярка на нуле. Ивановы жили на острове посреди озера Бездна, до большой земли семь километров – на веслах не угребешь, да еще с коровой на привязном плоту. А надо – не то слово. Если Мумуку в охоте срочно не доставить к быку – конец. Корова не баба: раз в год приходит в охоту. Останется яловой, а Ивановы – без молока. Короче, смертельный приговор.

Вопрос номер два, который еще полгода назад был первым номером, после похорон Якова Павловича отпал сам собой. Вопрос назывался «Ока». Или по-военному «Битва за «Оку». Тут такая петрушка.

На пятидесятилетний юбилей Великой Победы Яков Иванов обзавелся аллеей Славы и стелой павших героев в районном центре. На стеле среди земляков-героев значилось и его имя: Иванов Яков Павлович. Отпраздновали всем миром, всё честь по чести: духовой оркестр, ружейный салют, возложение цветов. Яков Павлович в общей группе участников церемонии возложил цветы к прижизненному памятнику самому себе, обронил скупую геройскую слезу. И так каждый последующий год – на пятьдесят первую годовщину Победы,

на пятьдесят вторую, третью... Дети, внуки надевали на него парадный пиджак с наградами, привозили в райцентр, покупали цветы, и похороненный дважды заживо солдат возлагал их, стараясь поместить букет поближе к своей фамилии.

Это, конечно, Гоголь. Но не весь. Весь Гоголь явил себя в начале следующего, двадцать первого века, совместившего цифры прибыли от нефти с цифрой убыли ветеранов ВОВ в такой счастливой точке, когда правительство с облегчением могло хлопнуть себя по ляжкам и воскликнуть: МОЖНО! В смысле можно без большого ущерба бюджету подарить каждому из оставшихся в живых ветеранов войны по автомашине «Ока». Лично Якову Павловичу эта «Ока» как пятое колесо телеге, а вот дети и внуки воспрянули духом. Пошли в райвоенкомат записываться в очередь. Тут-то и ухмыльнулся Николай Васильевич голосом военкома: «А вас, товарищи Ивановы, тут не стояло». Как так не стояло?! А так. Нету вас в живых. Да вот же он – Иванов Яков Павлович, можно рукой пощупать. Товарищ военком залез на стремянку, достал с верхней полки архивного стеллажа папку, сдул с неё пыль толщиной в палец, полистал страницы и ткнул в нос внукам и детям: ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ ваш Иванов Яков Павлович. Вот справка, подпись, печать. Из самой Москвы! У Москвы описки не может быть. Дальнейшее продолжение жизни товарищем Ивановым не предусмотрено. Тем более в счастье обладания автомобилем марки «Ока» 11116.

«Да уж, рукописи не горят», – подмигнул писатель Булгаков из шинели писателя Гоголя. Никто не забыт, ничто не забыто. Позорно отступили Ивановы, бесславно проиграли битву за «Оку». Вроде как в третий раз похоронили заживо УСПЕШНОГО деда.

Ну, теперь дело прошлое. Не до жиру – быть бы живу. Что имеем? На одну детородную бабу два кавалера сомнительного мужского достоинства. С учетом местной географии можно сказать: перинатальные проблемы достигли дна. И главное – снизу никто не стучит. Полная рецессия! Хотя... Последней, как известно, умирает надежда. Бабы предлагали проверенные средства укрепления наличного достоинства: ворожбу, корень сельдерея, крапивный отвар, полифенолы, воробьиное мясо, кошку на ночь к причинному месту. На поминках тему либидо обсуждали в деталях, маневрируя по всем направлениям: секс, эрекция, эстроген, эротические танцы, материнский капитал.

«Эх, зря, – укорял себя Авксентий Яковлевич, – зря мы отказали в репатриации своему изгнаннику, Федькиному Мартыну. Прислал покаянное письмо, просился обратно, в родную Бездну. Презрели! Идиоты! Подумаешь, гей! А кто сегодня не гей? На эстраде, в телеящике, на виду... На первый – второй рассчитайся! Половина! Это раньше было: стыдно, если ты пидор. А сейчас: стыдно, если не пидор. Лучший футболист мира Криштиану Роналдо в грудь себя бьет: да, я гей! Даёшь место в президиуме и «Золотую бутсу»!

Вот и Мартын Иванов поддался. И как устоять? Кто в Воронеже не гей, тот паркет в сортире драит. В Воронеже сексуальные меньшинства уже большинства, прорвались в депутаты, качают права. Короче, не выдержал Мартын воронежского напора. Его зачем послали? На курсы дегтярного промысла. Спокон веку в Бездне были свои мастера, гнали сосновый и березовый деготь, процветали! На большой земле продавали колесную мазь, продукты для смоления речных стругов, конской сбруи, сапог, бальзам для заживления ран, типа мази Вишневского, только круче. Беда – мастера выродились. Ивановы понадеялись на Мартына. Вроде смышленный, должен освоить пиролиз древесины.

Собрали вскладчину подъёмные – не подведи, Ломоносов! Съездил, лизнул другой жизни – вернулся. В ушах серьга, на губах помада, над глазами ресницы граблями, в чемодане лифчики, чулки, женские трусики. Парфюмерии пять флаконов, волосы серо-буро-малиновые. Сменил имя Мартын на Мартини, потребовал уважения прав и денег на пластическую операцию носа. И главное – сукин сын! – отказался от гетеросексуального контакта с родными островитянками. «Изыди, изгой! – сказали Ивановы. – Гореть тебе в аду, в кипящей смоле!»

... Солнце, по правде говоря, не баловало Бездну открытым благодатным сиянием. В основном присутствовало заочным образом, прячась за тучами, облаками, туманами. Бездна была триумфом сумеречного анабиоза. Какие там пятьдесят? Сто пятьдесят оттенков серого! Даже любимицы севера березы, с любовью к покойникам осенявшие кладбище, как бы стеснялись своей белизны, подмешивали в неё разные затемнения. Однако этот вызывающе серый цвет при всей своей видимой агрессии пульсировал тонкой одушевленной жилкой. Она дрожала, бредила лилейными мечтаниями.

Если и был у царствующего серого цвета соперник, то черный. Потому что падчерица Варяжского сумрака Бездна стоит на базальте, разрывающем почву острыми коренными зубцами. И само озеро черное. Под кристальной прозрачной водой покоится дно, выложенное тем же реликтовым базальтом. И подступающий к озеру лес в магической амальгаме водоёма переминается с черного на козырной серый. В той же аспидно-антрацитовый гамме и небо – низкое, густое, даже твердое на ощупь. И птицы – как нотные знаки. Черные, без бемолей.

Впрочем, и на старуху бывает проруха. Иной раз с утра солнце прорвется сквозь облака и зарядит на целый день. «А давай искупнемся! – провоцируют друг дружку Ивановы, что помоложе. – А давай!» У них купелей – на каждое тело! А одна общая, с коллективной баней по-черному. От бани проложен пирс со сходнями к воде и пляжу с парой раскладушек на мелкой черной гальке. Ну чисто Канары!

– А давай, Фрось, окунемся, – Катерина руки в стороны развела, лицо солнцу подставила – жаворонком вознеслась, блаженствует. Покой разливанный.

– А давай. Только сперва в баню. У меня шампунь дегтярный не весь израсходованный.

В бане распарились – голышом по мосткам в Бездну! Кого стесняться? Шум, плеск, благодать. Вода теплая, градусов 20. У мостков по грудь, и плавно, плавно – по шейку, по макушку. Кувшинки расступаются, рыбки меж ног шныряют, покалывают, солнце брызжет капельками на мокрых телах сестер Ивановых. All Inklusiv! Улеглись на мостках, закрыли глаза, млеют райскими Евами. И что самое эксклюзивное – комарья, гнуса нет. Слепней – и подавно. Хвала слезоточивому дегтярному духу, которым провоняла Бездна за века прибыльного промысла.

– Сон мне приснился – не пойму, что к чему, – не поворачиваясь к сестре, не открывши глаз, начала Ефросинья. – Домовой наш приснился, Шишига. Будто я в подвенечном платье, фата, а на ногах резиновые сапоги. И мы с ним, с Шишигой, на лодке – я на корме, он гребет. В галифе с красными генеральскими лампасами, в папахе, в погонах и вот с такими буденовскими усищами на бровях – крутит лодку туда-сюда, дрейфует, как лица закавказской национальности на гелендвагенах. И кричит словами той же национальности: «Рашка – говняшка»!

Замолчала, ушла в сумрак своего тревожного сновидения.

– Ну, ну, – понукает Катерина. Чует драматургию. Шишига так просто не является. Опять же свадьба. Закавказские лица. К чему бы это?

– Ну да, свадьба. А пироги, чую носом, пироги пригорели.

– А куда плывете?

– В том-то и дело – вроде знакомо всё, Бездна, и вроде иноземное какое-то. То ли Швеция, то ли Венеция. Улицы как реки, дома из воды растут, тряпки на веревках от дома к дому. И платье моё за кормой тянется, стелется по воде, цепляется за каменные берега, и мы вплываем в наш подземный бункер, в темноту, и весла упираются в бетонные стены, и фата моя наматывается на весла, а течение всё быстрее и быстрее, и впереди провал, обрыв, и тьма тьмушая, ничего не видеть. А он, Шишига, оборотень окаянный, хохочет и по мобильнику: «Прокачу! Пикачу!» Я вся мокрая, платье облепило – труссы и всё ниже на виду.

– Какой бункер? Наш, что ли? Возле кладбища?

– Ну да.

Шишига – общепризнанный шалопаи, вроде еще один Иванов, коренной. Женщины поговаривали даже, что от Шишиги можно и забеременеть. Всех странных новорожденных на него списывали. «В кого? – не поймет, бывало, папаша младенца. – Да в Шишигу! – скажут. – А, – успокоится папаша. – Тогда другое дело. Ясен пень».

Катерина из-под прикрытых век посматривает на сестру. Про неё тоже поговаривали: в кого такая? Странная. На дойке с Мумукой по-французски миндальничает: «Мерси... Сильвупле»... Откуда? Новопреставленный Яков Павлович пересказывал дедовские байки, мол, в этих местах в 1812 году Наполеон топтался со своими солдатами. Может, оттуда. Недаром же Мумука понимает французский. На «сильвупле» куда надо подвинется, хвостом по лицу хряснет – «пардон!» Извините, мол, больше не буду. Однако не всех убеждали исторические новеллы Якова Павловича. Да и сам он порой путался в сюжетных загогулинах. По его же собственным словам, еще до Наполеона тут топтался ордынский хан Токтомыш с бусурманами, с Мырзакунами, Тугельбаями, Абдрашитами. Тоже не брезговали русскими красавиц в зоне бикини. Опять же наш скуластый монгольский друг Чойбалсан. На одну русскую кровиночку семь нерусских.

Ну и Шишига наводит тень на плетень. Варвара – царство подводное! – божилась, вот те крест, что сама слышала, как первого ноября, аккурат на Иванов день, за печкой Шишига выл басом: «От той волны морской в нас кровь-руда пошла. И мысли тайны от туманов»... Но Варваре не очень верили: баба, да еще молодая, двадцать три года. У них, у здешних баб Ивановых, хоть старых, хоть молодых, в мыслях тайных одни варяжские гости. За этим гостем, за русоволосым, голубоглазым Зигфридом, по своему женскому усмотрению, она и пошла к Водяному в одной белой рубаше, без трусов, без лифчика, утопла в его красивом царстве с зелеными водорослями, обросла в ожидании Зигфрида пышным русалочьим хвостом. А Ивановы, оставшиеся на суше, били себя в грудь: Ивановы мы! Вопреки и назло варягам, монголам, зырянам! Чистой воды, беспримесные арийцы... Нас поп Иван крестил своим именем за мзду соболями и жемчугом. До этого, до крещения, мы разные были. Но точно не варяги, не монголы, не зыряне какие-нибудь, не эрзя, не мокша. Русские мы. Первоначальные, посткатаклизменные. Как отступил Великий ледник к Океану, оставив на северах цепочки болот и озер с живородящей сапропелевой массой, залежи чудодейственного космического шунгита, гряды холмов, расщелины «камьы» с песком и гравием, морены, с тех самых пор лежбища гранитных и базальтовых валунов ожили, подняли головы и обратились в прямоходящих, первобытнообщинных Ивановых. Как говорится, от скал тех каменных у нас, у русских, кости. Ну и лбы, само собой. Варяги позже понаехали.

Фрося сном своим взволновалась, две островерхие сахарные возвышенности с алыми тюльпанами на венцах вздымаются. Видно, как скучает мимишная грудь, после единственных родов не ставшая выменем. Муж, исполнив интернациональный долг, остался без вести пропавшим в недоступных афганских горах. Родина-мать почем зря тратила Ивановых. Восемнадцатилетнего сына Фроси накрыло эхом близкой Кавказской войны. Подорвался на mine. То ли своей, то ли ихней, чеченской. Сына привезли в казенном гробу фрагментами тела. Слава богу, похоронили на своем кладбище, на Бездне. Катерина, сестра, насыщенная личной материнской жизнью, понимает нутром, жалеет младшенькую: неизрасходованной осталась. Ребенка недоласкала, мужу недодала. Один глоток от молодости отпила, остальное вино бродит, превращается в уксус. Однажды, после похорон сына, заста-

ла Фросю в сарае. Она баюкала у груди березовое полено, пела свою колыбельную: «Пришли медведи мохнатые, на задних лапах стоят, передними тучи лапают». Но это сердечные страдания, это про сердце, которого не видно, оно внутри, под атласной кожей.

– Как думаешь? Про что этот сон? – напряглась Фрося.

– Кучерявый какой-то, – уклоняется от прямого ответа Катерина. – Помнишь Варвару нашу? Шишига, прохвост – прости Господи! – ей варяжского гостя напрозорчил.

Взяли обоюдную передышку в беседе. Залюбовались картиной. Был у них конкурент в цветовой гамме – конь по имени Луноход белой масти. Единственное бесспорно белое пятно в Бездне при любом раскладе погоды. Утром, вечером, даже ночью. Беспривязный, не униженный хомутом, оглоблями, напрасной хозяйственной обузой, бродит по острову, щиплет травку, одобряет луга парными каштанами. Самоуверенный, не в пример Мумуке. Будто не он принадлежит Бездне, а она ему. Вместе с мужиками и бабами. Вот и сейчас на зеленой лужайке замещает белизной женщину на «Завтраке...» Эдуарда Моне.

– Эх, зря мы тогда Мартышке напрочь отказали, – выдала ход тайных мыслей Катерина. – Подумаешь, гей! Как бы щас пригодился. Ох ты, гей еси, добрый молодец! Воротись ко мне, красной девице!

Засмеялась своей срамной мысли:

– А правда, что на гениталиях у него кружевные цацки со стразами?

Лично Фрося не видела. Но сестру поддержала в том смысле, что поумерить гордыню надо бы, милосерднее надо быть, научиться прощать. Ну, Мартини стал вместо Мартына. Ну, пидор. Но осознал же, раскаялся. На какие расходы пошел! Пишет, мол, ездил на реабилитацию к доктору Назаралиеву в Бишкек. Прошел курс лечения интегральным методом. Десять сеансов лечебного камчевания с последующим введением в фазу лунатизма. Не вняли. Хотя Бездна, может, больше всего нуждалась именно в лунатизме. Для душевного равновесия.

«Течет река, бежит ручей. И я ничья, и ты ничей», – встала Катерина в полный рост, локти к бокам прижала, ладошки развела, головку назад откинула, зад отключила – пошла ягодицами туда-сюда. Ай, красавица! Куда там Надежде из «Золотого кольца»!

– Вставай! – Фросе командует. – Зря, что ли, репетировали концерт на дедовский юбилей?

И зашлёпали голыми пятками по деревянным мосткам.

«Вот и прошли года, но мы не старые. Недолюбившие, лежим усталые».

Катерина младшую сестру – хлоп по заднице. Неформатная. Не соответствует островным Ивановским нормативам. По нормативам, по матрице, Ивановская Афродита должна быть: а)грудастая, б)икрястая, в) задастая. Все наряды шились, чтобы подчеркнуть эту модельную триаду. На икры, как на веретено, наматывались толстым слоем специальные оунчи. Грудь подпирали кожаными подставками, зад расширяли слоеными юбками. Фрося ни грудью, ни икрами, ни задом не вышла. Сиськи, не прибавив в размере, остались в молодой упругости. Икры – две бутылки ноль пять, живот впалый, обезжиренный. И ростом с оглоблю, метр 70. Ноги длинные, журавлиные, бедра вообще никуда. Веснушки под золотистым пушком, родинки под левой грудью и возле пупка, ямочки на левой щеке и подбородке. Во взгляде – недоумение и тревога без повода. А главный недостаток – в жопке никакого излишества, не за что ущипнуть.

У самой-то Катерины красоты – на двоих. И на боках, и на спине, и ниже. Сдобное тело, налитое сочным бабьим мяском, с нежным, на два пальца жирком. Рук не хватит, чтоб всё объять, всё обхлопать. Взбаломошный студень трепещет от грузного топота, свободные безразмерные груди в такт песне бьются, как весла об воду. Телесно и гласно украшают ландшафт Бездны с белой лошадью на поляне.

«Течет ручей, бежит ручей. И я ничья, и ты ничей».

... На зорьке, до полного рассвета еще, Авксентий Яковлевич вышел на берег с удочками. Такой у него ритуал утреннего умиротворения: сходил в деревянный туалет во дворе, попукал, почистил зубы над тазиком под железным умывальником с гремящим соском, взял удочки, пошел к озеру, к мосткам по протоптанной тропке. Место прикормленное, рыба в курсе, где на халяву можно заморить червячка.

– Сколько лет, сколько зим, – поприветствовал Авксентий Яковлевич павлиноглазку, взобравшуюся на шершавый лист лопуха. – Какими судьбами?

Рыжеволосая небритая гусеница продвигала своё грациозное женственное тело с достоинством баллистической

ракеты на Красной площади, несущей мир прогрессивному человечеству. Восемь пар ног обеспечивали плавный ход и надежное сцепление с дорожным покрытием. В ответ на приветствие Авксентия Яковлевича павлиноглазка кокетливо вильнула мясистыми лопастями, прикрывавшими анальное отверстие.

– Вот баба! Совсем мозгов нет, – без злобы отметил Авксентий Яковлевич, насаживая на крючок половинку жирного червяка. – Не видишь – человек рыбу ловит. Ему наживка нужна.

Ночь пережила легкий, необязательный дождик. Светало. Жизнь сумрачным контентом укладывалась в берега, клеб был, но вялый. В судке, судорожно хватая воздух, колотились пара окуньков, караси, один линь да пяток ершей. Судак, налим, красноперка выжидали.

– Толстая. Беременная, что ли? Какой срок?

Давненько на острове не видали беременной бабы. А откуда ей взяться? Одного половозрелого самца сами отправили в изгнание, второй, Федор, на последнем издыхании. Еще и оправдывается, мол, своих не кроем. Нет, не тот пошел Иванов. Вырождается. Ранешный Иванов крыл и чужих, и своих.

Авксентий Яковлевич помусолил наживку сучковатыми пальцами, поплевал на червячка, высморкался, нацелился глазом на поплавок. В его топорно вырубленное морщинистое лицо глубоко врезалась неудовлетворенность работой желудочно-кишечного тракта, монотонным стоянием воды, земли и неба, время от времени оживляемым атмосферными осадками и отходами космической жизнедеятельности спутников, НЛО и пятиступенчатого вездельца Бабы-яги. От Бабы-яги мусору было больше всего. У неё на Бездне функционировал персональный Байконур в виде избушки на курьей ножке – баловство Федора. Стартовый комплекс был с брачком, с намеренной червоточиной. Ножку Федор злоумышленно подпилит для прикола: вот сядет Баба-яга в избушку после космического полета, избушка – на бок, Яга – вверх тормашками, юбки на голову, рейтузы наружу... Ха-ха-ха.

– Ты это выбрось из головы – наживка! – щелкнула шелкоотделительной железой личинка из отряда чешуекрылых. – У меня цикл. Мне окукливаться пора. Бабочка в животе крылышками трепещет. Любишь бабочек?

– Вот стерва! – ругнулся Авксентий Яковлевич. – По больному месту, по яйцам бьёт.

Какие бабочки, когда эстрагену нет! В прошлом году еще была оргазма. А в нынешнем – тью-тью. Сносился детородный орган. Не годится для порочного зачатия. Последние годы справлял половую мужскую нужду вообще без всякого удовольствия. Тык, тык – вроде как вилами помаял на сеновале. Оскорбительно для женского пола. Были бы конкуренты, женский пол мог бы прибегнуть и к мщению изменой. Если уж совсем откровенно, глядя в глаза внутренней правде, Ивановы и жили с мечтой об измене. Особенно женщины. Иной раз так хотелось изменить, аж в суставах хрустело. В самой-самой глубине даже изгою Мартышке завидовали: ему за всех Ивановых удалось сполна вкусить сладость измены. Остальные готовы были при малейшей возможности. И, слава богу, жизнь такая штука, что проникает, просачивается сквозь невидимые глазу поры земли, через тайные ходы дополнительной реальности, или воздушно-капельным способом. Как грипп.

– А это как – оргазма? – заинтересовалась павлиноглазка.

– Это когда Агашка говорит: «Ну ты, Сеня, даёшь! Никогда еще так не было. Ты чо, воробыного мяса наелся?»

– А, – протянула гусеница, – поняла: курорт есть, а курортных романов нету.

Понятливая многоножка пересекла солнечную сторону листа, закрепилась на тыльной стороне лопуха и, выпятив нижнюю губу, задействовала железу с жидким секретом, который при соприкосновении с воздухом превратился в тончайшую шелковую нить. Авксентий Яковлевич отвлекся на поклевку, поплавок дернулся и резко пошел вглубь. Неужели белый амур крючок заглотил? Рыбак потянул носом в предвкушении уха. Еще бы пару линьков, и можно разводить костерок. Не тюрей единой! А отварная медвежатина только по большим праздникам.

– Тятя! – послышался испуганный женский зов.

– Чего орешь, ёла-тёла? Рыбу распугаешь, – прошипел главный по ухе, подтягивая удилище, утяжеленное, как ему показалось, рыбиной килограммов на семь.

– Глянь, тятя, кто это там шарашится? – настаивала на своей тревоге женщина.

– Где?

– На кладбище. За Горбуном спрятался.

Авксентий Яковлевич присмотрелся – нет никого. Надел дальнозоркие очки, направил взгляд на камень по прозвищу

Горбун – нету. Вот Фроська, рябь твою мать, вечно гонит пустую волну. А в последние дни вообще заполошная. Ну это понятно. Ивановы зависли, как рыба на тонкой леске: раз – и оборвалась. Останется Мумука яловой – и конец их автономному роду. Сам Авксентий Яковлевич от проклятых вопросов внешней и внутренней политики, от ночного бухтения Агафьи уходил помолчать с рыбами на утренней зорьке. Великое дело – поплавок! Собирает, концентрирует всего человека целиком в одной точке. Смотрит человек в эту точку, как во вселенную, возвышается над вечным покоем.

Ефросинья доила Мумуку, заискивающе смотрела ей в глаза: ну потерпи чуток. Может, эти мудаки чего с мотором удумают или чудо явится. Раньше-то не особо была крепка в вере, а тут стала молиться. Иной раз в себя засмотрится – других не слышит. Отрывается от мира сего. В кого уродилась? Негде ей было подцепить иногенных кровей. Видать, дальние предки виной. И те не по доброй воле. Насильно. При наступлении на Смоленск.

Бабы! Несовместимый с рассудком человеческий вид. Это Авксентий Яковлевич заметил еще на зоне, где, как полмиллиона других Ивановых, служил в войсках охраны ГУЛАГа. Половина Ивановых располагалась с той стороны колючки, половина – с этой. Иногда менялись местами. Авксентий Яковлевич, родившись после войны с фашистами, в боях за Родину не участвовал, а вот «вохрой» на сторожевой вышке Родине послужил. Повидал и мужской педерации, и женской бесприплодной однополости. Женская, изможденная насильственным воздержанием, страшнее. В женских бараках он изымал из тумбочек незаконные журналы с голыми иностранками в стыдных позах, в трусиках и без трусиков, и сажал в карцер за срамную эковскую любовь. Вот такая, как Фроська, с такими масиськами, с такой жопкой, в дамском отряде была бы царицей. За ней бы в очереди стояли, на смерть бы зацеловали в торжестве греха женской плоти. Спаси, Господи! Избавь Ивановых от страха невозобновления!

Авксентий Яковлевич и сам признал: только чудо может спасти Ивановых. И даже перекрестился – персты помнили православие лучше, чем голова. На Бездне и часовня была при Наполеоне, Александрах Втором и Третьем. Каменная, дроботная. Но уже при Николае Втором стала рушиться от хозяйственного небрежения и нарастающего безверия широких народных масс, а после 1917 года и вовсе камни разобрали на

погреба и амбары. От часовни остались позорные развалины. Господь не простит, не поможет. Млекопитающиеся мужики, перебирая железки, виновато прячут глаза от баб, матерятся бессильные: «Ёлы-тёлы!»! А выхода нет. Настолько нет выхода, что вообще полный пиндец Ивановым. Авксентий Яковлевич пытается поймать гормон успокоения на рыбалке и не может. Бездна глядит на виноватого ловца оловянным саркастическим глазом, ввергает пожилого человека в необратимое сумеречное состояние. Кажется, весь экологически чистый биопродукт Бездны – щуки, карпы, сомы, лещи, судаки, лини, ерши, красноперки, налимы и даже нивесть откуда взявшиеся осетры – объявил бойкот Ивановым.

– Да вон же он, тятя! Вон, – спрятавшись за корову, завопила Фрося нутряным Лепсом. – Гляди, вроде сюда бежит.

Авксентий Яковлевич попытался совместить взгляд на удочку спереди и на кладбище сзади. Раздвоение внимания не привело ни к чему хорошему, рыбина – точно белый амур килограммов на семь – с крючка сорвалась. Кто бы сомневался? На кладбище было тихо, никаких чужаков не обозначилось. Одни свои, молчком лежащие в могилах Ивановы. Ни Петровых, ни Сидоровых, ни, упаси боже, Рабиновичей. Всё кладбище под одной фамилией. Со времен той самой доисторической ледниковой катаклизмы.

– Террор! Ну, террор! – агрессировал Авксентий Яковлевич.

В предельном напряжении значительностью лица в профиль он превзошел режиссера Мейерхольда, присевшего по большому.

– Никого нету. Совсем крыша поехала. Шишига в глаз плюнул.

Видение Ефросиньи материализовалось каким-то несерьезным, карикатурным образом. Прямиком на Авксентия Яковлевича бежал, не разбирая дороги, ботан в очках, в детской шапчонке с ушками, в драных джинсах, в клетчатой рубашке и кроссовках на босу ногу. Смотрел не вперед, не под ноги, а себе под нос, в какую-то коробочку, в прибор вроде компаса. Недоразумение полоумное. Мумука и та глаза вытаращила, попяtilася со страху. Да и Авксентий Яковлевич, хоть и был вооружен удилицами, тоже малость струхнул.

– Федьку зови!

Не обращая внимания ни на корову с Фросей, ни на ку-

сты и камни под ногами, недоразумение накатывало прямо на Авксентия Яковлевича. Упершись ему в живот, оно пало на колени, полезло руками в траву, нащупало лопух и во всю ивановскую заорало:

– Вот он! Френды, здесь он!

Ботан развернул лопух тыльной стороной наружу, навел свой путеводный аппарат на знакомую Авксентию Яковлевичу павлиноглазку, поерзал пальцами по светящемуся экрану, хищно ткнул в некую точку и огласил остров счастливым воем.

– Бульбазавр! Генно-модифицированный! Френды, я вштырил ему поке-бол! В упор, с двадцати сантиметров.

Павлиноглазка вильнула длинным, как дирижабль, полнопроводным телом и замерла в режиме ожидания.

– Где? Где этот твой покестоп? Выкладывай карту! – набежали на экран строчки френдов с вопросами.

Только теперь чудище оторвало глаза от гаджета и уперлось взглядом в колени Авксентия Яковлевича. Панорама вверх от ширилки до пояса завершилась кадром значительного, но перепуганного старческого лица. Оставаясь на карачках, незванный гость повел глазами влево и вправо.

– Старче, а где это я?

– Где, где? В Бездне, – перевозмогая оторопь, выдавил ответ Авксентий Яковлевич.

– Что за Бездна такая? Я же только что был в Александровском саду – там покестоп у Кремлевской стены. Мы с френдами Чармандра покеболили. Бездна это чо – Замкадье? Новая Москва? Пацаны виртуальную карту просят. И ваще...

Изгоняя из себя труса, Авксентий Яковлевич присматривался к оборотню: вроде что-то человекообразное, но юродивое, типа Шишиги. Слава богу, прямой и немедленной угрозы не представляло.

– Не Бэ́здна, а Бездна́, – позволил себе возразить Авксентий Яковлевич. – Ударение на конце: Бездна́. Семьсот тридцать верст от Москвы, сто пятьдесят верст от Брянска, сто сорок – от Калуги, сто двадцать – от Смоленска. Бермудский треугольник. Ты с какой стороны? От Смоленска? Поездом или автобусом?

– Я пешком. В Александровский сад на метро приехал. Из Капотни.

Пришелец потыкал пальцами в гаджет и, не повышая голоса, вроде как стоящему рядом соседу сказал: «Семьсот

верст от Москвы, прогуглите треугольник между Брянском, Калугой, Смоленском».

– Ты с кем это? – изумился Авксентий Яковлевич. – Сам с собой?

– С геймерами. Мы в Pokemon GO режемся. Иногда круглосуточно. От Китай-города до Кремлевской стены на каждом шагу ловушки для пикачу. Там и поспать можно на газоне, и попкорн продают, шаурму, бургеры, пиво. Кальянчиком можно подзаправиться. А главное – армяне организовали пункты зарядки мобильных. Зарядка, блин, быстро кончается. Тут, кстати, в вашей Бездне есть зарядка?

– У нас движок на солярке. Только солярка на нуле. И керосиновые лампы. Керосина в бочке на донышке.

– Ни хрена себе! А как же вай-фай? Вай-фай зашкаливает. В Китай-городе слабее.

– У нас никакого вай-фая сроду не было. У нас и дороги нет. Вода кругом. Мы же остров. От райцентра до ближнего берега только на армейском «Урале» или на тракторе по колее. Ты сам-то, чо, с неба свалился? Не помнишь, как здесь очутился?

– Не помню, – без хитрости признался ботан. – Я за Бульбазавром гонялся. Он самый крутой покемон. Япошка – хреношка. Гусеницей прикинулся!

Аппарат чудища вдруг засветился малым телевизором, булькнул резким утробным урчанием. Чудище всмотрелось в экран.

– Нету Бездны? А в Яндексe? Черная дыра? Может, ударение не то закачали? Бездна – ударение на «а».

Между тем Ивановы уже собрались вокруг пришельца: Фрося с Мумукой, Федор, Катерина. Агафья, прихрамывающая, тащила из курятника. Только белый конь безучастно щипал траву, не отвлекаясь на суету.

– Тебя самого как зовут? – попыталась завязать знакомство Катерина, самая бойкая из женщин Бездны.

– Серега.

– Ну вот, – обрадовались Ивановы. – Нормальный человек. Серега.

– А по батюшке? По фамилии? – потребовал уточнения Авксентий Яковлевич.

– Петрович по батюшке. А фамилия Ивановфф.

– Да ты чо, Сергей Петрович! Правда, что ль, Иванов?

– Иванофф. Только два «ф» на конце. И-ва-нофф.
– Как это два «ф»? Почему? Ты прямо скажи, Иванов ты или не Иванов?

– Да Иванов я. А два «ф» – это ща тренд такой. Ивановых на «в» повсюду гнобят.

– Всех?

– Всех. Подчистую. Из МИДа поперли, в наркоконтроле подстава со взяткой, а теперь из кремлевской администрации отправили барсов пасти. Ща в тренде абрамление Рашки.

Ивановы, столпившиеся вокруг Иваноффа, озадачились. Вот дела! Чем это Ивановы России помешали? Интересно, а райвоенкомат знает про этот тренд? Может, и битву за «Оку» из-за него проиграли? Налицо, как говорится, отчуждение государства от Ивановых. Особенно от тех, кто на острове. Перепись населения затрудняют, работу агитаторов на выборах, урны приходится доставлять на дом, коллекторы жалуются – неудобно им выбивать долги по налогам. Они, Ивановы, и рады как можно меньше причинять неудобств коллекторам. И без поликлиники жить согласны, без пенсионного фонда, без радио. Мол, с нас хватит одного Путина. Ну, чистой воды Ивановы. «В Бездне мы родились – утонем в Бездне». Над ними всегда висел ДОЛГ перед Отечеством. Коренные островитяне со всем своим однокоренным скарбом, с коровой, лошадьё, со всем своим ЖКХ были по умолчанию принадлежностью государства, его движимым и недвижимым имуществом. Обратной принадлежности государства Ивановым не просматривалось. Ни вслух, ни по умолчанию. Ивановы никак не могли поживиться государством: ни повлиять на выборы начальства, ни на тарифы, ни на внутреннюю политику. «Руки прочь от меня!» – написало у себя на лбу государство и успешно обороняло своё отчуждение от Ивановых. Одно утешало: тем, кто на большой русской земле, тоже несладко. Слава богу, радовались Ивановы, внешняя политика, оберегающая их от пиндосов, гейропейцев, пежопников и Большого брата за Великой стеной, в надежных руках.

Кто о чем, а лысый о расческе. У Катерины с Фросей на первом месте гендерный интерес: уровень эстрогена, реакция на дамский экстерьер, подъёмная сила детородного органа. Живой или как? Катерина даже руками потрогала, как бы нечаянно задев эrogenное место в паху драных джинсов. Успокоилась: живой человек мужского пола.

– Ты, случайно, не батяшкаф? – подмигнула Фросе.

– Не. Я фрилансер. Вырвал себя из офиса. С корнем.
– На завод, что ли, пошел? – подивился Авксентий Яковлевич новой рабочей профессии. Он знал токарей, фрезеровщиков, слесарей, сварщиков.

– Ща в Москве нет заводов. ЗИЛ снесли. Собянин на месте заводов зоны отдыха строит. Парки всякие, гипермаркеты, покестопы. Слесаря днем с огнем не сыщешь. В заводские стены москвича и в наручниках не загонишь. Молодежь в паутине кучкуется: чаты, блоги, интим, порнуха. В стенах ща одни гастарбайтеры – узбеки, таджики, вьетнамы. Хамон из собак варганят, анораки на кошачьем меху, лабутены на красной подошве. А москвичи все дистанционно – фрилансеры. Я вот в Бездне сижу, на острове, а Вован... ща посмотрим, где дистанционно наш Вован...

Сергей Петрович ткнул в экран пару раз пальцем, и лицо его осветилось солнцем чужих берегов.

– Я так и знал – на голове! Вот, – фрилансер Серега повернул дисплей Ивановым. – Вован в коронной позе: на голове стоит, в перевернутой реальности. Ты где ща, Вован? На Гоа, что ли?

– На Гоа, где же еще?

– Это где – Гоа? Под Вологодой? – насторожились Ивановы.

– Индийский океан. Там куда ни плюнь – попадешь в нашего фрилансера. Русский берег. Половина – на голове шизует. Изгоняет смысл из серого вещества. Вован! Завязывай с Гоа, дуй в Бездну. Тут ваще смысла нет никакого. Необитаемый остров. Конкретно.

– Как это обитаемый! – возмутились обитатели Бездны. – А мы?

– Я не в том ракурсе. Ни Рабиновичей тут, ни Смитов, ни даже Петровых. Одни Ивановы. Сколько вас, Ивановы?

– Было семеро, одного вчера похоронили, осталось шесть. Еще корова и конь.

– Шесть Ивановых, один конь и одна корова. Прикинь – я тут Бульбазавра зачекинил. Тут, блин, аномальная зона: электричества нет, а вай-фай зашкаливает. Дыра в Рашку до седьмого колена. Чего? Показать Ивановых? Селфи? Ща. Давай сюда, Ивановы. Теснее, чтоб все вошли.

– А с коровой можно?

– Давай с коровой. Вован, видишь корову? Вот весь личный состав Бездны. Короче, телепортируйся. Ты ща на

каком уровне духовности? На восьмом? Тут, на глазок, двенадцать уровней. Духовность зашкаливает, вибрация, как на «Прогрессе» с бракованным движком. Короче, полный квест – от вздутия живота до воспарения духа. Абсолютное прозрение! Ну, бай, пока. Зарядка кончается. А мне еще надо пару контактов успеть.

Сергей Петрович погасил экран и оглядел Ивановых.

– Он, правда, может? – то ли обрадовались, то ли испугались Ивановы. – Телепортироваться.

– Может. Он всё может.

– Как ангел, что ли?

– Ну да. Типа ангел. Ангел с понтами. Фантомас. Фантомный сгусток, материя минус. iPhone вместо крыльев.

Ивановы проглотили язык, изобразив известную немую сцену по любимому Гоголю. К жизни вернула Мумука: ей пришло по-маленькому, и она, не отходя от компании, совершила это маленькое благозвучное дело.

Катерина, выйдя из «Ревизора», обрела дар речи.

– Ну что, фрилансер, пойдем чай пить. Небось, проголодался.

Сергей Петрович не стал выпендриваться. Нормальный парень Сергей Петрович, русский, по всей видимости. А может, не русский? Военком говорил, половина Ивановых в России – евреи. По старой памяти прячутся за спину Ивана. Ошибочка вышла! Не на ту спину поставили! В общем, при ответственном усилии два «ф» Серегины можно понять.

Пошли в дом, разогрели на сковороде медвежатину, картошки, томленной в печи, грибков соленых поставили, корюшки вяленой на газетку навалили. Чем богаты. Уху оставили на вечер.

– Эх, хвост-чешуя! – поднял стакан с самогоном, пропущенным через шунгитовый фильтр, Авксентий Яковлевич. – Ну, за Бульба... как его?

– Бульбазавра... Правда, повезло. Редкий покемон.

– И чо с ним теперь будет?

– Ничо не будет. Фотка есть на айфоне, покебол в техподдержке зафиксировали. Он же цифра, фантом. А живой червяк...

– Павлиноглазка, гусеница... – поправил Авксентий Яковлевич. – На неё карась падкий. У нас тут разные есть – булавоусые, чешуекрылые, бражники, хохлатки. Павлиноглазки

самые наваристые. Смотри – прикинулась мертвяком. Ждет, чего теперь будет.

– Пусть ползет себе по своим делам. У неё, кстати, какие дела?

– Она шелковую нить распускает. Потом из неё бабочка родится, – объяснила Катерина. – Ты кушай, Сережа, медвежатинку. И хренку не жалей. У нас хрену до хрена.

– Вот он – Бульбазавр, – открыл фотку на айфоне Серега.
– Монстр. Красава!

Сестры склонились над айфоном.

– Это какой у тебя? Третий?

Катерина с Фросей тоже не лаптем щи хлебают – и про iPhone в курсе, и про всякие интернет-услуги, про одноклассников. Не с гор понаехавши. Зря, что ли, с дедом Яковом на 9 Мая в военкомате ума набирались.

– iPhone 4, – Сергей Петрович погладил чудо-трубку. – Четвертое поколение от Apple. Экран с разрешением 960 на 640 пикселей, пять Мп камера, корпус тонкий, 9,3 миллиметра, гироскоп в пару к акселерометру, два микрофона, процессор с видеоускорителем, камера для видеозвонков. В Америке только за первый уикенд распродали миллион семьсот тысяч трубок. В мире – острый дефицит. Мне один кент из Пиндосии продал через интернет-магазин.

– Круто! – нашла нужное слово Катерина. – Покажи фотки. Какие они, эти ваши пикачи?

Просмотр сблизил хозяев и гостя. Договорились: про интим завтра посмотрим. «На ночь опасно, – Катерина погладила Сергея Петровича лукавым пролонгированным взглядом ниже пупка. – Завтра. Прямо с утра, после дойки. Сколько зарядки айфона хватит». Сказала и в тот же миг об это «завтра» споткнулась. Он, что же, теперь, Сергей Петрович, и завтра будет, и послезавтра? Или, правда, телепортируется? А если правда, то может и с Мумукой? А как же с зарядкой айфона? И тут же обе, Катерина и Фрося, вспомнили об одном и том же: батяшкаф! Ему что зарядка, что разрядка – как два пальца об асфальт.

– Тебе где постелить, Сергей Петрович?

– А какие варианты?

Вариантов было два. Первый – в зале заседания политбюро, где на поминках обсуждали проблему размножения Ивановых. Второй – на сеновале со свободным доступом к телу. Но

там дополнительная реальность, Шишига может пощекотать. Переглянулись сестра с сестрой. Если чо, если визит охотника за покемонами продлится, можно по очереди: одна – с батяшкафом, другая с фрилансером. Потом поменяются.

На этом интересном месте оно и рвануло. Цзынь? Зазвенели стаканы, бутылка с самогонем опасно качнулась (Авксентий Яковлевич проявил истинно молодецкую верткость, не допустил падения бутылки), кочерга у печи грохнулась, горшки поскакали. Москвич Сергей Петрович втянул голову в плечи, как бы уменьшаясь в росте и возрасте.

– Вот рябь твою мать! Опять трахают, – прояснил ситуацию Авксентий Яковлевич. – Из подводного положения. Рыба нервничает, березы стонут, у Мумуки, каждый трах – считай, полтора литра минус.

– Кто трахает?

Сергей Петрович оглядел Ивановых, страху не заметил – одна досада.

– Да эти, в черных беретках. «Б-12/16» – гибридного назначения. По жибхатанусрам шмаляют в Сирии. Из подводного и надводного положения. Прошлый раз, говорят, попали.

Войска гибридного назначения, соображал Серега, – это значит что? Это значит киберпространство сверхвысокого когнитивного напряжения. Зря, что ли, в этой паутине погряз Бульбазавр? ГЛОНАС, спутники, серверы, вай-фай неограниченного разрешения. Плазма, нейтрино, добавленная реальность. Батальон хакеров, ёлы-палы! Огласите приказ, товарищ генерал. Пентагон? МИ-6? Белый дом? Wall Street? Хиллари? Цифровые шалости: клик вправо, клик влево – хоп! – и всё гостайное стало явное, вместе с частной перепиской. Разрешите выполнять, товарищ генерал? Отставить! Мы за мир во всем мире. А «б» что означает? Бездна! Значит, здесь, совсем рядом их полигон. Шахты, штольни, причалы, «лохнессы». Водолазы, в конце концов. Воины недремлющего wi-fi.

Перед вечерней рыбалкой и обещанной ухой фонтанчиками на Бездне поиграл легкий дождик, освежил свежей шрапнелью камни, траву, избы и Авксентия Яковлевича, одиноко сидевшего на деревянных мостках с мыслями о размножении Ивановых на фоне новых обстоятельств. Естественно, новыми обстоятельствами были Сергей Петрович Ивановфф с его дополнительной реальностью и таинственной телепортацией. Хорошо бы приспособить незваного гостя для посильного уча-

ствия по прямому мужскому назначению. Какой-никакой, а всё же Иванов. Хоть и с двумя «ф» на конце.

Авксентий Яковлевич старался изгнать из себя собственное высокомерие, стряхнуть с плеч добровольно возложенный груз ответственности. Ну исчезнут с лица Бездны Ивановы, и что? Никто и не заметит. Семь лет мак не родил – голоду не было. Страна ненужных Ивановых. Лишние рты. За какое особое геройство чтить эту фамилию? Отец вспоминал: был у них на фронте Иванов, старшина в противотанковой роте. Всю войну прошел на расстоянии вытянутой руки от танка. И выжил. Почему? Не пил сталинские сто грамм. Дружил с лопатой, рыл окоп, прятался в него с головой, не лез на рожон, не удирал, но берегся. Остерегался. Без страха на войне никак. Хотя страх страху рознь. Больше, чем немецкого «Тигра», Ивановы, да и Петровы, Сидоровы, боялись своих особистов. Вот изуверы так изуверы. Ладно, покалечат руки, ноги, почки. Они же в душу иголки вставляли. Забывали страх в генетический код, в национальный характер Ивановых, Петровых, Сидоровых. От этого генетического страха Иванов, Петров, Сидоров да и Рабинович, если на то пошло, готовы настучать на родного отца, предать мать, продать с потрохами честь, совесть, порядочность. И что самое подлое, долго держится этот генетический страх. Война когда прошла – и Гражданская, и Отечественная? А он, страх, до сих пор сидит. И по сей день Петровы стучат на Ивановых, Ивановы – на Сидоровых. Про Рабиновичей говорить нечего – на них все стучат.

Яков Павлович, бывало, греет свои обмороженные пальцы над раскаленной печкой, а из глаз слезы текут. Так ему за Ивановых, Петровых, Сидоровых обидно. За Рабиновичей – меньше. У них, Рабиновичей, есть своя Стена Плача.

– Катерина, Ефросинья, давай на берег! – прокричал Авксентий Яковлевич в сторону леса и кладбища. – Петрович, айда уху научу варить.

По замыслу Авксентия Яковлевича уха сегодня будет на берегу – гостевая, тройная. Эх, хвост-чешуя! Костерок уже потрескивал, рыба, живая еще, билась, колбасила в судке – полный набор ихтеологического биопродукта Бездны: жерех, сазан, красноперка, голавль, караси на первый бульон. Старик, кажется, знал всех рыб в лицо. Иных после допроса отпускал на волю. Без предварительных условий. За красивые круглые глазки.

– Демократизьмы, мля, перебор, а патриотизьмы, мля,

маловато, – объяснял рыбам провалы российского футбола Авксентий Яковлевич. – Вот когда наша «Красная машина» Канаду возила, у Тарасова никакой демократизмы не было, зато патриотизмы – во! В войне с фашистом чем взяли? Только патриотизмой: за Родину! За Сталина! И страхом перед особистами.

При этих своих нечаянных мыслях Авксентий Яковлевич трусливо оглянулся и понизил звук до бурчания под нос. Машинально схватился за поясницу, где почки. Давно прихватывало. Камни, что ли?

– Кончай экскурсию! – подбадривая себя, закричал Авксентий Яковлевич. – Девки, я, што ль, буду за вас рыбу чистить!

Крик ушел, но, видать, недалеко. Вскоре вернулся пустой, безответный. Или крикнул молча. Как рыба.

Умом понимал – много берет на себя в смысле будущего Бездны, а сердцем болел. Сердцу не прикажешь. После ухода Якова Павловича он, Авксентий Яковлевич, сам теперь первый у края могилы. Смешно загадывать на века, но подумать, как пролонгировать род Ивановых хотя бы до конца правления Путина, он обязан. Чтобы меньше его обременять, не докучать стариковским бздением и недержанием. Если реально подходить, детородный живот на Бездне один – Ефросинья. Катерина, конечно, бойчее, но в свои года приплodu не даст. Так, для баловства, повышения бабской самооценки может, наверно, удовлетворить голодного воина вай-фая. Федор даже для самоудовлетворения профнепригоден. Хрен увальнем повис, руки из задницы растут, голова – набекрень в клинике. Просто неудобно, что и он Иванов. На исходе пятого десятка объявил: я, блин, художник теперь. Болезнь известная, но обычно нормальные люди впадают в художества годам к семидесяти. А этот – пенсии не дождавшись. Первый симптом маразма – писание стихов. Сперва по четыре строчки рифмуют, потом обороты больше, больше. На лекарства меньше уходит, чем на бумагу. Черновики, беловики, тетрадки, альбомы... На юбилей, на 75, на 80 – уже киргизский эпос «Манас». На сутки рэпа, если с выражением.

Федору болезнь ударила по рукам конкретно. Его стило – пила, топор, вилы. Реже – рубанок. Я, говорит, свой внутренний мир извергаю во внешнее пространство, созидаю в Бездне свою личную НООСФЕРУ. Короче, Бога за бороду взял, самовыдвиженец хренов.

Смолоду творец ноосферы был мастак по телегам, хомутам, седлам, тележным колесам, табуреткам и прочему мебельному инвентарю. Сенные стога вершил – дело с виду простеющее, однако со своими тонкостями. Не так завершишь стог – дождем просквозит до самого основания. Считай, сено пропало, всё в гниль ушло. А как к старости глазомер отказал, артроз перекрутил руки в крюки, суставы в коленях сносились, так и пошел в создатели. Что ни стог – то художественное произведение, Шаболовская телебашня, к примеру. Жесткий скелет конструкции из небрежно обструганных горбылей, хлипкие строительные леса, сенные панели, винтовые лестницы, смотровые площадки из соломенных тюков. Сергею Петровичу почудилось, что эти диковинные ящеры он уже видел, но смутно, на бегу. Он был в азарте охоты, сосредоточен на добыче. И вот теперь Бездна открывается перед ним во всей своей естественной наготе и в противостоящих естеству инсталляциях.

Ноосфера Федора Иванова производила неизгладимое художественное впечатление. Особенно тележные колеса, развешанные на березах. Колёс правильной, круглой формы было немного, больше продолговатых, в форме эллипса, даже квадратных. Художник обижался, когда его критиковали за уродские искажения, он снисходительно объяснял, что это вовсе не колеса, а ОБРАЗЫ колес. Точно так же, как колченогие табуретки, на которых невозможно сидеть, гробы с крыльями планера, избушки на ампутированных ножках... Мол, табуретка для сидения ему не интересна в принципе, её может сколотить любой плотник. Он утруждает мозг своей собственной реальностью. Ему важны образ табуретки, её философский смысл, игра воображения, прикольное соседство стихий и престолов. В одну телегу впрягались у него и конь, и трепетная лань, в березовом облаке летел вертолет с коровой за штурвалом. Летят, летят в голове клина, преодолевая предметные реализмы, скучные физические невозможности. И зрители разевают рты, задирают головы и думают: ни хрена себе!

Творцу было где разгуляться, его ландшафтная ноосфера занимала испутившие живой дух подворья переселившиеся на кладбище Ивановых, сады, огороды, скотные дворы, кошары, пастбища, холодные кострища с вытоптанными полянами влюбленных косарей и доярок. Все эти ранее обжитые пространства с пустыми бутылками, пробками и конфетными

фантиками как бы благословляли инсталляции Федора Иванова на долгую жизнь до второго пришествия.

– Кто это? – вздрогнул Сергей Петрович, едва не столкнувшись лбом с очередным арт-объектом художника.

Перед ним стоял человек с усами, в фуражке, военном френче со звездой Героя Советского Союза.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – всерьез оробевши, пролепетал ловец покемонов.

– Ты чо, Серега, – захохотали экскурсоводницы, – струхнул? Это же наш Шишига. Домовой. Правда, на Сталина похож? Не зря Федор деда Якова пытал про старые байки. Мол, в Бездне в 1941-м специально для Сталина сделали бункер на случай, если вдруг не удержат Москву. Мол, сам Жуков предложил, если чо, перенести в бункер Ставку Верховного Главнокомандующего и Генштаб. Отсюда, мол, из Бездны жажнем! И в контрнаступление. Поворотный пункт войны. Жуков из наших мест родом – тайно в Бездну приехал на рекогносцировку, лично нашел место для бункера, заставил стариков Ивановых копать, бетонировать, а потом, чтоб приглашения не было, половину копателей расстрелял, половину депортировал в казахскую пустыню. Короче, туфта это всё. А Федору того и надо. Он на вранье падкий. Воображение играет, эротические фантазии, сюжетные ходы, пластика... Вот и выстрогал Шишигу под Сталина. Специально придумал: из живого дерева – на полтора метра от земли спилил, а корни оставил. Он же у нас укорененный в сознании масс, в народе и в русской земле. Дерево продолжает расти, а с ним и товарищ Сталин. Всё выше, выше и выше. Федор замерял – на двенадцать сантиметров подрос.

Сергей Петрович развесил уши:

– Шишига?

– Сталин Иосиф Виссарионович. Ну, и Шишига тоже. Как в дому без Шишиги?

– А где...

Не успел спросить, как ответ сам собой явился: айфон, оставленный в режиме вибрации, зажужжал в штанах и скончался. Зарядка сошла на нет. Где? Где?

– Да вот же, – Катерина махнула рукой за спину оборотня, – там за кустами дыра в земле, вход в катакомбы. Под камнями и ветками.

– Только мы туда не пойдем. Там страшно, без фонаря ничего не видно, – закрыла тему Ефросинья.

Сергей Петрович вынул из кармана айфон, удостоверился: конец связи. Ноль. Могила.

– Про Сталина – сказки. Этим пещерам тыща лет. Еще под ледником была. А черепа человеческие правда есть, и мощи. И не воняют, а наоборот. Федор говорит: «историческое благовоение». Может, монахи жили.

– Или Ивановы со страху прятались. Нас мальчишки в детстве Мамаем пугали.

Сергей Петрович вертел в руках бесполезный гаджет. Поскучнел как-то. Сестрам показалось даже, лет на пять старше стал, лицом осунулся, вроде сходил к урологу и узнал, что забавелся простатитом. Да, человек с рабочим смартфоном и человек без смартфона – совсем разные люди.

– Ща цифра берет верх над человеком, – уныло сообщил сестрам Сергей Петрович. – Командует. В ней, в цифре, скрещиваются реальный мир и дополнительная реальность. Вот здесь, – показал на безжизненный экран, – фантом пикачу материализуется в реальной жизни. Может у Кремлевской стены, может в Третьяковской галерее, в ГУМе. Или у вас в Бездне. Каждый день на охоту за покемонами выходят двадцать миллионов человек. Шнур в своем Инстаграме разместил шнягу: «О, малышка, детка, com on, com on! Слышь, я очень редкий, я редкий покемон»!

Сестры переглянулись: ну всё, крыша у парня поехала. Срочно надо принимать меры. Перекинулись репликами: «У него сегодня наряд в нашу сторону? – А сегодня чего? Четверг? – Четверг. – Значит, сегодня. – Надо отдать ему на зарядку. В пятницу будет готово».

– Сергей Петрович, ты без айфона своего до пятницы доживешь?

– А что делать?

– В пятницу вернем с полной зарядкой.

– Джейн Макгонигал считает, что геймеры скоро изменят политический ландшафт и спасут человечество. Они знают, что такое еріс win, эпическая победа. Нужно только вынести это чувство во внешний мир.

Катерина по-матерински потрогала лоб Сергея Петровича. Температура?

– Ты уж как-нибудь потерпи до пятницы. Пойдем на берег, тятя уху варит. Поешь ухи – головке полегчает.

Авксентий Яковлевич довершал таинство ухотворения

раскладкой колец соленого огурца по верхнему слою бульона, булькавшего в большом закопченном котле. Огурец слегка подкислял юшку и по чуть-чуть, по нанопонюшке отдавал блюду обонятельные галлюцинации рассола с укропом, лаврушкой и чесночком. Горячий воздух над котлом разносил упоение ароматов рыбы, вареного корня сельдерея, моркови, черного перца горошком, репчатого лука, не очищенного от кожуры, и озерной воды с легким привкусом донного ила и бурых водорослей. Въедливый дымок через ноздри доставал до нутра, щипал глаза. Для уменьшения жара к окончанию процесса Авксентий Яковлевич раскидал горячие поленья на мелкие угольки. Первый рыбный пакет из костлявой мелочи – ершей, окуньков, бирючков, сваренных в двойной марлевой обертке, – был отправлен в помойное ведро. В отдельной посудине, укрытой полотенцем, дожидалась едоков рыба, отдавшая себя юшке во второй заправке. В котле на малом огне доходила до кондиции крупная фракция третьей закладки – судак, сазан, белый амур. Цельные головы с белыми рыбьими глазами кипятились для пущего навара. Жир плавал янтарными кругами. Один вид ухи в сопровождении запаха вызывал острое желание выпить.

– Бутылку! – дал команду Федору Авксентий Яковлевич.

Бутыль была подана, повар отмерил полкружки чистейшего, семидесятипроцентного дериглаза и аккуратно вылил его в медленно кипящее варево. Финиш. Самогон завершал просветление бульона. Ивановы расселись у костра на чурбаки, не тронутые художеством Федора. Катерина и Фрося прикрывали колени длинными юбками. У младшей сестры получалось, у старшей не очень. Она и не старалась. Чего скрывать? Аппетитные окорочка, не уместающиеся под юбкой, еще никому не помешали хлебать уху, сидя на траве у костра. Художник Федор Иванов давно хотел написать такую картину. Уже и мольберт сколотил, натянул холст из чисто выстиранной портянки. Дело было за красками. А где их взять?

Бульон разлили в эмалированные литровой ёмкости кружки, впитавшие навар пиршеств колхозной эпохи. Рыбу выложили в таз общего пользования, посередине кружка со-трапезников. С мелодичным бульканьем разлили дериглаз по стаканам.

– Ну, за нас! За возобновляемых Ивановых! – провозгласил тост главный по ухе.

Все, включая женщин, дружно чокнулись и выпили до дна. По сосредоточенным лицам было видно: хорошо пошла. Крякнув, приступили к ухе и рыбной закуске.

Сергей Петрович, до этой трапезы евший рыбу в основном в виде суши и роллов в московском ресторанчике «Япона мать», поначалу делал вид, что умирает от объедения. Но после третьего стакана из безразмерной бутылки вошел во вкус по-настоящему, повеселел и, вернувшись к любимой теме Pokemon GO, ошарашил островитян историей. Хотите верьте, хотите нет, но на прошлой неделе в Хамовническом суде слушали дело по иску женщины, которую изнасиловал покемон, причем в присутствии мужа, в самом центре столицы, на Тверской улице. Накануне женщина допоздна играла в Pokemon GO, а когда заснула, почувствовала, что её насилует японский монстр пикачу. Присяжные отнеслись к заявлению серьезно, признав, что покемоны действительно обитают в тонких мирах и способны материализоваться. Прокурор потребовал лишить насильника гениталий и посадить на три года условно. Судья отправил дело на доследование. Он жаждал подробностей. Катерина и Фрося сомневались.

– Блоха – с лошадь у тебя, Сережа, а вошь – с корову.

Сергей Петрович, оказавшийся благодаря покемонам в центре внимания, потребовал слова для тоста.

– Френды, а давайте поднимем стаканы и выпьем их разом за геуш-урву, за дух Коровы, который, по учению Заратустры, и есть дух земли. Выпьем за очистительную силу коровой мочи – панацею от всех телесных и духовных недугов.

Прямо так и сказал. Народ, потянувшийся, было, друг к другу со стаканами, на минуту ошарашенно замер и в нечаянной тишине вдруг смачно пролилась панацея от Мумуки, щипавшей травку поблизости. Приблизженный к высшему знанию Федор сразу отметил очевидную мистическую связь между обыкновенным словом из букв и звуков с явлениями потустороннего космического порядка.

– Материализуется, блин! – в восторге воскликнул творец соломенных пирамид.

– Ну, блин, за панацею! – не стали игнорировать тост московского фрилансера местные Ивановы.

После очередного стакана дериглаза Сергей Петрович захорошел, преодолел подташнивание от жирной юшки, отращение к распаренной костлявой рыбе и даже заинтересо-

вался проблемой яловости коровы Мумуки. Про дух Коровы с большой буквы он знал больше, чем про низменную физиологию крупного рогатого скота. Сестры объяснили, что яловой называют корову, которая во время любовного прихода не получила плодотворного осеменения. Если случка с быком прошла плодотворно, то через три месяца она становится стельной. После отела её можно доить, пить парное молоко, сбивать масло, делать простоквашу, творог и сметану.

– Ну? – не врубался подвыпивший ловец покемонов.

– Баранки гну! – повысила голос Катерина. – Через день – два придет в охоту, надо срочно к быку, а как? Моторка не фурычит, Федор мотор запорол. Ух! – погрозила кулаком. – Будешь самолично корову удовлетворять!

– А без молока, без сметаны никак?

– Никак! Млекопитающиеся мы Ивановы. С детства. На одной ухе долго не протянем. Без молока нам кирдык.

В общем, нет повести печальнее на свете.

– Сколько? – перевел эмоции в цифру Сергей Петрович.

– Чего сколько? – не врубались собутыльники и собутыльницы.

– Сколько это будет стоить – трансфер Мумуки к быку? Есть несколько вариантов решения проблемы. Первый вариант – краудфандинг. Современная альтернатива банковскому кредиту. Используется старт-апами, предпринимателями или творческими людьми, которым нужны деньги для финансирования своих художеств. Проще говоря, краудфандинг – это привлечение интересантов для финансирования вашего проекта. Так сказать, с миру по нитке. Что надо? Выкладываем проблему в сеть. Ну, про яловость и снижение антропогенной нагрузки. Только надо коротко и ясно. Мол, надо спасти Ивановых. Срочно.

– Пролонгировать, – нараспев озвучил словцо Федор Иванов.

Никто и не понял, с какого перепугу оно вырвалось у художника. Видать, с перебору дериглаза. Так ведь в бутылке еще вон сколько осталось!

А Сергей Петрович между тем продолжил тему краудфандинга.

– Определяем бюджет. В смысле, сколько нам нужно бабла? Мы на что просим? На моторку? На понтонный мост? На дирижабль, на воздушный шар – чтоб на внешней подвеске? Выкладываем реквизиты, контакты. Проверенный способ. На

краудфандинговых площадках сотни объявлений. Вот недавно читал: режиссер Дмитрий Завильгельский снимает кино о «Диссернете». Модная тема: диссертации друг у друга воруют. Просит денег у честных, кто не ворует.

– А чо, есть такие в Москве?

– В Москве нет. А в Стокгольме, в Копенгагене есть, – отмахнулся с досадой Серега. – Скульптор Рукавишников делает памятник актеру Льву Дурову – просит бабла на установку фундамента, доставку мрамора из Армении и отливку монумента. Журналист Ксения Баранова собирает на проект «Наряды молодости наших бабушек». Выложила фоты: дом престарелых и пять бабулек. Смета расходов: 105 тысяч рублей, чтобы подарить бабкам один день их молодости. Хочет сшить платья тех времен, сделать прически, подобрать духи типа «Красная Москва», макияж, украшения и снять кино про всю эту хренотень. Политик Навальный через краудфандинг собирает деньги на выборы – хочет стать президентом России.

– Вместо Путина, что ли? – озаботились Ивановы. – Да кто ж ему даст?

– Ну, это в принципе. Против Путина много нужно собрать – миллионы зеленых, а то и миллиарды. А чтоб вашей Мумуке потрахаться с быком – ну, сколько? Тыщ тридцать хватит? Или мало? Ну, сто тыщ...

Ивановы открыли рты: сто тыщ... Они сроду таких денег в руках не держали. У Авксентия Яковлевича пенсия восемь тысяч триста.

Бабушка Агафья и бабушка Аполлинаруя злословили поодаль, сидя на персональном бревнышке с углублениями по размеру именных задниц. У них был свой котелок и фанфурики, и они ни в чем себе не отказывали. Вжух! – накапали боярышниковой, вжух! – плеснули клюковки, вжух! – полынной, вжух! – «Красной Москвы». Вариантов а-б-в-г-д.

– Шар, вот такой, – размахнула Агафья руками во всю ширь. – Железный.

– Резиновый. Как противогаз, – оспорила железное утверждение Аполлинаруя. – Я сама видела. Вот такие очки. А на ногах хвост, как у русалки нашей, у Варвары.

– Железный! – настаивала Агафья. – Вот такой, – показала на обглоданную сазанью голову. – Он к дальней бане покойного Касьяна всегда причаливает. Там место у берега глубокое, омут и водоросли, длинные. Как волосы распущенные.

Там же и Варвара – прости её, Господи! – ушла к Водяному.

– Вот так у него шар на голове раскрывается, как у жука крылья, и глазищи за стеклами – страх божий.

– Не, он больше на черепаху похожий. Панцирь. Только железный. А когда плывет, из воды торчит труба. Вроде как шея черного лебедя.

И, понизив голос, показали пальцем на Катерину.

– Она, Катька, туда к бане ходила и сама снимала с головы его противогаз ...

– ... шар железный...

– А потом в баню пошли. Штаны у него в обтяжку, на ногах вместо сапог плавники. Он ими по доскам – хлоп, хлоп... А дальше уже чо у них было в бане-то, не видела. Врать не буду.

У бабушек свои гастрономические изыски: они объедают рыбы головы. Во-первых, вкусные, во-вторых, не требуют наличия передних зубов, можно обходиться коренными и деснами. В-третьих, нет мелких костей. На них зрение нужно, а им, должителям, трудно уже попадать ниткой в игольное ушко. Стало быть, головы (вместе с глазами) и хвосты. Там тоже мясо мягкое и без мелких костей.

– Твои-то, я слышала, Катька и Фроська, – вспомнила Аполлинария, – какого-то батяшкафа поминали между собой. Другого батяшкафа, как этот в противогазе...

– ...в железном шаре...

– ... другого прочего нету.

– Ваше благородие, госпожа удача, – запел вдруг поперек общему разговору Иванов, создатель ноосферы. – Для кого ты добрая, для кого иначе.

И уронил слезу.

– Русский человек – и такая фамилия: Шварц. Пять букв, и только одну можно пролонгировать: а-а-а... Я один раз ноты видел в тетрадке: сидят, как черные петухи на шесте. Зако-рючки! Как из них музыка вылезает! Эх, Иса-ак! «Десять граммов в сердце – постой, не зови. Не везет мне в смерти, пове-зет в любви».

– Ты, Сергей Петрович, не обращай внимания. С ним это бывает, – успокоили Ивановы. – Он когда выпьет, всегда вспоминает этого Шварца. Говорит, он где-то близко живет, на таком же озере, как наша Бездна.

– Оредежа, – уточнил Федор. – Ленинградская область. После ледника осталось. Белые ночи, рассветы, закаты, уха... Всё как у нас.

И снова запел, но из какой-то другой оперы: «Серые розы, серые розы»... Где только он нашел серые розы? Хотя человек с воображением и прибрежный песок, и каменные россыпи, там и сям выходящие из-под земли, легко найдет почву для произрастания самых диких растений роз.

– Уху надо обязательно варить в той же воде, где плавала рыба, – объяснял Сергею Петровичу Авксентий Яковлевич.
– Иначе не уха, а рыбный суп. Тем более такой воды, как в Бездне, вообще в целом мире нет. На природном шунгите настоящая.

– Есть еще одно место, – встрял в разговор склонный к повышенному самомнению Федор.

– Где это, интересно? – напряглись остальные Ивановы.

– В Олонецкой земле за Онегой. Неужель не слышали? В Петрозаводске дробленый шунгизит применяют для очистки питьевой воды вместо хлора.

– Что еще за шунгит такой? – заинтересовался ловец покемонов.

– Деревня! – ущучил гостя Федор. – Шунгита не знают. Шунгит, он же аспид, парагон, фуллерит. Докембрийская горная порода. По составу и свойствам занимает промежуточное положение между антрацитами и графитами. Цвет черный, темно-серый, реже коричневый. Образовался из органических донных отложений, из сапропеля. Длительный процесс метаморфизации. В минеральной матрице – аморфный углерод. Твердость 3,5 или 4.

– Польза-то есть от этой твердости? – спросил деловой гость из Москвы.

– До хрена, – заверил творец ноосферы Бездны. – Ванадий, никель, молибден, медь, оксид калия, стронций, бор, мышьяк... Углеродные аллотропы. Нанотехнологии... Чубайс из них коррупцию производит..

– А в медицине?

– Безотказно, – поспешила вставить слово Катерина. И, выдавая желаемое за действительное, добавила: – Действует на либидо не хуже мельдония. Похоже, и на вай-фай влияет.

– А вода? – пропустив мимо ушей подначку, продолжил тему москвич.

– Живая! Сорбционные свойства доказаны наукой. Наш изгой Мартышка предлагал малый бизнес: воду бутылировать и продавать в монастырских лавках.

– А может, здравницу замутить? – осенило Сергея Петро-

вича. – Может, спа, вип-сауны на шунгитовом настое, военный санаторий, генеральские дачи... Опять же закаты, рассветы, серые розы ноосферы. Паблик-рилейшнс подключить, пиар, движуху блогеров в интернете. Мол, сам Пржевальский Николай Михайлович положил глаз на Бездну для своего имения. А уж он-то повидал разных красот на Земле.

– Не, Пржевальский выбрал не Бездну, а Сапшо.

Сергей Петрович почувствовал: Ивановы ревнуют. Особенно женская половина Ивановых. Все знали эту историю по книге «Смоленский Байкал», которая лежала в их Ленинской комнате на видном месте. Получив от Генштаба гонорар за свою четвертую азиатскую экспедицию, генерал-майор царской армии Николай Михайлович Пржевальский решил прикупить себе в Смоленских дебрях усадьбу с лесом и озером. Первым делом приехал в Бездну. Промерил глубину – тридцать шесть метров. Посидел с удочкой, наловил щук, судаков, сазана. Но тихое монотонное сидение над поплавком не грело душу человека, отмотавшего восемь тысяч километров из Зайсана в Тибет и верховья Желтой реки. Настоящей его страстью была охота. Причем охота на крупного зверя, на медведя. А по рассказам местных жителей, медведи предпочитали глухие леса в окрестностях озера Сапшо. На это озеро, напоминавшее Николаю Михайловичу Байкал в миниатюре, он и переложил глаз с Бездны, купив у отставного артиллериста Леонида Алексеевича Глинки имение в двадцать тысяч десятин за 26 тысяч рублей. Для приманки медведей посадил овсы.

– Ты не отвлекайся, Серега. Чо там с твоим крауд... как его, – вернула разговор с небес на землю Катерина.

– На Западе ща бум на краудфандинг, – взял реванш за поражение при шунгите Сергей Петрович. – Френды скидываются на разработку программного обеспечения, на поддержку своих Навальных, Павленков, пусирайтов, на помощь пострадавшим от пожаров, землетрясений и наводнений. Самый популярный в пиндосии краудфандинговый сервис Kickstarter бьет рекорды собранных сумм. Последний рекорд – десять миллионов долларов. Это если по курсу... если шестьдесят пять за зеленый... шестьдесят пять миллионов рублей... Короче, надо составить калькуляцию всех расходов, а информация по ходу сборов должна быть открыта для всех пользователей. Может, лучше краудфандинг объявить не на трансфер Мумуки к быку, а на серьезное дело?

Народ у костра призадумался. Красиво сидели. Огонь на лицах играл красными бликами, рисунок выпуклый, объёмный. Дымок поднимался вверх, кружил серыми розами. Первым порвал тишину белый конь, топтавший траву на склоне холма. Испугался кого-то (филин? Шишига? мышь ёрзнула под копытом?), протяжно и громко заржал. Авксентий Яковлевич потянулся за бутылку.

– Был бы ща мобильник заряжен, призвали бы на уху удаленных френдов. Да хоть вашего Исаака Шварца. Можно на шашлыки. Вай-фай есть, – горевал геймер с двумя «ф» на конце фамилии.

– Как нам, Ивановым, повезло в жизни, что мы не Петровы какие-нибудь, и не Ширвиндты, – глядя вглубь себя, обнарудовал выстрадавшую мысль художник Федор. – И-ва-нов... Какая всё-таки музыкальная наша фамилия.

Мысль канула в черный омут Бездны. Она жила своей, равнодушной к будущему Ивановых жизнью. Хотя сестры Катерина и Фрося на что-то еще надеялись, всматривались в исчезающий в черноте горизонт.

– А сколько времени надо на этот твой крауд-хренаут? – подседа на вай-фай Катерина. – Нам ща Мумука важней.

– Может, месяц, а можно и за неделю управиться. Если правильные слова подобрать, охмурить симпатизантов, серьезных бенефициариев подтянуть, от троллей отбиться, игнор забанить. И, само собой, зарегистрироваться.

– У-у-у, – протянули ухоеды. – Неделя! Нам через три дня хана.

– Была бы завтра зарядка, можно попробовать план «Б». Надо вызвать на скайп Вована. Вован насчет планов «Б» голова. Он на ней стоит – к мозгам кровь приливает.

– А давайте, ребята, выпьем за композитора Исаака Шварца, – стоял на своем Федор. – Он там, на Оредеже, сидит, горемыка, а дистанционно – с нами. Серега, скажи.

Народ прислушался, представил, жалеючи, русского Моцарта в одиночестве, без компании – никто не нальет дериглазу, никто не подаст ушицы. Сидит на берегу, играет в свою пианину. Искрящийся, переливчатый звук плывет по лунной дорожке с ля-минорной печалькой в придонных слоях Оредежа.

Федор Иванов, не ведающий ни нотной грамоты, ни законов застывшей музыки – архитектуры, ни орфографии с пунктуацией русского и английского языков, был живым до-

казательством безбарьерного цифрового единения творцов ноосферы всех времен и народов. Так сказать, на уровне молекулярного резонанса. Он имел право сказать, деликатно прикоснувшись плечом: «Привет, Леонардо!» И Леонарде, не отстраняясь от деликатного плеча, было не запаadlo ответить: «Бонжорно, Федя».

– Кажись, плывет, – тихо, почти шепотом сказала Катерина.

– Плывет, – подтвердила Фрося.

У Катерины срочно заболела голова, стала отпрашивать: «Извините, френды, пойду прилягу». Было жалко, но отпустили.

– Руки у него проникновенные. Вездесущие. Не успела опомниться – они в трусах, всё нашли, всё ущупали, уграба- стали. Вроде по шесть пальцев на руке.

Катерина докладывала Фросе вчерашнее: как отдавала батяшкафу смартфон на зарядку. Сестры лежали голышом в облюбованном местечке на дальних мостках возле бани. Бездна не Гоа. Лето короткое, солнцем не обрызганное – каждый светлый денёк дорог.

– Рудик, что ли? – приревновала Ефросинья.

– Не – русской национальности. Николаем назвался.

– Николай? – и передразнила: – Николай, Николай, Ко- оля...

– Говорю ж тебе: пряткий. Только успела мобилу на зарядку отдать. Это, говорит, говна пироги. У меня, говорит, встроенный аккумулятор. Водонепроницаемый. Проводки воткнул и руки распустил.

– А родинка есть на шее?

– Ну, есть родинка. И под лопаткой есть. Да, общие мы с тобой. Мы же сестры, родные – значит общие.

Катерина посмотрела на Фросю странным, каким-то мужским долгим взглядом. Положила руку «туда», в зону бикини, и, чуть смутившись, отдернула. Фрося прикрыла глаза, нашла руку сестры и вернула её обратно, «туда», в ту же зону. Обе чувствовали озноб. Грудь напряглись, колени передернуло судорогой. Кровь ударила в виски, на шее взбухла голубая жилка, низ живота накрыло влажным теплом, в горле, наоборот, – пустыня Сахара. Горячие губы сами потянулись к губам, и сестры задержали срамной поцелуй, постанывая и поскуливая, сил не было оторваться. Фрося обеими руками вцепилась в огромные, тяжелые гроздьи, нависшие над её лицом. И

Катерина совсем близко увидела глаза Фроси – бирюзовый туман. Неустойчивый, переливчатый цвет – зеленый в сером? Откуда? Из варяг в греки? Тятя? Навряд ли. Неужели мамка познала грех? У всех русских, у насквозь Ивановых, глаза карие, волосы – цвета жухлой осени. Вроде белых грибов под ржавой шляпкой.

Никогда, даже в молодой медовый месяц, не было у них такой сласти, такого упоения, умопомрачения, такого головокружительного дурмана, такой отравы, такого отрыва. Как они трепетали! Мычали, всхлипывали, всхрюкивали, впивались в губы, не знавшие помады, пробовали друг друга на язык. Сама земля пульсировала под ними толчками, уходила из-под ног, опрокидывала. Прорвало плотину, запоры, запреты, с ужасом они приоткрыли запретную дверь и вошли в порочный мир грешников, их обдало кипящей смолой растления. Среди бела дня, под прямыми солнечными лучами они бесстыдно познавали друг друга, как свет, истину и саму жизнь.

– Мы с тобой общие, Фрося.

– Общие мы, Катюша.

Тайна сия велика была. Но недолго. Как известно, всё тайное... Не хочется накаркивать.

Напряжение на Бездне между тем нарастало. Она была как смартфон в режиме вибрации. Под всё той же нарастающей угрозой яловости Мумуки. На краудфандинг никакой надежды, пустопорожнее трололо. Однако Сергей Петрович грозился, что у него есть план «Б». Для исполнения нужно срочно перегнать Вовану на Гоа фоты Бездны. Мобила заряжена, вай-фай зашкаливает. Высокое когнитивное напряжение в сети ноосферы вселяло оптимизм. Он пошел: «Медвежатину кушайте без меня».

... Полет Федора Иванова длился бесконечно долго, секунд 27, может, и 28. Летел не один – на пару со своей любимой инсталляцией, с Шаболовской телебашней. Федор ждал гранта на проект дирижабля из невесомой длинностебельной ячменной соломы, залез на смотровую площадку, на самую верхотуру, на самый край. Был уверен, на пороге первый транш. Не знал точно, с какой стороны придет. Вертелся во все стороны, привставал на цыпочки. Башня (она же была лишь ОБРАЗОМ башни) не выдержала, вошла в диссонанс с реальным физическим весом автора и медленно начала крениться на левый бок, на стоящие рядом березы, натуральным телом Федора, как подвесной гирей, стала сбивать с ветвей

несостоятельные табуретки, квадратные тележные колеса. Словом, с приключениями падала. Перед приземлением из скопления мыслей Федор извлек самую близко лежащую: вот если фамилию «Иванов» записать японскими иероглифами, получится закорючка вроде нотного знака и любимый им Исаак Шварц может извлечь из этой закорючки светлую, прекрасную мелодию с фирменной ля-минорной печалькой в придонных слоях благозвучия. Только успел додумать эту важнейшую мысль, как – вжух! – и земля. И что самое неприятное – сверху на лежащего Федора грохнулся тяжелый, плохо обработанный рубанком гроб, вернее, образ гроба, летавший над кладбищем с ветки на ветку и не пригодный для реала по прямому назначению.

Чем неприятен художник (любой) – он о себе думает много, а о других мало. Творец ноосферы Федор Иванов грохнулся со своей же башни, разбился насмерть с мыслью о Шварце, а что дальше, как похоронить, должны думать другие. А с этим делом, с реалом, один вопрос хлеще другого. И все лобовые, прямоугольные, сучковатые. Живые Ивановы собрались на мозговой штурм. Нести покойника на себе до «Белого дома»? По тропинке, через коренья, через камни – метров семьсот, не меньше. А носильщиков – две престарелые бабки, две бабенки под сто лет на двоих и один мужик – под семьдесят, на скрипящих коленях. Был еще один мужичок, приبلудный, да куда-то подевался со своим айфоном. Где-то шастает, носит с планом «Б». Второй вариант похоронных действий: сбегать молодыми Фроськиными ногами за тележкой, на которой свезли в могилу Якова Палыча, притаранить к месту падения Федора запасной гроб, лопаты, ведро с водой для последнего омовения. Или пока одни только лопаты и начать копать яму, а там уж по состоянию здоровья. Остановились на третьем варианте. Фроська привезла на всякий случай весь землеройный инструмент – штыковые лопаты, грабарки, кайло, лом. Стали копать рядом с могилой Якова Палыча.

– Пал оклеветанный молвой, – самокритично всплакнула Катерина.

– Недооцененный, – поддержала слезой Ефросинья.

– Давай подлиньше окоп вырою, – скомандовал Авксентий Яковлевич. – Может, еще пригодится.

И как в воду глядел – тут же и пригодился. Аполлинария, мать покойного Федора, – вжух! – и откинулась. Рябь твою мать! А что удивительного? Ей и по возрасту пора, и

по конкретным жизненным показаниям. Прислушались к сердцу – молчит. Как хорошо, как удачно, что траншею сделали длинную! Как раз на два покойника. А вскоре и помощь подошла: Сергей Петрович бежит, под ногами земли не чуёт. Как в тот раз, когда покемона Бульбазвра застукал под лопухом. Счастливы!

– Сорок тысяч просмотров за первые пять часов! Мировой рекорд. Ну, Вован! Вован – это голова! Ивановы, сами глядите!

Пять оставшихся в живых Ивановых в десять глаз уставились в экран гаджета.

– Вован в YouTube ролик выложил. Гаджетом по интерфейсу: «Русский Лесбос»!

Прикольное кино было, зашибись. Блокбастер! Нетронутый дауншифтерами, девственный берег Бездны, картинки самой Бездны – жемчужно-серого царства языческого Даждьбога и в центре пейзажа Ефросинья с Катериной во всей своей сексуальной подноготной на деревянных мостках. YouTube – вдребезги! Взрыв мозга, шторм лайков. Нью-Йорк, Кливленд, Париж, старая Англия, Новая Зеландия, Мытищи, Керчь, Сокулук...

– Сработало! – пляшет Сергей Петрович, не замечая, что на костях.

– Ну что, Сережа? – как-то тихо, бесстрастно спросил Авксентий Яковлевич. – Ты промерь – на троих хватит траншеи? Или еще подкопать?

И сунул в руки Сергею Петровичу кайло для обработки стенок могилы.

– Ты вот с левого фланга подкопай еще, и поглубже. А я щас.

Взял тележку и сам, сгорбившись, пошел тяжелыми старческими шагами вниз по тропке к сараям. Ломило виски от ума, который просачивался сквозь трещины разохшейся к старости черепной коробки.

Сергей Петрович, не понимая скрытых пружин сюжета, принялся углублять и удлинять траншею. Копал по-городскому коряво, неумело выбрасывал землю грабаркой. Мать, дочери и двое покойников помалкивали. Катерина занесла, было, кайло над головой, но опустила. Сердце подсказало: у тяти свой замысел. Не стоит мешать.

Через полчаса Авксентий Яковлевич вернулся. На плече

нес длинное огнестрельное оружие времен первой мировой войны – винтовку Мосина, тайно хранимое на чердаке наследие прежних Ивановых.

– Выкопал? – спросил Авксентий Яковлевич. – Утомился? Ну, ничего – щас отдохнешь. Надолго.

Выстрел был громкий и меткий. Рука «Ворошиловского стрелка» помнила время славного служения на вышке в Севураллаге. Сергей Петрович и вскрикнуть не успел толком, упал в свежевыкопанный своими руками окоп, рядом грохнулся гаджет, переживший хозяина. С роликом «Русский Лесбос» на ярком экране.

– Теперь слушай мою команду, – не повышая голоса, обратился к свидетелям и участникам Авксентий Яковлевич. – Всё строго по очереди. Нам с бабкой всех вас по гробам разложить, закопать – сил не хватит. Значит, мы первые. А вы, доченьки, как нас закопаете, сами с собой разберетесь, не маленькие.

Авксентий Яковлевич взял винтовку Мосина и попытался приложить дуло к виску. Получилось неловко – оружие длинное, несуразное, ложе с курком отстало на шаг от ноги. Стал разувать правый сапог. Освободил стопу от портянки – попытался достать курок большим пальцем. Кое-как дотянулся, но гарантии нет, что в такой неудобной позе не промахнется, попадет с первого раза. Надо звать добровольцев. А кто нажмет? И тут счастливая мысль пришла: уха!

– Тащи, бабка, фанфурик. Тот самый, сама знаешь, на рыбьем жиру. Он в чулане, на верхней полке.

Агафья перечить не посмела, да и смысла нет. Опять же, 70 лет прожила в полном женском повиновении – куда больше? Пошла за фанфуриком – место знала. Средство верное: полстакана на кружку ухи – и коньки в сторону. Без долгих мук, одно удовольствие.

Авксентий Яковлевич дал задание лесбиянкам, чтоб разогрели в котелке остатки вчерашней юшки и принесли.

– И ложки захватите! – крикнул во след. – Курицы.

И, глядя пониже их спин, в зад истории, вспомнил стишок: «Доярки, мля, нуждаются в подойниках. Россия, мля, нуждается в покойниках». Дуры дурами, а метко попали. Кряхтя, сполз в окоп, переступая через фрилансера, стал кайлом и лопатой расширять помещение на две дополнительные персоны. Руки, занятые работой, освободили голову от пустопорожних мыслей. Часы тикают. Все решения приняты. Так хорошо,

так свободно! И вдруг обнаружил: телефон ботана работает, экран засветился. И голос Вована с Гоа врезался в благостную тишину: «Серый! Серый! Ты чо молчишь? Ты YouTube смотришь! Полный писец! Еще сорок тыщ лайков!» Авксентий Яковлевич грохнул кайлом по гаджету с рожей Вована. И еще ногой растер, как окуроч.

Явились Агафья с фанфуриком, лесбиянки с котелком горячей ухи, с двумя ложками. Ничто не забыто, никто не забыт.

Фанфурик не подвел, не на продажу – для себя, как говорится, делали. Катерина с Фросей одни остались. Общие между собой. Первая часть программы действий понятная – все мысли простые: как половчее гробы доставить, как тяжелые тела уложить, крышки заколотить... Серьёзная мысль только один раз пришла: куда эту сволочь Сергея Петровича класть? В общую яму или отдельно копать? Спина болит, руки ноют – сил нет на отдельную могилу. Оставили вместе. Пусть на том свете Господь сам разбирается.

Вторая часть – труднее. Не по задаче – по исполнению. Если обычным способом – винтовкой Мосина или фанфуриком – а кто похоронит? Некому дать совет. Тятя – хитрый, ушел, и с концом. Помалкивает. Сами... «А я на что!» Шишига явился, ударил в голову обеим сразу. Не зря же сон был у Фроси. Оказался в руку. К Водяному, к Варваре Ивановой в русалки! На берег бегом – на свои мостки, в купальню. В рабочем порядке, деловито переговариваясь, решали производственные детали. Первая проблема – надо как-то утяжелить тела для утопления. Стали искать грузило, камни, веревку, долго возились. Всё никак. Потом счастливая мысль пришла: сделать авоськи из мелкоячеистых рыбацких сетей. В них можно положить и железку, и камень, и привязывать удобно хоть к ногам, хоть на пояс. В общем, всё удачно сладили с грузилом, привязали к ногам. Придумали и наручники: из тех же сетей нарезали бинты и привязали левую руку Катерины к правой руке Ефросиньи, чтоб войти в воду, не отрываясь друг от дружки, чтоб и в этом деле быть заодно. Пока руки были свободны, сняли с себя одежду, верхнюю и исподнюю, всю в кровище. Хотели, было, простирнуть – передумали. Пошли в чем мать родила. Вход в воду знакомый, пологий – по колено, по грудь... Катерина на острый камушек наступила – больно же! Свободной рукой махнула, нечаянно попала Фросе в живот, подняла глаза.

– Ты чо, мать? На каком месяце?

- Тринадцатая неделя пошла.
- Уже человек. Глазки режутся, носик... Иванов?
- Сказал Иванов. Я паспорт не спрашивала.

Без грузила на ногах быстрее бы дело спроворили. Даже несмотря на Ефросиньин живот. Вот по шейку вошли в Бездну, вот и с головкой... Втроем. И канули. Бездна приняла последних Ивановых с пониманием. Ну, такой тренд: не предусмотрены Ивановы для продолжения жизни в России.

Сомкнулись круги на свинцово-серой, отливающей перламутром, поверхности. «Му-у-у», – потревожив лепоту Бездны, напомнила о себе Мумука. И белый беспривязный конь заржал. Федор Иванов называл его Луноходом. «Интересно, – терзался вопросом творец ноосферы, – как лошади, отдав для победы все силы, решают, кто победил на скачках, если пришли ноздря в ноздю? Они же не знают про фотофиниш».

Батяшкаф Коля приплыл только на следующий день. С пакетом от командования секретных воинов безбарьерного вай-фая. Встревожился: никто на берегу не встречает. «Катерина!» – молчок в ответ. «Ефросинья!» – глядь, на окрик корова бежит – безумная, с пеной у рта. На коротких рожках тряпки. Батяшкаф смотрит – что за дела! Ошметья бабских трусов, лифчики, ключья рубаш. Не иначе на бегу врезалась рогами в бельё, развешенное для сушки. По всем признакам в любовную охоту вошла. «Значит, вовремя подоспел», – хвалит себя секретный воин. Пошел к домам в сопровождении жаждущей оплодотворения скотины. «Ща, ща, – успокаивает военнослужащий. – Где же эти ёлы-тёлы, залайканные, блин, звезды, интернета! Навели шороху на генералов: «У нас? На Бездне? Русский Лесбос? Что за Ивановы? Почему невозобновляемые? Что за страсти-мордасти с коровой! Что значит яловая? Почему не доложили? Чем занималась разведка?» Через полиграф нашли крайнего: контрактник разведроты «Батискаф» сержант Иваненко. Осуществлял дежурства в акватории озера Бездна. Под генеральской угрозой поставленный в позу сексуального покаяния, сержант раскололся: виноват, мол, ходил в гетеросексуальную самоволку к аборигенкам Бездны, трамповал сестер Ивановых по согласию сторон. Неоднократно. Оправдывался, что делал это исключительно в медицинских целях – как прививку от неуставной педерации. Пособников, соучастников не сдал, сказал, что действовал в одиночку. Про зарядку смартфона умолчал, так как это было более серьезное должностное преступление, чреватое хакерским проник-

новением в серверы секретных гибридных войск. Генерал, надо отдать ему должное, в сексуальную версию событий вник, по-отечески пожурил, по-мужицки позавидовал.

– Ну, секс-символ, бабец-то хоть стоящий?

– Договороспособный, – уклончиво ответил самовольщик. – Удой-бабы.

На военном совете решили так: гуманитарный коридор в рамках программы сохранения реликтовых Ивановых, а также воспроизводства парнокопытной фауны в зоне ответственности воинской части организовать в третьем квартале текущего года. А для удовлетворения неотложных половых нужд конкретной коровы в порядке гумпомощи произвести её искусственное оплодотворение мануцервикальным способом. Во исполнение решения военного совета закупили в районной ветлечебнице пакет с простерилизованными ампулами и катетерами для спермы быка симментальской породы, одноразовые резиновые перчатки длиной 80 сантиметров и инструкцию по применению. «Учи, сержант!» – приказал генерал, предварительно прочитав текст собственными глазами. Читиво было не менее увлекательное, чем устав караульной службы. «Последовательность действий:

1. Вульву коровы обработать водой и раствором фурацилина.

2. Надеть на руку перчатку, смочить её теплым раствором поваренной соли /0,9 %/, осторожно ввести руку во влагалище коровы для определения раскрытия шейки матки. Сделать легкий массаж влагалища в течение полутора-двух минут.

3. Второй рукой взять ампулу и катетер, ввести во влагалище и пальцем продвинуть в цервикальный канал на полтора-два сантиметра. Затем, аккуратно массируя шейку матки, продвинуть ампулу, пока катетер не зайдет в канал шейки на семь-восемь сантиметров.

4. Выдавить сперму из ампулы в катетер и произвести осеменение. Процедуру повторить через двенадцать часов перед дойкой».

– Выучил? – спросил генерал разведчика перед отправкой на место должностного преступления. – Повтори! Может, лично придется осеменять.

– Катерина! Фрося! – взывал хранитель инструкции по мануцервикальному осеменению.

Бездна молчала, не подавала признаков человеческого присутствия. Воин с тревогой приступил к рекогносцировке на суше. Предъявленная островом недвижимость вызывала жутковатое видение морга, населенного жмурами с инвентарными бирками на ногах. Брошенные, неодоушевленные крестьянские избы, испутившие живой навозный дух овчарни, давно охладевшие кострища. Кузница с остывшим горнилом, наковальня, инвентарь – молоты, клещи, незаконченные художества кузнеца – кованая роза, шлемы, латы, кольчуги, лук и наконечники стрел времен Куликовской битвы. И повсюду стада камней, дельфиньими спинами вспарывающие холмистую сушу. Жилую застройку теснило кладбище с одной-единственной фамилией покойников – Иванов. Ну или Иванова. Только инициалы разные. Насторожил свежий рубец земли, длинный бруствер, не похожий на нормальную человеческую могилу. К тому же без опознавательных знаков. Сержант принялся: откуда разит? Первоисточник вон вскоре и обнаружился: уплотненная глиной дегтярная яма с наклонным дном. Уроженец Поморья опознал: варяжская печь для сухой перегонки древесины – пиролиза. Обошел вокруг – в исправном состоянии. Хоть сейчас поджигай. Технология немудреная: мелко-мелко нарубить дровец, уложить в печь, сверху перекрыть доступ воздуха мхом и глиной, поджечь и вся недолга. Через десять – двенадцать часов готовая продукция – он самый, деготь, липкая, черная с зеленоватым отливом жижа. А насчет вон – разные мнения. Одни нос воротят, другим грезятся фигура Петра Первого с подозрной трубой, парусный флот, просмоленные днища, мачты, корабельные снасти. Воин гибридной дивизии придерживался скорее Петровской линии. На его малой родине деготь был в цене также у художников и плотников. Смешивая деготь с льняным маслом, они получали стойкую краску для дерева. Прокрашенный сруб, или гроб, к примеру, сто лет не гниет, покойники мумифицируются, как египетские фараоны. Опять же для очистки души использовали, в банном деле. Если плошку дегтя поженить с водой да брызнуть на каменку – слаще жмыха! Побочный продукт пиролиза – скипидар, канифоль, мыло, шапмунь от перхоти. Копыта коров, лошадей, обработанные дегтем, счастливы. Лишай не пристаёт. А главное – гнус не донимает, не отвлекает от любви в прибрежных кущах. В этом батяшкаф не раз убеждался на личном опыте, распростершись на холмах могуче-

го, омытого живой шунгитной водой телосложения Катерины. Ну правда, nirvana. С ароматом портянки пехотинца Первой мировой войны.

Где они, Афродиты Русского Лесбоса? «Катерина! Фрося!» – время от времени продолжал взывать воин вай-фая. Так, не дождавшись отклика, дошел и до «Белого дома» Ивановых, до их Ленинской комнаты. Обшарил глазом вещественные доказательства колхозной доблести Ивановых: фотографии с доски почета, вымпелы, дипломы, почетные грамоты за победу в социалистическом соревновании трактористов, доярок и скотников. А сами-то где передовики и передовицы? Не ушли же в самом деле на охоту за покемонами в астрал, в дополнительную реальность. Ботаны с оперативной плазмы говорили, такое бывает: нахохлятся, высиживают яйца пикачу.

На столе, на видном месте, обнаружилась книжка в зеленом твердом переплете – «На берегах Смоленского Байкала». С закладкой между 110-й и 111-й страницами. На 110-й было напечатано письмо Пржевальского товарищу по экспедиции Телешову: «...медведи стали сильно ходить в овсы... Я, Бессонов и Нефедов ездили караулить семь раз, но ни разу не видели. Ночью сидеть нельзя, темно. Крестьяне же убили двух или трех, также подкарауливши. Васька Приставский стрелял, еще солнце не село, на тридцать шагов, но верно струсил, так что попал медведю только в зад: раненый зверь ушел далеко». На 111-й странице был мутный снимок 1887 года: Н. М. Пржевальский ловит рыбу с местными крестьянами. На закладке между страницами сержант прочитал письмецо, написанное округлым женским почерком: «Никого не ищите, виноватых нету. Мы сами ушли. По своей доброй воле. Правильно сказал военком: не предусмотренные для продолжения жизни. Фрилансера из Москвы взяли с собой. Гнилой он, хоть и с двумя «ф» на конце фамилии». Весь текст. И подписи – Катерина и Ефросинья Ивановы.

Сержант вышел на крыльцо. Корова, как привязанная, в ожидании своего женского счастья, стояла у порога. Глаза безумные, на мокром месте. Топчется копытами на белье, простынях, наволочках, упавших с оборванных веревок. «У-у-у, скотина! – погрозил кулаком. – Всё из-за тебя! Загну ща в позу сексуального покаяния!» Желваки заходили: что делать, как быть? А чо, собственно, думать, когда на руках приказ начальства? Собственный мозг засунь себе в зад. Хочешь не хочешь, надо исполнять, оплодотворять манюцервикальным

способом, иначе говоря, в ручном режиме. Как Кремль. Раздербанил пакет, перечитал вложенную инструкцию. Первым делом – вода. Пошел к колодцу, с грохотом раскрутил ворот с ведром на цепи, дождался всплеска. Глубокий оказался колодец. На подъёме ведро моталось, билось о стенки, вода расплескивалась. Сразу и пить захотелось, тут же из ведра и напился. Холодная, по инструкции перед обработкой вульвы надо бы подогреть. Надо бы растворить фурацилин. А где взять? Пришлось отступить от инструкции. Перед тем как надеть перчатку, положено смочить её раствором поваренной соли /0,9 %/. Соль нашлась, смочил, как положено. Еще и постным маслицем смазал головную часть для лучшего скольжения. Аккуратно, по локоть вошел в отверстие под хвостом и, упершись в глубинную мякоть органов зачатия, соединил ампулу с катетером по инструкции и по картинке. Корова стояла, как шелковая, млела, глаза блаженные. По окончании процедуры норовила лизнуть благодетелю руку и ухо. «А пододти!» – толкалась головой с куцыми рожками. И была права: по инструкции надо было подоить и через двенадцать часов повторить мануцервикальную процедуру. Для верности. «Обойдешься», – бурчал довольный собой боец и, утирая глаза рукавом гимнастерки, с чувством исполненного долга повторял и повторял услышанный от сестер Ивановых куплетик: «Она вернется, она заплачет, и я надену ей кольцо на пальчик».

– Ну ладно, скотина. Понравилось? Так и быть – подою напоследок.

Так вот, значит, финиш, ребята. Финальная сцена, френды. Лошадь, белым облачком зависшая на зеленом холме с кладбищем. Аспидно-серая Бездна по всему горизонту – неласковая, насупленная, молчком. И в этой гробовой тишине – дзынь, дзынь, дзынь... Тугие струйки молока бьют в стенки ведра – боец в полном обмундировании гибридных войск, готовый к нападению врага с моря, суши, с неба и космоса, доит корову. Такое у него боевое крещение. Такая картина Вселенной, магический реализм. Такой, блин, художник Иванов, друг писателя Гоголя Николая Васильевича. Мёртвые души, блин. Том второй.

Данияр КАРИМОВ

РАССКАЗЫ

Ведьмак

Его ловили семь лет. Ведьмак легко уходил от спутников и беспилотных самолетов, исчезал перед носом командос и наиболее удачливых шпионов. За все эти годы терранцам удалось добыть лишь клочок его плаща, да и тот рассыпался при переправке в лабораторию. Ведьмак был загадкой, морком, чертовщиной, ожившим героем древних земных легенд о магах и колдунах. Он сводил с ума десятки исследователей и доводил до бешенства агентов спецслужб, прочесывавших оранжевые джунгли Осени ради одного: поймать Ведьмака и заставить служить Терранскому альянсу.

Никто так и не понял, почему Ведьмак решил сдаться сам. Он спокойно вышел из леса у периметра дальнего полевого лагеря терранцев – будто ни от кого не прятался и никто его не искал – и подошел к стажеру из службы планетной трансформации. Юноша попал на Осень накануне, о маге слухом не слыхивал, и тому пришлось разъяснять, кто он такой. Стажер отмахивался от назойливого аборигена, пока Ведьмак не осерчал и не превратил невежду в жабу. Трансформация впечатлила молодого терранца, о чем он недвусмысленно квакал несколько минут. Когда Ведьмак вернул ему человеческий вид, юноша, открыв в себе приятного и внимательного собеседника, вежливо болтал с туземцем до прибытия патруля. В

тот же вечер стажер подал рапорт о переводе на другую планету, а я впервые увидел Ведьмака воочию.

Патрульные любезно препроводили Ведьмака внутрь периметра и завели в административный блок, чтобы передать начальнику лагеря. Тот по закону подлости на месте отсутствовал – с утра отбыл с инспекционной поездкой по просекам, и мага решили передать его помощнику. Им в тот день был я.

– Вы с ума сошли! – перспектива остаться один на один с настоящим инопланетным колдуном мне не понравилась. В отличие от зеленого стажера о способностях кудесника я был осведомлен. – Это же Ведьмак! Вдруг он меня в змею превратит? Нет-нет, сажайте его в камеру!

– Нельзя его в камеру, - уговаривал патрульный. – Он пришел сам, добровольно. Попробуй посади его в клетку – обидится и точно что-нибудь начудит! (Патрульный – суровый кряжистый мужик – поежился.) Мы бы сами с ним посидели, пока из Центра не придут, но с дальней просеки вызов пришел. Ногорог там появился. А ты у нас сегодня за начальство. Больше уважить Ведьмака некому.

Я украдкой выглянул в коридор, где маг терпеливо дожидался аудиенции. Воображение рисовало Ведьмака седобородым старцем с остроконечной шляпой, птицей на плече и обязательным посохом. На вид, однако, он практически ничем не отличался от других автохтонов: типичный для Осени гуманоид с кожей фиолетового оттенка, закутанный в потрепанную хламиду неопределенного цвета. Встретишь такого в лесу и не поймешь, что видел легендарного Ведьмака. Интересно, мы для туземцев тоже на одно лицо?

Если Ведьмак и почувствовал мой взгляд, то виду не подал. Он с интересом разглядывал вывешенные на стене фотографии с последней праздничной вечеринки. Неделю назад мы недурно отметили день рождения бригадира лесорубов. Снимки не предназначались для демонстрации аборигенам, и мне стало неловко. Некоторые из фото выставлять на всеобщее обозрение, на мой взгляд, вообще не стоило. Особенно то, где я в костюме зеленого альтаирского гоминида пытаюсь откусить хвост русалке, в которую нарядилась наша врач и моя невеста Злата.

Я осторожно прикрыл дверь и, отпустив патрульного, с минуту посидел в одиночестве, собираясь с духом и мыслями. Меня не отнести к людям робкого десятка, но что сказать

Ведьмаку, чтобы не показаться грубым или агрессивным, как участники памятной первой высадки? М-да, задачка!

Терранцы открыли Осень восемь лет назад. Планета, покрытая оранжевыми джунглями, вертелась в одиночестве во-круг голубого карлика в пяти парсеках от ближайшей системы Альянса и интересовала человечество только в плане колонизации. Автоматические разведчики, проводившие первичные исследования Осени, не разглядели под покровом оранжевых джунглей развитых разумных форм жизни. Так что год спустя участников первой высадки ждал большой сюрприз.

Экспедиционный корабль припланетился на поляне, которую выжег в джунглях при посадке. Астронавты уже готовились выйти наружу, когда в люк переходной камеры настойчиво постучали. Барабанили извне, вызвав на борту смятение. Осень оказалась обитаемой и населенной отнюдь не темными дикарями.

Снаружи астронавтов поджидал абориген. Судя по показаниям внешних датчиков, он возник у корабля буквально из воздуха. Следов, которые бы вели из леса к звездолету, кстати, так и не нашли. Но не это было самым удивительным: туземец будто знал, откуда выйдут гости, и совсем не удивился, когда в обшивке корабля, в том самом месте, в которое он барабанил немногим ранее, разверзлось отверстие и из него ступили на поверхность люди.

– Вы что творите, изверги?

Ни вам привета, ни «добро пожаловать». Ведьмак – а это был он – встретил пришельцев с искренним возмущением. Он негодовал от того, что инопланетники превратили в пепел громадный участок леса и кучу обитавшего в нем зверья. Он бранился последними словами и грозил пополнить астронавтами местную фауну, но терранцы не приняли его всерьез. А вы бы поверили аборигену, грозящему превращением в пиявку, мышь или жабу? Нет? И зря! Ведьмак не шутил и, когда понял, что чужаки над ним потешаются, обратил корабль в гигантский огурец, а особо смешливых членов команды - в мелких грызунов.

На счастье терранцев, Ведьмак оказался отходчивым. Вняв мольбам членов экспедиции, сохранивших человеческий вид, колдун провел обратную трансформацию. Астронавты не стали искушать судьбу: пока звездолет вновь не превратили в ингредиент для салата, они спешно покинули оранжевую планету и совершили прыжок к ближайшей базе Альянса, где к

их рассказам отнеслись, мягко говоря, скептически. Внешние камеры корабля, как оказалось, чудесных превращений не зафиксировали. В записях бортовых приборов обнаружилась лакуна. Глава экспедиции пытался объяснить: мол, овощ, в который превратили звездолет, проводить съемку не приспособлен. Капитана подняли на смех и вместе с остальными участниками высадки спровадили в отставку по профнепригодности, заподозрив в употреблении галлюциногенов.

В Альянсе поняли, что столкнулись с чем-то новым, не поддающимся научным объяснениям, когда с Ведьмаком повстречалась вторая, а затем и третья экспедиции. Они выяснили, что автоматические разведчики прохлопали на Осени уникальную цивилизацию. Аборигены жили небольшими общинами, не располагали сложной техникой, пренебрегали науками, но успешно практиковали... магию! Каждое поселение туземцев имело собственного кудесника, который одновременно был целителем, духовным наставником, арбитром, архивариусом и к тому же обеспечивал практически мгновенный обмен информацией с другими группами автохтонов. Возглавлял волшебную касту Ведьмак, чьи способности с лихвой перекрывали возможности всех остальных чародеев. Он умел телепортироваться, трансформировать объекты, менять погоду и многое другое. Как? Ну, этим вопросом задавались не только вы.

Магом заинтересовались важные шишки Альянса, ему посвящались симпозиумы и конференции, о нем писались диссертации, но от планов колонизации Осени терранцы не отказывались. Внутреннее и постоянно растущее демографическое давление вынуждало человечество расширять ареал своего обитания. Планете, названной Осенью за вечнооранжевые леса ее материков, предстояло занять место в сонме терранских миров, и точка! Ведьмаку с наступлением высоко-развитой цивилизации было не справиться, и он, похоже, пришел к тому же выводу.

...Набравшись храбрости, я вышел в коридор и открыл было рот, но Ведьмак меня опередил.

– Вы очень похожи на нас, – выдал он вместо приветствия, оторвавшись от фотографий с вечеринки. Коренное население Осени, надо сказать, действительно очень походило на землян и их потомков с планет Альянса. Сначала это обстоятельство порядком удивляло терранских антропологов и воодушевляло ловеласов из числа колонистов. Но ничего, кроме

внешнего сходства между обеими расами, ученые не нашли. Эволюция на Осени шла к венцу другим путем, о чем говорили существенные различия аборигенов с терранцами в ДНК. Ведьмак, будто прочитав мои мысли, добавил:

– Мы схожи мыслями и чувствами.

– С чего вы взяли?

– Вы верите в чудеса.

– В ваши чудеса сложно не поверить, – парировал я. – Как вы это делаете?

– Ты все равно не поймешь.

– А вдруг? Вы же говорили, что мы во многом похожи!

– Ты будешь разговаривать со мной стоя? – Ведьмак хитро блеснул глазами. Я обнаружил, что до сих пор стою, смутился и сел в кресло напротив. Маг определенно умел сбивать собеседника с толку, а переспросить его я не успел. Дверь в административный блок распахнулась, и в коридор влетела Злата. Моя Златочка! Стремительная, стройная, гибкая, она гневно тряхнула головой, рассыпав по плечам водопад золотистых волос.

– Ты сидишь и разговариваешь с Ведьмаком, а мне ничего не сказал? – она одарила меня взглядом снежной королевы и повернулась к магу: – Вы можете превратить его в кактус?

– Какой из меня кактус! – попытался отшутиться я, но внутри меня что-то екнуло. Окажись Ведьмак джентльменом, для которого желание дамы – закон, и пускать мне корни в горшке. Но маг не был лишен чувства юмора.

– Ты, думаю, вряд ли обрадуешься, если я превращу твоего кавалера в растение, – улыбнулся он. Злата покраснела. Она никого не оставляла равнодушным, но из всех окружавших ее мужчин осчастливила меня. Знать об этом Ведьмак не мог, но тем не менее о моих отношениях со Златой ему было известно. Колдун – колдун и есть.

– Это Злата, наш врач, – представил я ее Ведьмаку. Он кивнул, будто заранее знал, что я скажу, сделал пасс, и у Златы появился букет красивейших диковинных цветов. По блоку поплыл незнакомый, но чудный аромат.

– У вас будут мальчик и девочка, – сказал Ведьмак. Я уронил челюсть и пока пытался подобрать ее с пола, в странную беседу (если ее можно назвать таковой) вступила Злата.

– Зачем вы пришли? – выпалила она. – Вас же препарируют, выставляют в кунсткамере или заставят служить во...

– Злата! – оборвал ее я. – Что ты несешь?

– Что Злата?! Неужели ты не догадываешься, зачем он им нужен?

– Нет, не догадываюсь! И вообще, тебе не положено тут находиться! Немедленно возвращайся к своей работе!

– Ты мне не начальник, – она упрямо поджала губки и села рядом. – Я все равно сейчас свободна.

Ведьмак, молча наблюдавший за перепалкой, улыбался. Получалось у него это как-то светло, по-доброму, будто сидел напротив не инопланетный колдун и гроза терранцев, а эдакий добрый земной дедушка, радующийся за повзрослевших внуков. А ведь он действительно старик, подумалось мне. Я не антрополог и не физиономист, но было у Ведьмака в глазах что-то бесконечно мудрое, спокойное и в то же время очень-очень древнее и пугающе мощное.

– Я хочу предложить вашему руководству сотрудничество, – ответил он Злате.

– Какое? – произвольно вырвалось у меня.

– Небесные люди должны оставить природу в покое, не валить лес больше, чем необходимо для нужд поселенцев, не уничтожать зверей и птиц. Мы гостеприимны, и на нашей земле хватит места для всех, но не стоит переделывать ее на ваш лад. А я обещаю помогать вашим властям и не чинить небесным людям препятствий.

– Но вы не знаете, чего от вас потребуют! – не сдержалась Злата, но, поймав мой укоризненный взгляд, замолчала и опустила лицо в волшебные цветы. Административный блок заполнила тишина.

– Полагаете, к вашему мнению прислушаются? – я осторожно прервал неловкую паузу. Ведьмак совсем по-человечески пожал плечами. Мне стало жутко. Уж больно обреченным, безнадежным выглядело движение. Ведьмак прекрасно все понимал. Права Злата: зря он пришел, и она по-женски чувствует это. А я – двуличная сволочь. Разве я не догадываюсь, зачем он нужен Альянсу?

Мне стало жалко Ведьмака, себя, Злату, Осень, волшебство, которому не найдется места в мире машин и кибернетических систем, финансовых рынков и миграционных потоков. В тот момент я осознал, что никто не будет изучать способности мага ради всеобщего блага. Устранят колдуна, и дело с концом. Нет Ведьмака – нет проблемы.

Мои невеселые мысли прервал сигнал вызова в кабинете начальника лагеря. Я вымученно улыбнулся Ведьмаку, под-

нялся, покинул коридор и прикрыл за собой дверь. Вызов шел с другого полушария Осени – из Центрального поселения. Я утопил кнопку приема, и на вспыхнувшем дисплее появился грузный мужчина с нашивками подполковника. Человек стоял вплотную к передающей камере и отдавал кому-то команды.

– Капитан... – мужчина наконец повернулся к объективу передающей камеры, крикнул от удивления и недовольно сплюнул. – Ты кто?

– Лейтенант Службы планетной трансформации Вольский, ваше превосходительство, – представился я, разве что каблуками при этом не щелкнул. С экрана на меня исподлобья смотрел сам глава планетного управления нашей Службы. – Исполняю обязанности помощника начальника лагеря. Сегодня моя смена.

– Где капитан... э-э-э... начальник лагеря? Ведьмак его... того? Превратил?

– Никак нет, ваше превосходительство! Начальник лагеря утром отбыл с инспекционной поездкой по просекам.

– Хм-м, – визави не скрывал раздражения. Там, в Центральном поселении, у него явно что-то не ладилось. – Ведьмак все еще в лагере?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Сынок, слушай меня внимательно, – подполковник наклонился к экрану так, будто собирался вылезти с этой стороны, лишь бы скорей попасть в наш лагерь. – Вокруг Центрального поселения возникли аномальные электромагнитные возмущения. Черт-те что творится. Электроника бесится и выходит из строя. Флаер с командой захвата, высланной за Ведьмаком, рухнул в джунгли. Ребят спасают, и сейчас мы готовим другую команду для замены. Я прибуду с ней лично. Ты должен задержать Ведьмака до нашего прибытия! Обязательно! Делай что хочешь – танцуй, стихи читай, сказки рассказывай, но он должен оставаться на месте! Ты понял?

– Так точно, ваше превосходительство! – повторил я.

– Молодец! – процедил он. – Сделаешь все как нужно – переведу с повышением в Центр.

– А что будет с Ведьмаком? – спросил я, не надеясь на ответ.

– Не твое дело, сынок, – отрезал подполковник и недобро усмехнулся. – Но его ждет сюрприз. Мы нашли способ блокировать его способности.

Подполковник выключил связь. Дисплей погас, оставив меня один на один с гадким чувством в душе. Об меня ноги вытерли. Я вздохнул. Верим ли мы в чудеса? Подполковник – точно нет. Может, Ведьмак ошибается?

Маг сидел там, где я его оставил. Златы с ним не было. Подаренный ей букет лежал в кресле.

– Где Злата? – испугался я, лихорадочно оглядывая коридор. Неужели Ведьмак во что-то ее превратил? Но не было тут ни земноводных, ни пресмыкающихся, ни насекомых, ни грызунов, ничего в административном блоке неуместного. Видимо, Злата ушла, чтоб не разругаться со мной.

– Ее вызвали на вашу дальнюю просеку, – любезно подсказал Ведьмак. – Ногорог вашего лесоруба с патрульным сильно подрал. Не надо было им стрелять в ногорога, не надо. Они его только разозлили.

– Откуда вы знаете?

Ведьмак усмехнулся:

– Мне ведомо все, что происходит в моем мире.

– Да кто вы такой, Ведьмак? Господь Бог? – неожиданно для себя взорвался я.

– Бог? – Ведьмак на миг задумался. – Нет. Часть природы.

– Ради Бога, извините меня, – я рухнул в кресло. На душе скреблись кошки. – Это нервы.

– Не нервы, – мягко поправил меня Ведьмак. – Это ваша цивилизация. Знаешь, пару лет назад я разговаривал с одним из ваших мудрецов...

– Подождите, подождите! Вы не могли увидеться ни с одним из наших ученых, иначе об этом было бы известно.

– Он попросил стереть его воспоминания о нашей встрече.

– Фантастика! – выдохнул я. Ведьмак вновь пожал плечами. Дескать, хотите верьте, хотите – нет.

– И что вам сказал наш мудрец?

– Когда-то давным-давно вы развивались так же, как мы. В вашем мире были волшебники и чудеса, сказки писались с реальности. Но однажды вы отвергли этот путь и доверились механизмам, забыв о том, откуда пришли. А мы продолжили учиться жить с природой, использовать ее дары, возможности, энергию.

– То есть магии не существует?

– Твоя Злата в опасности! — вдруг вскочил Ведьмак. Вот теперь я испугался не на шутку. В кабинете начальника лагеря, будто в подтверждение слов Ведьмака, зазвенел сигнал вызова.

– Да? – бросил я в дисплей, на котором появился патрульный, тот самый, что угрожал мне посидеть с Ведьмаком. Только сейчас его суровое лицо было жалким, серым, и по нему с рассеченного лба стекала струйка черной, в свете голубого солнца, крови.

– Лейтенант! Прости! Твоя Злата!..

– Что с ней? – закричал я и ударил по экрану. – Не молчи!

– Ногорог. Он выскочил из леса, когда она оказывала помощь пострадавшим. Лейтенант... Златы больше нет!

Следующие несколько минут практически не помню. Я что-то истошно вопил, крушил мебель, потом выскочил из административного блока и молотил кулаками землю, бросился обратно, схватил Ведьмака за грудки и затряс, крича в лицо:

– Ты же обещал, что у нас будут дети! Мальчик и девочка! Помнишь?! Ты лгал мне?! Ты все лгал?!

– Успокойся, – Ведьмак посмотрел мне в глаза и мои руки разжались. – Я не умею лгать. У вас будут дети.

Мы выскочили из административного блока под тревожную трель очередного вызова. Сигнал шел от флаера с группой захвата, который стремительно приближался к лагерю. Я не стал отвечать на вызов, опасаясь, что под давлением подполковника не решусь на задуманное. Когда Ведьмак перебрасывал меня с собой на дальнюю просеку, я непроизвольно зажмурился, о чем теперь очень жалею. Но ни о чем более.

Злата лежала в густой оранжевой траве, залитой кровью. Массивный ногорог, наверное, даже не заметил, как смял ее тонкое изящное тело. Глаза Златы оставались открытыми. Последнее, что она видела, умирая, было небо, чужое небо оранжевой планеты, где сейчас в подкравшихся сумерках загорались первые звезды.

Я подбежал к ней, упал на колени и взмолился о чуде. Да, Ведьмак прав. Тысячу, миллион, миллиард раз прав! Мы верим в чудеса и страстно хотим, чтобы они случались, случались с нами, случались, может быть, не часто, но обязательно, однако разучились просить о них. Мы видоизменяли природу, подчиняли климат, выходили в космос, возомнив себя властелинами пространства, и слишком сильно уверовали в себя,

свои силы, знания, технику. Погрязнув в самоудовлетворении, человек захлебнулся в гордыне, вспоминая о собственной ничемности лишь тогда, когда ему было по-настоящему плохо.

Ведьмак тихо присел рядом и мягко, будто боясь потревожить, отодвинул меня от Златы. Он долго что-то над ней шептал, делая пассы, затем вскрикнул и хлопнул в ладоши. Из ладоней Ведьмака вырвался бледный голубой свет и медленно потек к изувеченному девичьему телу, облекая его в мерцающий кокон. По призрачной оболочке побежали золотистые огоньки, сначала хаотично, затем, повинувшись воле мага, движение приобрело сложный, но четкий ритм. Этот танец зачаровывал, заставлял потерять чувство реальности, растягивая секунды в часы, а минуты - в вечность. Я погрузился в транс и не сразу заметил, как кокон начал сжиматься, обозначая контуры человеческой фигуры. Золотистые огоньки стали меркнуть и втягиваться внутрь волшебного саркофага, все отчетливей принимавшего любимые мною формы. Потом свет стал гаснуть, словно впитываясь в нежную девичью кожу. Он потух вместе с последней прощально блеснувшей золотой искоркой, и я услышал, как Злата глубоко вздохнула. Она закрыла глаза и задышала спокойно и ровно, как во сне.

– Сейчас ей нужен покой, – сказал Ведьмак. – Ненадолго. Ей полежать несколько минут, пока полностью не вернется жизненная сила. Ничего не бойся. Ногорог больше не придет. Я ему сказал.

– Уходи, – прошептал я Ведьмаку. Он непонимающе взглянул на меня. Я повторил:

– Уходи. Прошу тебя! Ради меня, Златы, твоего мира – уходи.

Ведьмак несколько секунд всматривался в меня, потом кивнул и улыбнулся, вновь став похожим на доброго и чуть лукавого деда.

– Вы очень похожи на нас. Теперь ты это понимаешь, – произнес он, поднялся, махнул на прощание и рассыпался снопом оранжевых искр. Я осторожно придвинулся к Злате и нежно провел рукой по ее волосам. Она открыла глаза.

– Вольский, если я в раю, то что здесь делаешь ты?

– Исполняю обязанности ангела-хранителя, – бодро отрапортовал я. Чудеса случаются, ведь так?

Когда на просеку прибыл флаер с командой захвата, мы все еще сидели в траве, крепко прижавшись друг к другу. Шел теплый дождь, теребя оранжевую листву возвышающегося

рядом леса, отчего и впрямь казалось: на планете царствует вечная осень. Но для меня сейчас она была весной.

– Лейтенант, чем ты здесь занимаешься? – подполковник был готов порвать меня в клочья. – Где Ведьмак?!

– Ваше превосходительство, – я вскочил. – Он что-то заподозрил, забросил меня сюда и исчез.

– Черт! – подполковник в сердцах плюнул. – Ушел, зар-р-раза! Сдается мне, что и электромагнитные возмущения – его рук дело.

Он обернулся к сопровождавшим его громилам в бронированных скафандрах:

– Всех на борт, а этого, – он ткнул в меня пальцем, – под арест до конца разбирательства!

Расследование, конечно же, ничего для колониальных властей не прояснило. Ведьмак умудрился подчистить память свидетелям нашего прыжка к дальней просеке, поэтому все выглядело как похищение, где жертвой выступал я. Но подполковник, чувствовавший в деле подвох, не простил мне провала задания. Через несколько недель я очутился на Земле без права возвращения в Службу планетной трансформации. Позже ко мне присоединилась Злата, но уже по собственной инициативе.

Цветы, которые подарил ей Ведьмак, стоят в детской. Они не вянут и источают восхитительный аромат, который очень нравится нашим мальчику и девочке. Оба очень любят сказки, и мы знаем, что там, далеко в космосе, еще есть место для настоящего волшебства.

Когда утихнет буря

Не море топит корабли, а ветры.

– Стоянка, прием!

Связист, дремавший в кресле, вздрогнул и открыл глаза, повертел светлой курчавой головой, спросонок не понимая, где находится. Потом с удивлением посмотрел в сторону пульта, где тревожным огоньком мигал сигнал вызова.

– Стоянка, как слышишь? (Пауза) Стоянка?

Связист зевнул и ткнул пальцем в нужную кнопку.

- Стоянка на связи. Кто в эфире?
- Леха, ты? Это Степан!
- Кто?! – Алексей от неожиданности подскочил в кресле. Сон как рукой сняло.
- Тебе, брат, Владе показаться надо, – в эфире раздался смешок. – Со слухом проблемы?
- Степа?! (Пауза) Как?! Ты где?!
- На буровой станции. Все отлично – пашет милая. Со скрипом, но пашет. Показатели в норме. Чем тетя Люба на завтрак порадует?
- Не знаю, она еще никому не говорила.
- Значит, что-то особенное. Ну, ждите! Скоро буду.
- Степа, подожди! – Алексей сорвался на крик, но ему никто не ответил. Рубку заполнил шум эфирного прибора. Алексей потянулся выключить связь, но долго не мог попасть в нужную кнопку. Его била дрожь.
- Не может быть, твою мать! – связист выскочил из рубки и скорым шагом, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, двинулся темной галереей коридора к шлюзу. – Не может быть!

Алексей был уверен, что его выход на поверхность Сирены останется незамеченным. Станция еще спала, подчиняясь циклу 24-часового режима, привычного человеческому персоналу. Связист облачился в скафандр и, открыв люк переходной камеры, вышел наружу.

Сирена искрилась девственно чистым снегом. Он скрыл следы людей и механизмов, покрыв пуховым одеялом купол станции, бетонированную поверхность площадки вокруг, брошенные транспортеры. Пространство внутри периметра, очерченного металлическим гофром, было пусто. Связист уверенно прошел к ограждению, спрыгнул в яму, вырезанную в грунте, и опустился на корточки у продолговатого предмета, в котором угадывались очертания человеческой фигуры, закованной в скафандр. Алексей смахнул снег с забрала чужого шлема и долго вглядывался в черты знакомого лица, застывшего под холодным стеклом белой гипсовой маской.

Техник Степан – хохмач и балагур – покинул станцию два дня назад. Он должен был провести плановый осмотр очередной роботизированной буровой установки. Рассчитывал вернуться до завтрака, о чем сообщил перед тем, как связь оборвалась. Сирену накрыла магнитная буря, поднятая серией мощных вспышек на центральной звезде. Небо осветили

разноцветные всполохи полярного сияния, показывая, сколь чудовищной бомбардировке заряженными частицами подвергается атмосфера. Потом на равнину, в поверхность которой вгрызлась станция, обрушился снежный буран. Он яростно выл несколько часов, терзая Сирену, пока не ослаб, уступив место легкой метелице.

Звездный ветер стих вслед за атмосферным, но Степан на связь не выходил. Компьютерный мозг буровой установки доложил, что техник оставил ее сразу после начала магнитной бури. Потом наконец удалось засечь слабый сигнал транспорта, в котором уезжал Степан. Машину нашли пустой в паре километров от станции. Техник бросил ее, чиркнув в бортовой журнал сообщение о поломке ходовой части и намерении добраться до станции пешком. Однако осмотр показал, что Степан ошибался. Транспорт был исправен, если не считать неполадок в модуле связи.

Техник замерз, не дойдя до станции всего полкилометра. В скафандре отказала система регенерации воздуха, и Степан, сделав нехитрый выбор между удушьем и лютым морозом, снял шлем. Медер, младший техник, обнаруживший неисправность, утверждал, что починить снаряжение в полевых условиях старший коллега не мог. Произошедшее было не просто трагичным, но и не поддающимся логике, как если бы опытный хирург умер от перитонита, из-за того что под рукой не оказалось скальпеля или его подобия.

Тело товарища положили у периметра станции. Промерзший закаменевший грунт Сирены резали с помощью мощного лазерного бура – иначе вырыть могилу было невозможно. Лучевую установку приходилось несколько раз отключать – больно много энергии она жрала, и хиленький реактор быстро перегревался, не справляясь с нагрузками. Сирена не хотела принимать тело чужака. Люди на этой планете были гостями незваными.

Когда Степана наконец опустили в неглубокую яму, накрыв сверху каким-то щитом, все заоченели, и долгих речей у могилы никто не держал. Прощались коротко, но искренне. Суровая медик Влада даже всплакнула и, забыв о гермошлеме, пару раз пыталась утереть слезы, тыча перчатками в смотровое стекло. И только оператор вспомогательных систем Татьяна, с которой Степана связывал долгий служебный роман, не сказала ни слова. Статуйей скорби она застыла над могилой,

не отводя взгляда от тела любимого человека, пока ее, мягко приобняв за плечи, не увела тетя Люба.

Вскоре холод проник на станцию – в души людей. Тетя Люба, диетолог, кулинар и виртуоз пищевых систем, объясняла это уходом жизнерадостного Степана. Влада – новой магнитной бурей, уровень которой был близок к максимуму. Звездный ветер с остервенением трепал атмосферу Сирены, заставляя небо гореть ярким огнем. Поток заряженных частиц обрушивался на поверхность планеты люминесцентными волнами фантастических расцветок.

На четвертый день после гибели Степана весь свободный персонал попросили по громкой связи собраться в кают-компанию. Сбор объявил Еремеев – высокий, чернявый, косая сажень в плечах – начальник вахты. Люди на Сирене работали, сменяясь каждые шесть недель.

– Что-то случилось? – спрашивали у Еремеева входившие в кают-компанию. Он хмурил густые черные брови, указывал на расставленные стулья – сейчас, мол, все узнаете – и красноречиво поглядывал на Алексея. Связист успел рассказать ему все.

Когда все расселись, Алексей глубоко вздохнул.

– Вас собрали по важному поводу, – начал он, закашлялся и, оглядев присутствующих, покраснел.

– Да говори уже, – нетерпеливо буркнул младший техник Медер. Скуластый кареглазый мужчина теперь выполнял обязанности двоих – за себя и Степана. – Ближе к конкретике – дел по горло.

– Да-да, – Алексей стушевался. Перед аудиторией он еще не выступал, да и на Сирене, в отличие от остальных, работал первую вахту. На ледяной мир Алексей попал по распределению сразу после окончания училища, не успев набрать ни жизненного опыта, ни стажа. – Позавчера кто-то вышел на связь со станцией. Я сначала подумал, что экстремалов на Сирену занесло, или горе-туристов. Людей, кроме нас, здесь нет. Но послушайте сами.

Алексей включил запись. На несколько секунд кают-компания погрузилась в шорохи и свисты радиопомех, а затем по ней поплыл до боли знакомый голос. Люди с недоумением смотрели на Алексея, и только Татьяна отрешенно глядела куда-то в сторону, а потом закатила глаза и сползла на пол. Загрохотал покотившийся по полу стул. Возле Татьяны засуетились тетя Люба и Влада.

– Обморок, – Влада с осуждением посмотрела на Алексея. Тот судорожно вздохнул. Когда техник погиб, связист поймал себя на мысли, что в глубине души тому рад. Осознание этого факта терзало, заставляя чувствовать без вины виноватым, из-за чего связист был зол – на себя, Степана и весь мир. Причиной стала первая и, как водится, несчастная любовь. Предметом юношеских вздыханий была Татьяна, но ее привлекал Степан, и на робкие попытки ухаживаний со стороны вчерашнего студента девушка внимания не обращала. Алексей втайне надеялся, что теперь все изменится.

– Что за глупый розыгрыш?! – вскочил Медер.

– Н-нет, как вы могли подумать! – Алексей виновато оглядел товарищей. – Я и сам сначала решил: галлюцинации. После сеанса связи вышел и проверил – тело Степана лежит на месте. Его только припорошило слегка. А потом целые сутки в эфире была тишина, и я успокоился, но вчера... Вот, – Алексей запустил вторую запись. Каюту снова заполнил голос Степана.

– Стоянка? (Пауза). Стоянка?

– Здесь Стоянка, – голос у Алексея был испуганным, и сейчас он стыдливо краснел.

– Леха, это Степан, – далекий голос искажали помехи. – Немного задержался: обнаружил кое-какие проблемы в настройках киберсистем. Устранил и уже выдвинулся назад. Буду к обеду.

– Степа... – Алексей помедлил. – С тобой все в порядке?

– Попроси тетю Любу не бить половником. Я остывшее похлебаю.

Тетя Люба пустила слезу.

– Как ты себя чувствуешь, Степа? – голос Алексея окрашился страхом и отчаянием.

– Прекрасно, – мертвец рассмеялся. – Прогулки на морозце бодрят! Сам бы хоть раз высунул нос за периметр, а то вахта закончится, и рассказать дома нечего будет. До связи!

Запись кончилась, и в кают–компании поднялся гвалт, который стих только после командирского рыка.

– Тихо всем! – рявкнул Еремеев, и когда в помещении воцарилась относительная тишина, спросил: – Кто что думает по поводу этого... происшествия?

– Может, все-таки кто-то нас разыгрывает? – предположил Медер.

– Каким уродом быть надо, чтобы так шутить? – покосилась на него Влада. Медер пожал плечами.

– Если бы ни записи, я бы тоже подумал, что у нас групповая галлюцинация. Слышал, что такое бывает. От грибов, например.

– Чушь, – встряла тетя Люба. – Грибов в меню нет.

– Галлюцинации вызывают не только грибы, – парировал Медер и посмотрел на Владу. – Психика – тонкая штука, так ведь? На нее может повлиять сияние в небе?

– Может, если долго находиться на открытом пространстве, – сказала Влада. – Такие случаи на Земле известны. Но мы чаще пребываем здесь, на станции. Кто у нас, кроме Степана, наружу часто выбирался?

– Я, – сказал Медер и тут же добавил: – Но у меня галлюцинаций нет и, надеюсь, не будет, если, конечно, Сергей ничего в суп не плеснет.

Все повернулись к Сергею – высокому худощавому химику. Он на станции отвечал за отбор проб и анализ ископаемых на соответствие промышленным требованиям. Тот поднял вверх обе руки, словно показывая, что уж он-то чист. В кают-компании снова поднялся шум.

– Тише! – вдруг воскликнул Алексей.

– Что? – переспросил стоящий рядом Еремеев, а Алексей застыл, к чему-то прислушиваясь. В рубке связи тонко пищал сигнал вызова. Алексей рванулся к двери: – Может, снова он?

Рубка не смогла вместить всех, но и не понадобилось. Алексей увеличил громкость, и сквозь шорохи и свист помех выплыл знакомый голос.

– Стоянка? (Пауза) Стоянка?

– Что застыл? – Еремеев подтолкнул Алексея к микрофону. – Ответь. Постарайся разговаривать.

– Что сказать? – Алексей вопросительно взглянул на Еремеева.

– Не знаю, я не дипломат.

Алексей включил микрофон:

– Здесь Стоянка. Степа?

– Он самый!

– Ты задержался, – сказал Алексей.

– Транспорт барахлит, – грустно произнес голос. – Приходится плестись на минимальной скорости. Так что припоздаю. (Пауза). Пришлось обедать консервами.

– Что в консервах? – спросил Алексей и, поймав недоу-

менные взгляды товарищей, развел руками. Разговорить, мол, пытаюсь, как умею.

– Эрзац пресный, – вздохнул собеседник. – С макаронками Любови Паллы ни в какое сравнение. (Пауза). Но не будем о грустном. Ждите к ужину. Тете Любе – мое почтение.

Связь отключилась.

– Батюшки, – выдохнула тетя Люба. Ее ноги подкосились, и если бы ни Еремеев, который подхватил под руки, она бы тоже грохнулась на пол. – А я, дура, не верила!

– Не вы одна, – сказала Татьяна. Влада привела ее в чувство еще в кают-компании, но девушку заметно трясло. Еремеев обвел взглядом лица товарищей – испуганные, нахмуренные или откровенно мрачные. Ему тоже было не по себе, но показывать команде душевное смятение он права не имел. Еремеев боялся, что на станции поднимется паника, а нет ничего хуже обезумевших от страха людей.

– Надо сообщить об этом на Землю, – сказал Еремеев.

– Канал заблокирован, – ответил Алексей. – Магнитная буря не стихает. В ближайшие дни, по прогнозам, звездный ветер усилится.

– Почему же мы... кх-м... Степана принимаем?

– Возможно, потому, что он ближе.

– Вижу, что пока ни у кого объяснений происходящему нет, – сказал Еремеев, оглядывая присутствующих. – Предлагаю ввести постоянное дежурство в рубке. Не думаю, что на связь выходит Степан, но не могу исключать, что неизвестный снова появится в эфире. Первым на пост заступит...

Степан появился в эфире на следующий день, ближе к вечеру, измотав людей тревогой и ожиданием. В рубке в этот момент находилось двое – Медер и Татьяна. Еремеев рассудил, что дежурство парами поможет товарищам сохранить равновесие и рассудок. Сам он едва балансировал на грани, чудом удерживая себя в руках. Еремеев решил, что после этой вахты обязательно возьмет отпуск.

Медер клевал носом: он практически не спал уже сутки. Ночью стоило закрыть глаза, и перед ним возникал Степан. Техник тянул к товарищу руки, превращаясь в чудовище. Медер чувствовал, как на шее смыкаются холодные пальцы, лютый мороз проникает внутрь и легкие, а затем и сердце превращаются в лед.

Задыхаясь, Медер просыпался в холодном поту и долго лежал, боясь уснуть и вздрагивая от звуков из глубин станции

– натужного гудения реактора, шуршания пластика и шипения пневматических заслонок. Технический шум, неуловимый слухом днем, теперь казался невыносимой какофонией – громкой и пугающей. В голову лезли воспоминания из детства, проведенного в горах, и страшные сказки, рассказанные дедом об азытка – оборотне, принимавшим облик друзей или родных. Спасти от него мог только клинок, которым следовало очертить круг у кровати, а потом спрятать его под подушку.

Холодного оружия у Медера не было, и он решил выпросить нож на камбузе.

Татьяна, напротив, выглядела, на удивление, бодро. То, что ей не по себе, выдавали лишь еле заметные круги под глазами, умело замаскированные косметикой. Но и она вздрогнула, когда пискнул сигнал вызова.

– Стоянка?

– Здесь Стоянка, – ответил Медер. Татьяна, сидевшая рядом, увидела, как округлились его глаза, став непривычно большими.

– Медерчик, дружище, – невидимый собеседник будто широко улыбался. – Алексея решил сменить?

– Приболел наш связист, – неубедительно соврал Медер и посмотрел на Таню. Она сжала губы в тонкие полоски, с силой вцепившись ногтями в подлокотники.

– Температурит Алексей, – пояснил Медер. – Влада говорит, простудился. Ты там как? Не мерзнешь?

– Подмерзаю слегка. Но ничего. Как ты без меня? Не загонял Еремеев?

– Без ЧП, Степан, – ответил Медер и сглотнул набравшую от волнения слюну. – Но с тебя магарыч. Из-за тебя приходится за двоих вертеться.

– Понял, не дурак, – сказал собеседник. – Будет и тебе радость. Потерпи немного, я уже рядом. Двигатель транспорта сдох, поэтому пойду пешком.

– Степан, не смей, – неожиданно громко выкрикнула Таня. – Ты убьешь себя!

– Таня? – в голосе послышалось удивление. – Ты что делаешь в радиорубке?

– Медер попросил принести горячего чая, – смутилась Таня, удивляясь своим ощущениям. Она будто говорила с живым человеком и чувствовала, что он ей не поверил.

– Я бы сейчас тоже от горяченького не отказался, –

вкрадчиво произнес голос. – Не откажешься поднести кружечку по возвращении?

– Нет, конечно, – сказала Таня.

– Ловлю на слове, – сквозь эфир прорвался приглушенный помехами смехом, завершая сеанс.

Медер выключил микрофон и повернулся в кресле к Тане.

– Беги к Еремееву с докладом.

Еремеев прослушал запись несколько раз, а потом согнал весь персонал в кают-компанию, где с содержанием беседы ознакомились все.

– У меня такое ощущение, что мы не Степана хоронили, а его двойника, – сказал Медер. – А настоящий Степан с нами по радио разговаривает.

– Мы хоронили Степана, – твердо сказал Еремеев. – Настоящего. Влада его вскрывала.

– В таком случае объяснение может быть только одно, – сказал Медер. – Мы нашли новую форму жизни. Или она нас нашла. И эта форма жизни пытается установить контакт.

– Планета мертва, – напомнил Еремеев.

– Мы добываем здесь жидкость, схожую по составу с земной нефтью, – напомнил Медер. – Тем Сирена и ценна. Или кто-то забыл, в каких сферах используется добытое нами и ради чего мы морозим хвосты? Я не астроном, не планетолог, но полагаю, здесь наверняка раньше было гораздо теплее. Возможно, кое-где появилась жизнь, а потом приспособилась к новым условиям. Находят же бактерии в жерлах вулканов и в арктических зонах.

– Бред, – сказал Еремеев. – И ересь. Жизнь бы обнаружили.

– Если б знали, где искать, – парировал Медер.

– Почему же твоя форма жизни голос Степана копирует?

– Мимикрия, – упорствовал Медер.

– Хорошо, – Еремеев хлопнул ладонью по столу. – Но как объяснить, что эта форма жизни знает нас, различает по голосам? С помощью чего она выходит в эфир? Или, быть может, мы не разглядели у себя под носом технически развитую цивилизацию? Ладно мы, а ученые как прохлопали? Что молчите? То-то и оно. Что бы в эфире ни было, на жизнь оно мало похоже.

– В нашем представлении, – вставил Медер. Еремеев укоризненно покачал головой.

– Хватит на сегодня фантастики, – подытожил Еремеев.

ев. – После ужина Медера и Татьяну сменит Алексей. Ему коротать ночи в рубке привычно. Остальным – отдыхать, но не расслабляться. Кто его знает, какой сюрприз готовит день завтрашний.

Сменившись, Медер отправился на камбуз, помялся в дверях, обнаружив, что повариха не одна. Часть товарищей – Еремеев, Сергей и Влада – продолжали ужинать.

– Проходи, Медерчик, покушай перед отбоем, – кликнула тетя Люба.

– Я хотел попросить у вас нож.

– Зачем, милоч?

Медер смутился. Ну не рассказывать же, что дед рассказывал о ночных оборотнях и средствах защиты.

– Я... Мне нужно проводок зачистить.

– Сапожник без сапог, – хмыкнул Сергей. – Своих инструментов нет?

– Есть, – сказал Медер и присел за стол. – Но обычным ножом сподручней.

– Не знаю, что сподручней, а подкрепиться нужно, – сказала тетя Люба и поставила перед Медером поднос.

– Спасибо, тетя Люба, но у меня начался пост, – сказал Медер, посмотрев на часы. Циферблат показывал время по Мекке. – Днем нельзя.

– Да жри спокойно, – грубо сдохмил Сергей. – Боженька не заметит, отвечаю! Мы от него далеко.

– Не смешно, – вспыхнул Медер.

– А я и не смеюсь, – сквозь зубы процедил Сергей. – Че ты строишь из себя святошу? На Сирене астрономическая ночь и до рассвета еще несколько земных суток. Твой маленький мозг не впитал эту информацию? Можешь жрать, пока не лопнешь.

Медер встал из-за стола, кивнул тете Любе, застывшей с половником в руках, и вышел.

– Омерзительно! – Влада брезгливо отсела от Сергея. Тот ощерился.

– У вас что-то было?

– А я, Сережа, тоже в Бога верю, – влезла тетя Люба.

– С тебя что? Ты сама атавизм!

Еремеев, молча ковырявшийся в супе, рывком поднялся, опрокинув стул, который с грохотом прокатился по полу. Начвахты за шиворот вытащил химика из-за стола и впечатал в переборку, выбив воздух.

– Ты че, начальник? – Сергей безуспешно пытался вырваться, его лицо покраснело, и он зло брызгал слюной.

– Сволочь ты, – процедил Еремеев. – Гладенький снаружи, чистенький, гниль в тебе сразу не разглядишь. А тебя лечить надо. Электрошоком. Чтоб как у собаки Павлова на рефлекторном уровне отпечаталось: так нельзя.

– Коленька, ты его покалечишь, – подскочила тетя Люба.
– Отпусти ущербного.

Еремеев хорошенько встряхнул Сергея и разжал пальцы. Химик оправил комбинезон, окинул присутствующих ненавидящим взглядом и, прошипев что-то напоследок, выскочил вон.

Сергей тяготился своим присутствием на станции. Ему не нравился ни коллектив, ни работа, к которой он относился как к ссылке, и не особо скрывал, но ранее еще пытался держать себя в рамках приличия. Помогала ему в этом лаборатория, запершись в которой Сергей синтезировал и пробовал на себе новые виды амфетаминов. Он называл это «маленьким невинным хобби», которое, однако, ему дорого обошлось, несмотря на широкие связи родни. Когда Сергея застукали за производством наркотиков, перед ним встал выбор: длительный контракт на работу в дальнем космосе либо тюремное заключение. Химик, не будучи дураком, выбрал первое, о чем, впрочем, все чаще жалел.

– Зря ты так, Николай, – сказала Влада, внимательно глядя на Еремеева. – Он – мстительная сволочь, и у родителя широкие связи.

– Папаше не связями надо было обзаводиться, а ремнем, – возразил Еремеев и, рассерженно махнув рукой, покинул столовую.

– Иной раз пори дитя не пори, толку нет, – вздохнула тетя Люба.

– Извините, Любовь Павловна, но вы не правы, – сказала Влада. – Воспитание во многом формирует личность.

– Легко тебе, Владочка, рассуждать, – тетя Люба убрала посуду со стола и вытерла расплескавшийся по поверхности суп. – Вот появятся детки, послушаем, как запоешь.

– Если появятся, – ответила Влада.

– Что значит «если»? Обязательно появятся. Ты у нас баба красивая. Вон как на тебя мужики заглядываются.

– Кто, Любовь Павловна? – Влада не смогла удержать улыбки.

– Да тот же Еремеев, например, – улыбнулась в ответ тетя Люба. – Ты думаешь, чего он так вспылит?

– Он Медера защищал. И вас.

– Это, конечно, тоже, – тетя Люба присела рядом. – Я – ничего, да и Медер – хороший парень, только замкнутый, неуверенный. Постоянно как не в своей тарелке. Что улыбаешься? Проживешь с мое, лапушка, иначе на мир смотреть станешь, глубже. Чем тебе Еремеев не нравится? Бобыль бобылем, но и в этом есть прелесть. Видно же, что без ласки женской звереет мужчина. Не мужик, заметь, а мужчина – сильный, умный, за которым как за каменной стеной. А то, что половину себе не нашел, так только к лучшему. Значит, на кого попало не бросается. Тоже положительное качество. А если Еремеев не нравится, подыщи другое местечко, где полюднее. Не засидеться бы в невестах!

Влада выходила из камбуза с легкой улыбкой, а на душе скребли кошки. Тетя Люба озвучила ее сокровенные мысли, по-бабьи, интуитивно поняв, что волнует собеседницу. Вот только не догадывалась Любовь Павловна, что в дальнем космосе Влада оказалась не по своей воле.

Под космический монастырь медичку подвела яркая внешность. Мужчины попроще таких боятся. Глаз не решаются порой поднять. На красоту особо падки самцы при должностях и жирке над ремнем. Власть падка на иллюзии и нередко убеждает себя в том, что любая женщина готова пасть к ногам.

Ухажеры в чинах отпугивали редких мужчин, к которым тянулась Влада, мечтавшая о простых, понятных и искренних отношениях. Один из отвергнутых дыхателей ей этого не простил. Владу перебросили с оживленного пересадочного центра на отдаленную станцию, недвусмысленно дав понять, что требуется для перевода обратно. Возвращаться на подобных условиях Владе претило, а теперь даже гипотетическая возможность стояла под вопросом.

Влада заперлась в каюте и рухнула на постель не раздеваясь. Она чувствовала, как за обшивкой станции сгущался ледяной мрак, и куталась в одеяло, чтобы сохранить тепло хотя бы в себе. Проваливаясь в тяжелый и беспокойный сон, ей вспомнились далекое детство в маленьком марсианском поселке, тесная каморка, часть которой отец отгородил алюминиевым шкафом, чтобы создать для дочки подобие отдельного уголка. Спать приходилось на металлической дверце, застеленной тонким пластиковым матрасом. К утру, когда купол,

под которым пряталась колония, отдавал последние крохи накопленной за день энергии и пропитывался холодом, продрогшая девочка перебиралась к родителям, чтобы согреться теплом их тел.

Когда купол пробил крупный метеорит, этого оказалось недостаточно. Часть поселения разметало взрывом, уцелевших убивала разряженная и холодная атмосфера Марса. Сотни людей погибли, а Влада выжила. Отец закрепил на ней кислородную маску, укутал в одеяла, сдернутые матерью с постелей, и крепко прижал к себе. Родители замерзли, обнимая дочь, а она не могла и пошевелиться. Их так и нашли сутки спустя, когда запас сжатого воздуха в баллоне закончился, и Влада, пережив долгие часы ужаса, провалилась в безвременье клинической смерти.

За последней чертой не было тоннелей и света. К ней не спустились ангелы. Смерть не служила переходом в иной мир, иначе это бы запомнилось. Умерев однажды, Влада уверовала: потусторонней жизни нет, но события последних дней не вписывались в модель. Сирена представлялась бездушным темным миром, и Влада боялась раствориться в безграничной его пустоте. Она куталась в одеяло, но чувство безграничного одиночества и холод становились все более невыносимыми. Когда сил терпеть не осталось, она тихо вышла в коридор, прокралась на цыпочках к каюте Еремеева и поскреблась ноготками в дверь.

Еремеев открыл дверь сразу, будто стоял за ней, ожидая ночного визита. Лицо его осунулось и в тусклом свете лампы казалось серым. Но оно было живым, настоящим, человеческим. Влада, не дожидаясь приглашения войти, проскользнула внутрь и, нисколько не смущаясь ошарашенным взглядом Еремеева, прикрыла дверь.

– Обними меня, пожалуйста, – сказала Влада. – Я очень боюсь.

Еремеев сжимал ее в объятиях, тая от нахлынувшей неожиданно неги. Ощущение было непривычным, но до боли в груди приятным. Еремеев чувствовал себя счастливым, и все происходящее на станции в этот момент казалось ему вторичным, призрачным, а абсолютной и непогрешимой реальностью был только он и Влада, давно занимавшая его мысли. Начвахты не единожды порывался признаться в чувствах к медичке, но каждый раз охватывала его странная робость, ноги станови-

лись ватными. Еремеев нес несусветную чушь на посторонние темы, проклиная себя за то, что сам считал трусостью.

– Как ты поняла? – тихо спросил он.

– Это мой маленький секрет, – улыбнулась Влада, чувствуя, как трепетно бьется в мощной груди Еремеева сердце.

Тетя Люба, оставшись на камбузе, еще раз перемыла всю посуду, потом налила себе обжигающе горячий чай, выпила, слегка прихлебывая и, сполоснув кружку, поставила на полку. Посидев несколько минут в тишине, она достала из дальнего ящика маленькую иконку и зажгла лампадку. По помещению растекся теплый запах воска, но и он не мог отогнать от женщины липкое чувство древнего животного страха. Тетя Люба опустила на колени и принялась горячо молиться.

Боялась тетя Люба больше не за себя, хотя инстинкт самосохранения взывал в ней ангельскими трубами, возвещавшими о начале Судного дня. Страшно ей было за тех, кто ждал ее на Земле – двух малолетних внуков, оставшихся сиротами после дорожной катастрофы, в которой погибли любимая дочь тети Любы вместе с зятем. Кроме бабушки, у несчастных детей больше никого в подлунном мире не было, да и той пришлось улетать в дальний космос, где она, доселе сторонясь даже авиаперелетов, надеялась ухватить за хвост длинный рубль. Но, как думалось ей теперь, лучше жизнь в нужде, чем смерть в неизвестности.

Затушив лампадку, тетя Люба тихонько вышла из камбуза и проследовала в свою каюту.

Во втором часу ночи на станции взвыл сигнал тревоги. Люди выскакивали из кают и бежали к кают-компани – месту общего сбора – одеваясь на ходу. Там их уже ждал Алексей, одетый в скафандр.

– Друзья, коллеги, – сказал он взволнованно. – Нечто, представившееся Степаном, приближается к станции. Судя по показаниям датчиков, оно уже у периметра. Я встречу его снаружи – у шлюза.

– Один не пойдешь, – заявил Еремеев.

– Я выйду вместе с ним, – сказала Татьяна. – Здесь я сейчас не нужна, а снаружи лишние руки могут пригодиться. Тем более что он и со мной разговаривал.

– Хорошо, – ответил Еремеев. По лицу начвахты было понятно: он предпочел бы вообще никого не выпускать из станции и тем более не впускать что-то или кого-либо снару-

жи. Он протянул Алексею электромагнитную винтовку, на всякий случай.

– Оружие! – выдохнул Алексей. – Откуда?

– Лучше знаешь, крепче спишь, – сказал Еремеев и вложил винтовку в руку связиста. – Держи крепче!

– Будьте осторожнее! – крикнула вслед уходящим тетя Люба. Контактеры помахали руками и задраили люк переходной камеры.

Еремеев развернулся и направился в пункт визуального контроля. Он вывел на большой экран картинку с камеры, направленной на проход в металлическом ограждении периметра, поймал в фокус покачивающуюся фигуру. Некто или нечто, пошатываясь, медленно брело по направлению к станции. Еремеев, несомненно, видел гуманоида, но откуда тому взяться на Сирене? Человек (человек?) тем временем остановился у ямы, вырезанной в грунте. В нее несколько дней назад положили Степана. Существо (Еремеев до выяснения всех обстоятельств решил про себя называть неизвестного так) постояло несколько секунд, переминаясь с ноги на ногу, словно что-то мучительно пыталось вспомнить, а потом продолжило движение.

Пара смельчаков ждали гостя у люка. Еремеев настрого запретил членам команды отходить от шлюза и врубил прожекторы, прорезав темноту на много метров вперед.

– Вот он, – выдохнула Таня. На свет выступила и двинулась к шлюзу высокая фигура. Вскоре стало понятно, что человек или то, что выглядело как человек, закован в скафандр, визуально такой же, как у людей на станции. Забрало шлема визитера было поднято, словно и жгучий мороз нипочем, открывая лицо контактерам.

– Степан, – прошептал Алексей.

Лицо Степана или его двойника было белым, словно вылепленным из снега. Белыми были даже радужные оболочки, ресницы, борода, которую техник отрастил за время вахты.

– Привет честной кампании, – сказал он и качнулся вперед. – Я, между прочим, очень голоден. Хочу есть.

– Стой, где стоишь, – сказал Алексей. – Пока мы не осмотрим тебя и не убедимся, что ты – Степан, внутрь не попадешь.

– Больно надо, – ухмыльнулся визитер и перевел взгляд на Таню.

– Танюша! – он хищно осклабился, и сходство со Степаном на миг исчезло. – Где чай?

Существо выбросило вперед руки и шагнуло к Татьяне, но между ними встал Алексей. Мощный удар чужака впечатал связиста в затвор люка. Потом чудовище схватило Таню и поволокло в темноту.

– Стоять! – закричал Алексей. – Стрелять буду!

Фигура удалялась, не реагируя на окрик. Алексей выстрелил в воздух, но двойник погибшего товарища даже не остановился, будто ничего не произошло. Тогда Алексей выстрелил удаляющемуся Степану в спину. Заряд прошел насквозь, не оставив на белом чудовище и следа.

– А– а– а– а! – страшно закричал связист и, схватив винтовку за ствол, как дубину, побежал вслед за похитителем Татьяны.

Еремеев бросился к шлюзу. За спиной, безнадежно отстав, громко топал ботинками Медер. Еремеев прыгнул в скафандр и влетел в переходную камеру. Начальнику вахты казалось, что внешний люк открывался катастрофически медленно. Когда наконец образовалась щель, достаточная, чтобы в нее мог пролезть человек, Еремеев бросился наружу, где чуть не сбил с ног Алексея. Тот пьяно покачиваясь, плелся к входу на станцию, волоча за собой винтовку. Забрало его шлема было разбито.

– Где Таня?! Что со шлемом?!

– Не знаю, – устало сказал Алексей. – Монстр исчез вместе с ней. Он был передо мной, а потом перед глазами все поплыло. Буквально на миг. Так казалось. Прихожу в себя – лежу в снегу. Никого рядом нет, а из меня как будто всю энергию высосали. Чертовски холодно. Простите.

Алексей обессиленно сел на пол. Еремеев вытащил его из шлюза и стащил заляпанный замерзшей кровью скафандр. Лицо связиста было покрыто ледяной коростой алого цвета. Он тяжело дышал, но нашел в себе силы вцепиться в начвахты и просипеть:

– Не вздумайте выходить! Не вздумайте бросить станцию! Там – тьма!

Алексея отнесли в медотсек. Около связиста суетилась Влада. Еремеев устало присел у кушетки. Связист что-то бормотал о ночной тьме и сиянии на небе. Он бредил.

– Николай! – в дверях медотсека стояла тетя Люба, бе-

лая, как стена. Ее губы дрожали. – Николай Иванович! Там... Там...

– Что там? – вскочил Еремеев.

– Там Степан, Таня и... Лешенька! – тетя Люба с ужасом посмотрела на лежащее тело связиста, отвела глаза и зарыдала. – Я не знаю, какой из них настоящий! Вдруг мы притащили сюда чужака!

Алексей вдруг резко сел, обвел отсек невидящим взглядом и громко захохотал. Тетя Люба взвизгнула и спряталась за спину Еремеева. А связист упал на кушетку и забился в конвульсиях, брызжа пеной изо рта.

– Припадок! – закричала Влада. – Держите его крепко, пока не сделаю укол.

После инъекции Алексей отрубился, а Еремеев успокоился. На чужака, наверное, инъекция бы не подействовала. Начвахты вышел из отсека, увлекая за собой тетю Любу.

– Что же это происходит! – причитала она, размазывая по лицу слезы. – Господи, что дееется?

Навстречу Еремееву бежал Медер.

– Они мнутя у входа, – выпалил Медер. – Войти не пытаются. Просто стоят и зовут наружу. Я на всякий случай запечатал люк. Намертво запечатал. Его теперь только изнутри открыть можно. Снаружи, конечно, тоже можно, но с помощью лазерного резака, а он – на станции.

– Проводи Любовь Павловну в кают-компанию, – приказал Еремеев. – А потом ко мне – в пункт визуального контроля.

– Я с ума сойду, если останусь одна в кают-компании, – сказала тетя Люба. – Умоляю, Николай, не бросайте!

Еремеев махнул рукой. Ладно, мол, пойдите с нами. В пункте визуального контроля, куда стекалась вся видеинформация с камер вокруг и внутри станции, тетя Люба тихо присела у переборки, бросая осторожные взгляды на экран, на котором отображалась странная и одновременно страшная картинка. Три человеческие фигуры с открытыми забралами топтались у шлюза, разбрехались в стороны и неспешно возвращались обратно.

– Почему они не пытаются войти? – тихо спросила тетя Люба.

– Ждут, когда их впустят, – горько усмехнулся Медер.

– Людей воровать и калечить они могут, а войти – нет? – со злостью произнес Еремеев. – Чушь!

– В фольклоре Земли описываются мертвые существа, которые могли войти в дом только после приглашения, – ответил Медер.

– Всему должно быть здоровое объяснение, – отрезал Еремеев.

– У меня оно есть, – за их спинами раздался голос Влады.

Медик вошла в отсек и присела рядом с тетей Любой.

– Я думаю, это не мертвецы, – сказала Влада. – Иначе среди них не было бы двойника несчастного Леши, который сейчас лежит в медицинском отсеке.

– Допустим, – согласился Еремеев. – Но почему они не пытаются войти внутрь?

– Что-то мешает, – пожалла плечиком Влада. – То, что работает даже в шлюзе.

– Шайтан их дерит! – воскликнул Медер. – Я понял! Они не могут войти, потому что станция накрыта электромагнитным полем. Оно работает постоянно, потому что мы бы тут загнулись от бурь, которые бушуют на здешнем солнце.

– Мы так до электромагнитных форм жизни договоримся, – хмыкнул Сергей. Когда он подошел, никто не заметил. Сергей стоял, прислонившись к переборке у входа в отсек.

– Да, Сергей, – сказала Влада. – Строй из себя скептика сколько угодно, но почему бы не предположить, что жизнь, существовавшая на Сирене, как предположил Медер, смогла приспособиться к этим экстремальным условиям и приняла новую форму? Нам магнитные бури такой категории без защиты не пережить. А им хоть бы хны, потому что наши визитеры не имеют физических тел в нашем понимании. Пусть это будут призраки, фантомы, энергетические субстанции. Все же видели, как Алексей стрелял в спину Степана. Но безрезультатно.

– Не верю, – сказал Еремеев. – Да, заряд прошел насквозь, но ведь Степан или то, что выдает себя за Степана, имеет твердую оболочку. По крайней мере, тогда, когда ему нужно. Это существо напало на Алексея и утащило Татьяну. Забыли?

– А что, если фантом имеет волновую структуру? Я, конечно, не сильна в физике, но нам известно: материя по сути своей волна. Давайте представим, что местная эволюция была вынуждена возвратиться к истокам, не привязываясь надолго к более поздним состояниям – твердому, жидкому и га-

зобразному, но и не отказываясь от возможности принимать эти формы.

– Хорошо, – ответил Еремеев. – Можно принять за рабочую версию. Но как объяснить, почему вокруг станции бродят двойники Степана, Тани и Алексея, а Медера среди них нет? Он неоднократно выходил наружу.

– Может, их просто рядом не было, – сказала Влада. – Или, чтобы просканировать нашу память, им требуется, чтобы мы были без сознания. В каждом из нас живет целый мир, десятилетия воспоминаний, переживаний, ощущений.

– Поддерживаю целиком и полностью, – сказал Медер. – И думаю, что как только магнитная буря уляжется и звездный ветер ослабнет, фантомов мы не увидим. Вспомните пустыни на Земле. Пока сушь и жара, ничего нет. Живность прячется или уходит, флора мертва, но стоит начаться дождю, все зеленеет, птички поют, жизнь возвращается. А на Сирене дождь – магнитная буря. А? Почему бы нет? Чертовщина началась вместе с ней.

В этот момент станция погрузилась в темноту. Затем переходы и отсеки залил багрянец аварийных ламп, превратив лица людей в кровавые маски.

– Реактор отрубился! – с тревогой воскликнул Медер. – Система не рассчитана на продолжительные магнитные бури таких категорий. Предохранители не выдержали нагрузки.

– Мы остались без барьера?! – Еремеев вскочил.

– Система перезагрузится автоматически, – ответил Медер. – Это займет пару минут.

– У нас нет этого времени, – неестественно глухим голосом сказал Сергей. – Они уже здесь.

Люди, толкаясь, высыпали в коридор, по которому в направлении их отсека двигались три фигуры. Фантомы шли уверенно, неспешно, словно в их распоряжении была целая вечность.

– Надо бежать, – равнодушно, как в полусне, произнес Медер и медленно опустился на пол. – Надо ли бежать?

Рядом с ним опустилась тетя Люба, а за ней – Сергей. Влада застонала, сжимая голову, а Еремеев замахал руками, инстинктивно пытаясь отогнать темноту, которая застилала глаза, и холод, болезненными толчками проникающий в сознание. Ноги начвахты подкосились, и он, скребя пальцами по переборке, сполз вниз. Над ним остановилась одна из фигур.

– Здорово, начальник! – сказала она голосом Степана. – Как житье-бытье? Тяжело, сердешный?

Еремеев потерял сознание.

Он очнулся от боли в глазах. В лицо бил яркий свет. Еремеев обнаружил, что лежит на спине у отсека визуального контроля. Судя по яркости освещения, энергосистема перезапустилась, а значит, барьер, накрывавший станцию невидимым куполом, восстановился, спугнув или уничтожив фантомов. Холодные черные щупальца, сдавливающие мозг, исчезли, и начвахты чувствовал в голове необыкновенную легкость. Сознание было ясным, как небо в солнечный день.

Еремеев сел, оглядываясь вокруг. Его товарищи лежали там, где их настигли фантомы. Все, кроме Сергея. Еремеев растормошил товарищей и бросился к переходной камере. Он надеялся, что найдет химика там, и боялся, что не успеет и тот исчезнет в ледяной пустыне вслед за Степаном и Татьяной.

Химик лежал лицом вниз у входа в шлюз. Створы выходного люка, как и говорил Медер, были запечатаны. Но фантомы, видимо, умели проходить сквозь стены. Еремеев перевернул Сергея на спину и отпрянул. Открытые глаза химика были бесцветными, словно кто-то вставил нечастному в глазницы белые шары.

– Кома, – констатировала подросевшая Влада.

– Насколько дело плохо? – спросил Еремеев.

– Я вряд ли смогу привести его в сознание, – сказала Влада. – Оборудование, которое есть на станции, может только поддержать ему жизнь. Сергея нужно отправлять на Землю.

– Корабль прилетит только через пару недель. Ты и сама знаешь.

Влада медленно подошла к маленькому дисплею на стене, на котором отображалась картинка с наружной камеры, висящей над входом в станцию. У шлюза – с той стороны – стояли четверо. К Степану, Татьяне, Алексею присоединился Сергей.

– Они там, – устало произнесла Влада. – Что мы им сделали? Они мстят за то, что мы без спроса качаем ресурсы из недр Сирены?

– Мне кажется, им нет до этого дела, – сказал Еремеев.

– Зачем мы им?

– Они нас изучают, – сказал Еремеев. – Я так думаю. Сначала Степана. На него, наверное, одна из тварей наткну-

лась случайно. Степан шел, а она не торопясь, чтобы не повредить уникальный материал, его исследовала, считывала импульсы мозга, училась, пока не поняла, что можно не осторожничать и добыть других. А с остальными уже не церемонились – полоснули скальпелем, уже не жалея. Мы для них, наверное, как лягушки. Поймали – препарировали. Интерес и ничего личного.

Звездный ветер, трепавший Сирену, начал стихать на следующий день, а неделю спустя центральное светило успокоилось и люди смогли выйти наружу – на поиски Татьяны, хотя никто не сомневался, что живой ее уже не увидят. Ее тело нашли недалеко от периметра. Ее перенесли внутрь и на всякий случай накрыли тяжелым колпаком.

Канал связи с Землей, однако, не восстановился. Алексей считал, что небывало сильная магнитная буря сбила настройки, и рвался все исправить, но Влада запретила ему покидать медотсек. Еремеев согласился подождать.

Через несколько суток в системе появился долгожданный корабль, по злой иронии названный «Быстрым». Пилот вывел его на орбиту и связался со станцией, сообщив, что смена спустится с опозданием. На выходе из гиперпрыжка корабль попал в небольшое пылевое облако и челнок, закрепленный на одной из плоскостей межзвездного судна, получил незначительные повреждения. Перед спуском требовалось провести осмотр и, возможно, мелкий ремонт. Сгореть в атмосфере Сирены не хотелось никому.

На тревожной, но полной надежды ноте краткий сеанс завершился. Еремеев ждал, когда с ним, как он просил пилота, свяжется капитан «Быстрого». Начвахты хотел доложить ему о событиях на Сирене, но корабль молчал. Возможно, потому, что светило ледяной планеты озарилось вспышками. Звездный ветер поднимал новую бурю.

...Механик «Быстрого» открыл люк и вышел в открытый космос, когда корабль медленно плыл над ночной стороной планеты. Он планировал завершить осмотр за несколько минут. Далеко внизу белел тонкий диск Сирены, и у астронавта ненадолго закружилась голова. Под его ногами бушевало разноцветными огнями полярное сияние. Море всполохов тянулось к краю атмосферы высокими бурунами, лизнув, казалось, раз-другой ноги астронавта, обшивку корабля, открытый люк в переходную камеру.

– Боже, какая красота, – прошептал он, прежде чем связь с ним оборвалась...

– Стоянка, я «Быстрый», – канал связи ожил спустя несколько часов ожиданий. – Не могли связаться из-за магнитной бури. Поломка устранена. Челнок на старте. Готовьтесь к смене.

Станция наполнилась нетерпеливыми возгласами, топанием ног, хлопанием дверей. Медер, Влада и тетя Люба сносили багаж к переходной камере, радостно улыбаясь друг другу, забыв о пережитом. У шлюза появился Алексей – неестественно прямой из-за терапевтического корсета. Он вез кушетку, на которой лежал Сергей. Только Еремеев ходил мрачнее тучи. Он считал, что планету нужно закрыть на карантин, и думал, какие аргументы привести, чтобы убедить руководство. Тела погибших на месте, автоматы исправно качали и перерабатывали полезные ресурсы, а фантомы растворились в снегах, и больше их никто не видел.

Челнок приземлился у периметра. Из его чрева высыпали и двинулись к станции человеческие фигурки. Когда они подошли ближе, Еремеев, чувствуя волнение товарищей, стоявших за спиной, открыл люк и сделал поспешный шаг назад. Перед шлюзом стояли люди – около десятка человек. Их лица, радужные оболочки, волосы и даже ресницы были белыми, как лежащий под ногами снег.

– Привет, коллеги! – весело крикнул тот, что стоял первым. В небе над ним играли зарницы. – Пост сдавать будем?

Еремеев выстрелил ему в живот. Заряд пролетел насквозь, не причинив весельчаку вреда.

– Мы не лягушки, – всхлинула тетя Люба. – Не лягушки...

– Что мы будем делать? – тихо спросила Влада.

– Ждать, когда утихнет буря, – начвахты потянул на себя рычаг, закрывающий вход в станцию. Влада развернулась и пошла назад, приобняв тетю Любу, плачущую в плечо. Еремеев остался в шлюзе, наблюдая, как за тяжелым затвором люка истончается и исчезает диск чужого неба.

ПОЭЗИЯ

Талант ДЖОЛДОШБЕКОВ

У ОСЕНИ СВОЁ ЗАГЛАВЬЕ...

Новые стихи

На смерть поэта

Александр Никитенко

*Одних мы чтим публично,
Во всю рукоплещя,
К другим приходим лично...
На кладбища.*

Владимир Асмолов

Если жарко стало трубам
И чело стесняют лавры,
Можно притвориться трупом,
Чтобы спрятаться от славы.

Пусть у гроба держат слово
Провожатые о вечном,
О незыблемых основах,
Ну и о тебе, конечно.

Ты же мой собрат по цеху
С ликом, как из алебастра,
Нас оглядывая сверху,
Будешь тихо улыбаться.

Между родами и тризной,
Между тем и этим светом
Кочевать ещё при жизни
Полагается поэтам.

Потому лишь и прощаем
Мы тебе уход внезапный
И до грусти упрощаем
Свой салют тысячезалпный.

Будь покоен, бард. Стихами
Ты нас потчевал, как мёдом,
Вволю, в унисон с дыханьем,
Вопреки нахальным модам.

И теперь по-человечьи
Мы единогласны в целом,
Образ твой широкоплечий
Навсегда в сердцах поселим.

Хоть прощение не «Ваниш»,
Чтобы совесть заблестела,
Но прости и ты, Иваныч,
Нас за дело и не дело.

Прах ко праху, душу к Богу,
Выпьем горькую на посох,
Распростимся и в дорогу:
Ты – с ответом, мы – в вопросах.

Август

*Но мой плот,
Свитый из песенных слов,
Всем моим бедам назло
Вовсе не так уж плох.*

Юрий Лоза

Ну вот и лето на излёте
Ещё одно. Прощай, прощай.

От месяца лишь сизый ломтик,
Расстанемся же, не ропща.

Довольно, господин Алябьев.
Отголосили соловьи.
У сентября своё заглавье
И многоточия свои.

А мне на даче вновь не спится,
Брожу по саду никакой.
А времени кружатся спицы,
Шумливой движимы рекой.

Я жду к субботнему причастью
Друзей на маленьком плоту.
Жаль, невозможно прокричаться
Сквозь родственников глухоту.

Когда и кто кого обидел?..
Нет, прочь от происков судьбы
Отчаливаю к Атлантиде,
За Геркулесовы столбы.

Завал проблем многоэтажен,
До смерти не перетолочь.
Поэтому картина та же:
Бутылка пива. Август. Ночь.

Без юмора

*Горе тому воображению,
которому юмор не сопутствует.
Владимир Набоков*

У меня пропало чувство юмора,
Что ценилось подороже золота.
То ли выветрилось, то ли умерло,
Только нет его, и всё. Вот горе-то!..

Сколько же вокруг ещё потешного!
Обернёшься – так и обхохочешься.

Я же, словно камбала вспотевшая,
Бьюсь об лёд, а хохотать не хочется.

Вот, к примеру, наши псевдолидеры.
Родовались бы, что не повесили,
Нет же, прут убогие на выборы,
И от этого, увы, невесело.

Вот, до кончиков ногтей гламурная,
Распеваёт баба бородатая.
У меня же нет ни капли юмора
На неё, пусть даже и поддатый я.

Взять хотя бы тех же алкоголиков,
С перепоя заживо сгорающих.
Можно, кажется, поржать до коликов,
Но опять же несмешно, товарищи.

Друг ли анекдотами попотчует,
Осень ли свои раскроет прелести,
Я же им - улыбочку рабочую,
От которой только сводит челюсти.

Ох, треклятая моя судьба-судьбинушка,
Что ещё там для меня придумала!
Разве ж ты, насмешница, не видишь, как
Тяжело смотреть на мир без юмора?

Воруйте

*Возможность украсть и создаёт вора.
Американская поговорка*

Воруйте без стеснения, господа,
Коль полномочия даны на то вам.
Чем доставать рыбёшку из пруда,
Вернее поживиться на готовом.

По недогляду, слава богу, тьма
Ещё вокруг вещей, лежащих плохо,
Берите и тащите в закрома,
А волноваться предоставьте лохам.

Им, говорят, не позволяет честь
До посиненья пить и жрать от пуза.
Наверное, и совесть где-то есть,
Но умному она всегда обуза.

Пусть барабанят, чёрт бы их побрал,
Завидуют же бедолаги втайне.
Да я и сам бы что-нибудь украл,
Когда бы не издержки воспитанья.

Поэты

*Известно, что работа любит
дураков.*

Эльдар Рязанов

У поэтов не бывает выходных,
Как у дворников, врачей и инженеров,
День и ночь не прерывается у них
Трудовой процесс в извилинах и нервах.

То какое-то сверхслово озарит,
То по коже пробежит волна вибраций,
И пойдут они шедеврами сорить,
И опять за ними некому прибратъся.

Так из года в год и протекает жизнь,
Застревая в исключительных моментах,
Под обстрелами дешёвых укоризн
И дождями дорогих аплодисментов.

К сожаленью или к счастью, знают все,
Что реальность далеко не поэтична,
А поэты не уходят на совсем,
Чтоб когда-нибудь их космосы постичь нам.

Из теснин земных однажды выйдя вон,
Где бы ни было, в Элладе ли Шумере,
Неуёмные в порыве трудовом,
Стихотворцы никогда не знали меры.

Зачисляемые часто в чудаки,
Мастера пера не пашут, а пахают,
До последней отшлифованной строки,
Потому что за работой отдыхают.

Со мной сила

*Кто не жалеет о распаде
Советского Союза, у того нет сердца.
А кто хочет его восстановления
в прежнем виде, у того нет головы.
Владимир Путин*

Со мной, друзья, такая сила,
Что сам себя порой боюсь.
Вдруг захочу – и из могилы
Советский воскрешу Союз.

Верну студенческое лето
И мы, лохматые, в клешах,
В районе университета
Пересечёмся, не спеша.

Похерим интересы наций,
С удачей перейдём на ты
И «Яблочным» по рубль-семнадцать
Нахлещемся до тошноты.

Да так потом закуралесим
По дискотекам, что атас!
А как же по-другому, если
Потехе время, делу час?

На небе солнце золотое,
Под небом золотые мы.
Пускай вокруг все за и стоя,
А нам не гоже жить взаимы.

Нас не волнует изначально,
Кто там не прав и кто не лев,

Читаем только гениальных
И любим только королев.

Когда же перестройка грянет,
Я снова силу напрягу
И от нашествия пираний
СССР уберегу.

Ни Ельцины, ни Горбачёвы
Узду не сменят на хомут,
Капиталисты сдержат слово
И никого не лоханут.

Мы станем и мудрей, и старше,
Дождёмся внуков от детей.
А мир по-прежнему не страшен,
Спасённый силою моей.

Ни бесноватых патриотов,
Ни бешеных бородачей,
Никто за крымский полуостров
Не заикнётся даже: «Чей?»

Стоит опять моя держава,
Не обратившаяся в прах.
Не обескровлена, не ржава,
Крепка на всех своих столпах.

И мы, счастливые потомки
Романтиков-большевиков,
Вращаемся в людском потоке,
Иных не ведая оков.

То встретимся за дачным пловом,
То улетим на Иссык-Куль,
Все живы, молоды, здоровы,
Свободы- море, денег – куль.

Вот это, понимаю, сила!
От наших с нею перспектив
Приятно глазу, сердцу мило
И всё возвышеннее стих.

Давайте ж чаще улыбаться,
Подруги и друзья мои.
Всё будет хорошо, и баста!
Киргизия не Сомали.

И не подвергнуться распилю
Мной нажитому багажу.
Готовьтесь, подключаю силу.
А может, лучше погожу?

Старинные друзья

*Душа, не стремись к вечной жизни,
но постарайся исчерпать то,
что возможно.*

Пиндар

Не наглядеться мне, не наглядеться
На вас, мои старинные друзья,
И с голодом неутолимым сердца
Поделать ничего уже нельзя.

Я пью за вас, расплёскивая рифмы,
Солирую, чтоб дар мой не зачах,
А на просоленном гитарном грифе
Танцует ангел в солнечных лучах.

Какие б мы друг другу ни давали
Уроки беспощадные порой,
Теперь уже расстанемся едва ли,
Ну разве что за гранью роковой.

Пока же ищем и находим повод
Увидеться, коль ноги на ходу,
Всегда понятливые с полуслова,
У праздника идём на поводу.

Щепотку свежих новостей под пиво,
И к дьяволу сомнительный престиж,
Ведь жить по-настоящему красиво
Сегодня никому не запретишь.

А что ещё отмерено и сколько
Судьбой, о том познания скромны
У нас, у ослепительных осколков
Великой приснопамятной страны.

Марина КРУСТКАЛН

ДО УТРА МЫ С ДОЖДЕМ ГОВОРИЛИ...

Новые стихи

Есть мудрость в тишине задумчивых осин,
В молчании аллей и в осени туманной,
Когда бредешь один, и будто не один,
И будто дух летит, свободный, безымянный
Над полем, над рекой и над лесною чащей,
Где осень приготовила себе уже постель;
Плывешь, летишь один, в молчании безгласном
В седом тумане дня, в безмолвии полей
И тихо говоришь с листвой, с лесными травами,
До времени отдавшими нектар и силы дня,
Глядишь в речную гладь
И на закат угасший,
В природе растворив все чувства и себя.
И счастье легкой дымкой струится вдоль оврагов
И обвивает вдруг неслышной пеленой,
И в сердце растворяется вечерним ароматом
В спокойствии берез, бормочущих листвой.

Я хочу представить поле,
Когда там меня не будет.
Я хочу догнать тот парус,
Что гуляет по волнам.
Я хочу понять, что ветер
По ночам в степи учует,

И о чем поют березы
Полевым цветам.

Я хочу уснуть ромашкой
На волнах в часы прилива.
Я хочу уснуть ракушкой
В полдень на морском песке.
Я хочу забыть, что значит
Притаиться терпеливо.
Я хочу догнать тот ветер,
Что присвистнул мне.

Ощутить, как летом эхо
По ущелью пролетело
И как каждая травинка
Встрепенулась вдруг;
Ощутить всем сердцем,
И душой, и телом,
Как легко, как беззаботно,
Как светло вокруг!

Кто сказал, что невозможно,
Не бывает чуда?
Я хочу по ветру в поле
Унести в рассвет!
И узнать свободу,
И любовь, и волю,
И на каждый вздох свой
Получать ответ!

Мокрые, остывшие мосты...
Тихие и тонкие мечты...
Низкая бездонная печаль...
Темная и огневая даль...

Давит все внутри от тишины.
Дремлют ярко-ликие листья.
Сердце отбивает шаг в такт...
Капелька с небес на землю: «Кап!»

Капелька, вторая - и ручьи!
Облако раскинуло лучи,
Капли вдоль по ним на землю: «Кап!»
Шумно и уже почти не в такт!

И по самым смелым мостовым,
Вдоль по тротуарам дождевым
Мокрыми ботинками: «Стук-стук!»
Сердце отбивает неба звук.
Плачут и бульвары, и мосты,
И деревья, травы и кусты...
Омывает сердце дождик вновь,
Порождая смелость и любовь.

С неба тихо падают листья
И ложатся ковром желто-красным.
Тучи ровно плывут и так низко,
Что, казалось, проткнешь их указкой.

На столе гряда листьев бумаги,
А кругом - все обрывки из мыслей.
Никогда мы всех мыслей не скажем.
Только тучи плывут очень низко...

Только хочется в небо ворваться
Или спрятаться в груди тех листьев...
А порой - просто так разрыдаться,
Пробежав мимо мыслей всех быстро.

А порой - просто тихо исчезнуть,
Испариться и стать невидимым,
Пролететь мимо крыш легкокрылых
И упасть, словно листик, на землю.

Он вернулся - весенний дождь,
Он накрыл покрывалом ночь.

Шепчет он и шуршит, и шумит,
И ручьями по крышам бежит.
Он вернулся, такой родной!
Обогнул за год шар земной,
Повстречался в пути с зимой
И пришел в объятиях с весной...

Он вернулся. Стучит в тишине...
Я не смею вздохнуть в темноте.
Только шелест по крышам слышен...
Дождь крадется все ближе, ближе.
Он неслышно заходит в дом,
Вскользнул занавески в нем,
Тонкой струйкой струится вниз
Вдоль по стеклам ко мне на карниз.

Я его не пугаю - ловлю.
Я его как родного люблю.
Я люблю в ночной тишине
Слушать песню его о весне.
В этой песне есть радость и грусть
В этой песне есть слово «вернусь»
В этой песне есть запах сосны,
Запах теплой и ранней весны.

До утра мы с дождем говорим,
До утра мы в окна стучим.
Я дождю расскажу о себе,
О своей необычной зиме,
Помолчим и дружно вздохнем,
И заснем на рассвете вдвоем.

Я ищу так тщетно себя
По обочинам общей дороги.
Озираясь робко в тревоге,
Продолжаю бежать, любя.
Продолжаю искать вдохновенья,
В исступленье марая листы...
И чужие читая творенья,
На свои я смотрю с высоты.
Я так тщетно пишу о чем-то,

Так легко подбирая слова...
Как малюсенькая пчелка
Одолеть бы весь луг не смогла!
Я смотрю, я пишу, я стараюсь!
Я молчу, тишину ловя...
И куда я бегу - не знаю,
И не знаю, где встречу себя...

Эпос «Манас»

в варианте сказителя Жусупа Мамай

Отрывок из главы «Великолепие поминок»

(даётся в сокращении)

... Великан Оронгу¹, кангай,
Был по духу кара-кытай,
Эсенкан ему целый край
В управление дал Сарай.
Лёжа царствовал, на боку,
Преогромнейший Оронгу.
Но когда сказал Нескара:
“Показать нам себя пора,
Эсенкан не пришёл, ты здесь
Ходишь, важничая; поешь,
Что ли, только явился? Снесть,
Как яйцо золотое, весть
Должен ты о победе – честь
Отстоять и свой вклад привнести
В наше дело: мол, каждый знай:
Всех сильнее кангай и кытай!” –
Латы тотчас надел батыр –
Ни прорех не найдёшь, ни дыр,
Весь в железе, внизу – буулум²,
Так надут, что не важен ум;
Руки-ноги – стволы чинар,
Сам огромен, горбат, как нар,
Из ноздрей его валит пар,
Губы, будто держа удар,
Вверх и вниз раздались мешком,
Куда сунули тряпок ком;
Словно чёрный атан на свет
Сонно смотрит; дыханью вслед,
Словно женские две груди,
Щёки зыблются впереди,

¹ Оронгу - во всех вариантах «Манаса» встречается как женщина и выходит на игру “төө чечмей”. А в этом выходит на борьбу и состязается с Кошоем. Описывает Жусуп Мамай как мужчину, силача.

² Буулум - 1. Название дорогой материи. 2. Одежда из дорогой материи.

Как у тана¹, что маток двух
Всё сосал, пока был в них дух...
Страшен был человек-гора,
Весь народ на него с утра
Удивлялся, когда же он
Вдруг поднялся, так даже звон
Померещился всем в ушах,
Вызывая внезапный страх:
Рук огромных его размах
Повалил шатёр вгорячах;
Всех батыров, что здесь толклись,
Не сравнить с Оронгу, мол, мысль
Всю толпу обошла в момент,
Как грядущий росток легенд.
...Лев Манас, силачей крича,
Тоже чуть не разнёс сплеча
И шатры, и столбы, – пока
Кой-кому не намял бока.
А Кошою затем изрёк:
“Абаке, кто из них бы смог
В бой с горою вступить? Жесток
Наш противник, и видит Бог,
Как уверен в себе! Где тот,
Кто, сражаясь с ним, верх возьмёт?
Абаке, присмотришь ко всем,
Кто из них станет явно тем,
Что сразится с такой горой
И потешит народ игрой,
А не с первых минут собой
Лишь пожертвует на убой.
Кто годится – держи, зови,
Обольщай его, как в любви!”
...Когда так кабылан сказал,
Воедино Кошой связал
Свои мысли и льва наказ,
И решил он на этот раз
Выбрать сам силача из всех,
Что своим принесёт успех.
Толкумана, его коня,
Что со скачек сего лишь дня
Возвернулся, призвал старик –

¹ Тана – бычок (телка) по второму году.

Он на нём управлять привык;
Величав и седобород
Подпирая небесный свод,
Важно сел на своём гнедом,
Мыслью только одной ведом:
Кто победой прославит род,
Кто алашей не подведёт?
Шесть десятков борцов с лихвой
Строем встали перед абой,
Каждый был молодец, герой,
Но... Увы, не сравним с горой,
Что, пуская слюну и пар,
Ждал, кому отпустить удар.
Нескара со смешком вещал,
Что бурут, мол, так отощал,
Что героев не видит он.
Оскорбляя со всех сторон,
Так, с издёвкой, спросил он вдруг:
“Вижу, вижу – и Эр Тёштук
Уж готов показать себя!
Да, наверно, и ваш аба
Тебя выберет... Ты пойдёшь?
За тебя не поставлю грош!”
“Если скажет аба – пойду.
Я семь лет воевал в аду,
Под землёй, день и ночь – без сна,
Честь свою отстояв сполна:
Семь десятков сразил врагов,
Великанов, и вновь готов
Без опоры, один, как есть,
Защитить всех кыргызов честь!
Лишь полгода тому назад
Я покинул подземный ад,
Крови в жилах моих – впритык
Взять единожды на язык,
Моё мясо всё – көк жашык¹,
Помясистей меня калмык...
Я пойду! Но скажи: смогу
Победить в бою Оронгу?..”
Покачал головой аба:

¹ Көк - зелёный, незрелый.

Жашык - нежирный (о мясе); тощий, исхудалый.

“Да, натура твоя слаба,
Я так думаю: не судьба –
В этот раз для тебя борьба!”
Сам отправился к Кёкбору.
Сын Айкана хотел в игру
Поначалу вступить, но лишь
Великана узрел, как мышь
Затаился, притих. Крепыш
Трусом не был – не за барыш
Был отважен, но только он
Был недавно в плечо сражён.
У него и спросил Кошой:
“Выйдешь драться, сынок? Большой
И жестокий противник, но...”
Кёкбору отвечал смурно:
“Ты не гневайся, карья¹,
О, конечно бы, вышел я
И боролся бы горячо,
Да вот сломанное плечо...
Говорят, этот свин жесток,
В том, как мучить, он знает толк.
Не взыщи, я бы вряд ли смог
Дать кангайской свинье урок!
Опозорю лишь весь наш род,
Что мне скажет тогда народ?”
Что ж, расстроился вновь аба,
Но сказал ему: “Не судьба!
Не тебе Кыркындуу-хребет
Перейти без огранки² лет”.
Сам задумался на ходу:
“Неужели я не найду
И доставить в стан не смогу
Силача сильнее Оронгу?
Вот Айбай – богатырь, но он
Лет семнадцати... В бой – с пелён?”
Но к Акбаю пошёл; силач
Был не тёртый, увы, калач,
Как противник его, но он
Ловок, быстр и к тому ж умён.
“Выйдешь, сын?” – у него спросил.

¹ Карья – старик, старейшина.

² Игра слов: кыр – хребет, перевал; кырдуу – имеющий грани, ограниченный.

“Скажешь – выйду; достанет сил –
То свалю Оронгу, а нет...
Ну, на “нет” никакой ответ.
Молодая я слишком ветвь.
Коль сломаюсь, то белый свет
Без меня будет тем же, – след
Не успел я оставить, дед!
Два түлөк¹ не прожил я,
За меня – лишь моя семья”.

И ответил Кошой-старик:
“Будешь, время придёт, велик,
Ты, Акбай, уже крепок так,
Как в лесу молодой дубняк.
Подождёт ещё злобный враг.
Подрастает пусть молодняк!..”

Думой горькой своей объят,
Возвращался Кошой назад,
Страсти, думая, там кипят,
Что и пышности аша рад
Только тот, кто попить-поесть
Вознамерился сытно здесь...
... Только прибыл Кошой, тотчас
Обратился к нему Манас:
“Абаке, дорогой, полдня
Ты выгуливаешь коня;
Где силач, что готов на бой?
Или ты порешил собой
Брешь на этом заткнуть кругу,
Всех отвергнув, как мелюзгу?
Спорить, право, я не могу:
Вы ровесники с Оронгу...
Я уж думал: мол, мне пойти?
Пешим бой не смогу вести:
Никогда не сражался так,
Не готов я для пеших драк.
Ты же, мой абаке родной,
Этот – сотый иль больше, – бой
Сможешь так, как всегда, провесть,
Отстояв всех алашей честь!”

После слов кабылана дед
Мог подумать лишь: “Не одет

¹ Түлөк - (о ловчих птицах) уже линявший; в возрасте старше года.

Я для боя такого, бед
Лишь прибавлю текущим вслед”.
Но сказать “не пойду” не смел,
Долго мялся, бледнел, краснел,
Наконец-то признался: “Тигр!
Я одет не для этих игр, –
Сивогривый мой, – болгары¹
На штанах-то не для игры:
Шиты верной женой, она
И стара, и уже больна,
Слабый шов у неё, мездру
Мнёт, и брюки из күдөрү²
Шьёт она мне... Согнусь – в дыру
Всё ведь вывалю... я умру
От стыда, а честной народ
Весь от хохота тож умрёт...
И ещё: моя кожа вся,
С чем живу я, всю жизнь нося,
Так скрипит при движеньях! Треск
Распугает людей окрест;
Может, кто-нибудь из чоро
Сможет сделать аба добро:
Помассирует да помнёт,
Вдруг пугающий скрип пройдёт!
Заодно и прострел они
Разомнут – как в былые дни
Разминала меня жена,
Только выдохлась вся она.
Вот проблемы мои, сынок,
Если б кто-нибудь в них помог,
Я тогда бы, наверно, смог
Преподасть Оронгу урок.
Если он мне промнёт прострел,
Ты гляди, чтобы я успел
Уложить его, чтобы он
Не вогнал меня в сладкий сон:
Кости старые если мнут –
Сон приходит за пять минут,
Удовольствие коль калмык
Мне доставит, гляди: я вмиг

¹ Булгары – выделанная шкура животного, натуральная кожа.

² Күдөрү – замша, кожа очень мягкой выделки.

Засоплю, и ногами вверх
Он взметнёт на глазах у всех
Старика, что забыв про страх
Спать затеял с дырой в штанах...
Разбуди! Но твой крик, увы,
Не дойдёт ведь до головы,
Коль воткнёт её в землю враг;
А давай сговоримся так:
Если вдруг я впаду в столбняк,
Как набитый трухой тюфяк,
Ты возьми-ка, сынок, копьё
И в достоинство ткии моё,
Я очнусь... Да, моим копьём
Ты разбудишь меня живьём,
При ударе учти мой вес, –
Вот аба твоего керээз¹...”
...Слыша чёткий такой наказ,
Призадумался тут Манас,
О жаргаке² вдруг вспомнил тигр,
Что пошила жена для игр.
Приказал он Ажы: “Найди
Те штаны, что жена в пути
Нам велела переодеть,
Чтобы в игрищах преуспеть!”
Одну пару принёс Ажы
И Манасу отдал: “Держи!”
Кабылан посмотрел на них –
Хороши! Даже сам притих,
Отдавая аба штаны, –
Лишь бы впору пришлись они!
И Кошою они на взгляд
Приглянулись: и цвет, и лад,
И на ощупь крепки, и шов,
Видно, выдержать всё готов;
Надевать их он начал... Ух! –
Снова радостный взор потух:
Не пустило бедро штаны,
Хоть хватало внизу длины.
Повернулся Манас к своим:

¹ Керээз - завещание, предсмертное наставление.

² Жаргак - выделанная и очищенная от шерсти шкура животного;
жаргак шым – кожаные штаны.

“Позовите ко мне айым!”
...Поскакали чоро к шатру,
Где прекрасная поутру
Вместе с челядью всей своей
Отдыхала их Каныкей.
Взгляд бросая из-под бровей,
Ждал Манас, становясь всё злей.
Каныкей же как пава шла:
Словно белые два крыла
Рукава колыхались в такт
Величавому шагу, – так
Только лебедь в воде плывёт.
Любовался вокруг народ.
Чтоб не сглазили – белый плат
Прикрывал ей лицо и взгляд:
Ведь мужчина любой не свят,
Облизнуться на женщин рад.
Не пришла бы она сюда,
Но примчались чоро: “Беда!
Мы исполнить должны приказ:
Зол Манас и послал он нас,
Привести побыстрее Вас!”
...Лишь пришла она, лев вскричал:
“Кто-то, помнится, обещал
В дар такие нам сшить штаны,
Что герою в бою годны!
А на деле? – какой позор!
Не одет аба до сих пор!..”
Каныкей не дала ему
Досказать: мол, не по уму
Говорить о штанах тому,
Кто главнее других в дому.
Речь сама начала она:
“В том, конечно, моя вина,
Что, всё зная вперёд про аш
И про то, что штаны отдашь
Великану Кошою ты,
Не сказала от суеты
То, что в швы у штанов запас
Я оставила; если вас
Рядом ставить с аба, поверь,
В бёдрах уже ведь ты... Теперь

Надо выдернуть только нить,
Что скрепляет края, – явить
Мой подарок во всей красе...
Так бы споры решались все!
Он под вышивкой спрятан, шов.
Ну-ка, мой кабылан, готов? –
Растяни да встряхни штаны,
Сделай нужной их ширины!”
Как бизон кабылан был зол,
Но поскольку Кошой был гол,
То пришлось за штаны опять
Ему браться, а не ругать...
И, о чудо! – без треска вдруг
Растянулись штаны! Вокруг
Столько охов возникло, рук,
Чтоб пощупать... От всех потуг
Сам Кошой защитил штаны,
Сам надел их – и ширины,
И длины были в самый раз!
Удивлялся стоял Манас,
И Бакай подошёл – глазаст
Олуя был, и в этот раз
Первым смог разглядеть слезу
На глазах Каныкей... Грозу
Он решил разрядить: быстрее
Улыбнулся он Каныкей,
Подошёл, поклонился ей.
“Сколько жён у тебя, Манас? –
Он спросил, не спуская глаз
С молодого лица Каныш. –
Отвечай, почему молчишь?”
“Как сказать... Из калчи одна,
Из калмыков ещё жена,
Из Букара – Каныш, она...
Три! Но в общем, одна жена:
Та, что сшила штаны аба;
Половинка моя, судьба...”
...Улыбнулся жене Манас
И ребятам отдал приказ:
“Алыбай сын Кулдура, брат –
Да, Серек, – Кутунай, стократ
Помассируйте все втроём

Вы аба; чтобы он живьём
Вышел в бой с этим бугаём –
Как его? – Оронгу? – ну да,
Чтоб Кошою ни ломота,
Ни какая ещё тцета
Не сломали бы вдруг хребта!”
“О, ребята, пришли помять?” –
Рад донельзя был алп, лежать
Только мог он от болей всех,
Уж какой тут в борьбе успех!
Лёг ничком на живот скорей:
“О, ломайте меня сильней!”
Шесть ладоней больших парней
Стали мять его, но – “Сильней!
Ах, да вашу тудыть сюда,
Мните крепче, ногами, да!..”
Друг на друга взглянув, чоро
Крепче мять стали, коль добро
Дал аба, своим весом всем
Налегли они и совсем
Стали просто его топтать –
Мол, с прострелом не совладать,
Застарелый уже, видать,
И спина – словно степь да гать...
“Не батыры, а комары!
Вас позвали не для игры,
Что порхаете? – у горы
Разве может её бугры
Насекомых разгладить пляс?
Ну, кого мне прислал Манас?!.” –
Так ругался, кряхтя, старик.
Ажыбай подошёл, Мажик,
Впятером его стали мять,
И простукивать, и топтать.
...Нескара это видел, он
Был злоречием одарён,
Поспешил он к Манасу, чтоб
Посмеяться над старцем в лоб:
“Ах, Манас, про тебя – мол, жлоб, –
Говорила молва взahlёб,
Я не верил, но вижу вдруг:
Хоть Кошой тебе вроде друг,

Ты послал молодцов аж пять
Старика поломать, стоптать,
Чтобы ветошью нам отдать
То, что было батыром вспять...”
С места встал, услышав, Кошой,
Злостью дышащий весь, большой,
Смело двинулся к Оронгу,
Подпоясываясь на бегу.
Тот встречал его бранью: “Что ж,
Долечил ты коленей дрожь?..”
...Яд сочился из языка
У бранящегося врага,
Но Кошой не любил долгов
И ответить он был готов:
“Ты, пугая, испуган сам!
Как героем ты стал, пацан?
Были равными в тридцать лет
Мы с тобой, никаких побед,
Правда, я не видал твоих:
Толст ты был, неуклюж и тих.
...Помню, – шесть или меньше раз
Небо в схватках сводило нас,
Разве мог ты быть равным мне?
Я смеялся вослед спине –
Да, твоей, убежал ты так,
Что от хохота падал враг.
А в Нарыне в былые дни
Ты забыл, как наклал в штаны?
Как вопил ты, упав с коня?
О пощаде молил меня,
Выползая из грязи? – ты
В князи метил... И лишь мечты
Вдруг сбылись твои, ханом став,
Честь калмыкам свою отдав,
Ты, с пелён неуклюжий, всё
Забываешь, как келесо!..”
Оронгу тут стерпеть не смог:
Очи выпучив, жабой вскок
Резко выпрыгнул к олуя, –
Видно, прямо под хвост шлея
Залетела ему; схватил

Он Кошоя, тот не спустил:
Изо всех богатырских сил
Руки этих больших верзил
Так друг друга давили! Грудь
С грудью тоже схватились – муть
Поднималась вокруг с земли,
У обоих в неё ушли
Ноги, словно стволы дерев;
Великаны, сперва присев,
В грозном рыке распялив зев,
Ввысь друг друга броском витым
Так бросали! – бута атым¹
Пролетать приходилось им,
Пар валил из ноздрей, и дым
Окружал ореолом их;
Рвали, встряхивали, под дых
Норовили заехать так,
Что всех рёбер трещал костяк;
Поясницы скрипели, в них,
Словно клещи, ручищи их
Впились намертво, замерев:
Так, с бизоном схватившись, лев
Застывает в той схватке злой...
День был съеден ночью мглой,
А борцы всё стоят скалой,
Как стреноженные землёй,
Только пот, что ручьями тёк,
Говорил, как их бой жесток,
Просто силы равны – не смог
Ни один победить игрок.
Старость, пусть она и храбра,
Да недолга её пора:
Пламя свечки, что до утра
Разворачивало веера,
Чтобы за ночь сгореть дотла
Жертвой натиску тьмы и зла.
...Впрочем, храбрый аба Кошой
Не сгорел до конца, и бой
Для него был не кончен – он
Очень крепко держал заслон
Злобным натискам Оронгу,

¹ Бута атым - расстояние полёта стрелы.

Хоть упорством сродни быку
Оказался ленивый хан:
Не гора, а уже бархан –
Так растёкся в борьбе балбан,
Алчной злобою обуян, –
Обнимал он Кошоя так,
Что и пукнуть не мог бедняк!
Всё же голос Кошоя люд
Слышал изредка, тяжкий спуд
Он пытался с себя стряхнуть,
Чтоб могла хоть немного грудь
Отдохнуть и хотя б чуть-чуть
Не вонючей ночи вдохнуть.
Были люди потрясены
Долгим боем – смогли б они
Так бороться – не день, а дни
Нескончаемой западни?
Лишь при взгляде на этих двух
Очевидцев томился дух,
Выступала в глазах слеза,
Но прервать-то, увы, нельзя:
Поединков таких стезя –
Биться насмерть, не тормоза.
Тело к телу – плотней, больней...
Мышцы рвутся, но злость сильней
Лишь взбухает в верёвках вен,
Грохот связок из-под колен –
Словно ружей смертельный залп...
Не сдаётся всё ж алпу алп:
Сдёрнул каждый с врага бы скальп,
Только руки как сколы скал
Влипли в пояс, в костяк хребта...
Показалась уже вода
Из-под рытвин земли, что вдрызг
Раздробилась до чёрных брызг,
То ль от пота, а то ль от зла
На болото, на нет сошла,
Травы стали трухою вдруг,
Обозначен был гиблый круг
Этой страшной большой борьбы –
Знак провала одной судьбы,

И победы – судьбы другой.
...Тряс серебряной бородой,
Чтобы сон разогнать Кошой:
Застарелый его прострел
Так калмык Оронгу сумел
Сжать ручищами, что хрустеть
Перестал он уже на треть
И покой снизошёл к аба,
И сонливость пришла... Судьба
Испытанье покоем вдруг
Привнесла ему в чёrtов круг;
Он таращил глаза, но сон,
Подступая со всех сторон,
Взял за глотку, и абаке
Поздним утром затих в рывке
И в покое уснул... Калмык,
Лишь почувствовав, что пониК
Враг в объятых его, рывком
Поднял кверху его, как ком
Заскорузлой сырой земли.
Это видел Жолой – вдали
Наблюдал он исход борьбы,
Смерть желая узреть абы,
Нескара с Конурбаем тож
Наблюдали, мечтая нож
Против правил воткнуть в абу,
Чтоб ускорить самим судьбу;
Нож не нож, но валун, как дом,
Поднял быстро Жолой, притом
Нескара и Конур с земли
Приподнять его помогли,
В круг вкатили, чтоб им абу
Вмиг прикончить, и с ним – борьбу.
Им навстречу и Оронгу
Потащил старика: губу
Раскатали все трое вмиг –
Нет героя, и нет улиК.
...Вспомнил в этот момент Манас,
Как просил олуя, чтоб спас
Он абу своего, коль в сон
Уплывёт поразмятый он.
Чёрный конь Калкаман под ним

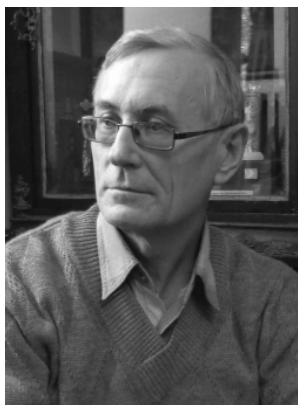
Взвился, высек огонь и дым –
Так его кабылан хлестнул,
Весь в тревоге: а вдруг уснул?!
Доскакал, закричал: “Ко-ошой!”
Алп, расставшись почти с душой,
Спал, как маленькое дитя –
С удовольствием спал, кряхтя;
Чтоб его разбудить, батыр
Взяв его же копьё, как в сыр,
В ляжку старца вонзил, в ту часть,
Что для розог растят, учась;
Мускул даже рассёк, но вмиг
Оба глаза раскрыл старик,
И валун, что к нему катил
Нескара, он что было сил
Оттолкнул; и от боли смог
В раж войти и в один рывок
Встал на ноги, стряхнув с себя
Оронгу и, его губя,
Поднял к небу и бросил вниз...
Хоть и в возрасте был кыргыз –
Уж за семьдесят с гаком лет,
Но, стряхнувший десятки лет
За короткий спокойный сон,
Стал сильнее калмыка он, –
О треклятый валун башкой
Так ударил врага Кошой,
Что всего изломал, ногой
Он заехал в чыкый¹ тугой:
Перепрыгнув, спешил он прочь,
Чтобы ране своей помочь:
Кровь хлестала ведь из бедра,
Словно ливень – как из ведра.
...Приз достался Кошою, он
Так глаголил борьбе вдогон:
“Мне ведь семьдесят... чуть не пять,
А сумел Оронгу опять
Я свалить – как не раз уже;
Даже жалость к нему в душе
Нынче чувствую, и призы...
Взял их несколько – за часы

1 Чыкый - место соединения затылочной и височной костей.

До борьбы: подарил штаны
Мне Манас, хороши они –
И крепки, и такой длины,
Как мне были всегда нужны!
Приз второй получил в бою:
Мой прострел, всю болезнь мою,
Так прекрасно промял калмык,
Что теперь я и не старик,
А совсем молодой герой,
И хожу-то теперь прямой,
Вызывай-ка меня любой,
Кто захочет опять, на бой!..” –
Так шутил и смеялся он.
С тем оставим его. На трон
Пусть сажает абу народ.
Сказ же дальше идёт, вперёд...

Перевод Светланы Сусловой

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КАМЫШЕВ

ЗАНЯТНЫЕ ИСТОРИИ

Тур к Туру

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*
Ф. И. Тютчев

О Михаиле Федоровиче Туре нам рассказал знакомый, сообщив, что он человек довольно известный, профессиональный художник, учитель по труду, рисованию и черчению, увлекается археологией и может нам помочь. В то лето мы с молодым аспирантом Асаном собирали материал для своих кандидатских диссертаций и в надежде разжиться артефактами по раннесредневековой нумизматике и торевтике присоединились к таласскому археологическому отряду. Нам вменялось в обязанность описать современное состояние городищ и, если повезет, собрать подъемный материал. Если повезет! Уже с первого дня нас ожидали сплошные разочарования. Неделя пролетела в безрезультатных поисках. Оставалось осмотреть только затопленное Кировским водохранилищем городище Садыр-Курган, отождествляемое учеными с крупным средневековым городом металлургов Шельджи. Хотя основную надежду мы возлагали на местного учителя Михаила Федоровича, собравшего огромную коллекцию средневековых реликвий в школьном музее.

Отыскать дом художника не составило большого труда, в его палисаднике на мощном постаменте красовалась бетон-

ная статуя Манаса, окрашенная охрой. Былинный богатырь, словно дозорный на посту, с высоты своего четырехметрового роста разглядывал из-под десницы, простирающееся за селом водохранилище. Вторая рука богатыря лежала на голове дракона, прижавшегося к бедру Манаса, как ласковая собачонка. Пока мы любовались монументом, вышел хозяин, высокий крупный мужчина пенсионного возраста. Мы представились.

— Наконец хоть кто-то заинтересовался нашим городищем, а то обидно, такой богатый исторический памятник, а со стороны ученых ноль внимания! — обрадовался он.

Дальнейшее знакомство велось за столом, заставленным овощами с огорода и украшенным бутылью домашнего вина. Солировал Михаил Федорович:

— Все началось с обычной находки. Гуляя по берегу нашего рукотворного моря, я нашел изящный кувшин, ставший моим талисманом. Вот тогда я и понял, что кто-то должен спасти эти древние шедевры. Поначалу ходил один, а потом стал привлекать учеников. Уже через пару лет материала накопилось достаточно для открытия школьного музея. Все места находок фиксировались, а древности зарисовывались. С учениками я расчистил и описал более пятидесяти размытых катакомбных захоронений античных времен. Целую папку с результатами исследований отдал в Академию наук для публикации, а массивные золотые серьги и другие ценные украшения передал в Исторический музей.

— Я что-то не слышал о находках золота в таласских катакомбах, — удивился Асан.

— А че об этом трубить? Музейщики тоже предлагали журналистам интервью дать, да я отказался. Зачем создавать ненужный ажиотаж? Понаедут с города, да и местные начнут по катакомбам шарить, золото искать, а так я всем говорю, что собираю кувшины для музея. Раньше рыбаки разбивали их прямо на берегу, тоже, наверное, сокровища искали или тащили домой. А я своим ученикам такую байку запустил, что нельзя у себя хранить кувшины с городища. Заклятье на них наложено, беды потом не оберешься. Вроде поверили. Теперь мне кувшины несут, уже в школьном музее все полки заставлены, и дома целая кладовая.

— Брать посуду с городищ — точно к несчастью, — прервал учителя Асан, заметно осмелевший после второго тоста. — Спросите у Александра Михайловича, моего преподавателя, как он пострадал из-за караханидской чаши.

Пришлось мне поведать о своем злосудии:

– Заехали мы позавчера на городище Ак-Тобе-Таласское, а оно почти на треть покрыто свежесрытыми могильными холмиками. Свободной от захоронений оставалась лишь цитадель, но её уже со всех сторон изгрызли зубья экскаватора, а вершину разделила пополам вырытая бульдозером траншея. От безысходности я предложил Асану обойти кладбище:

– Где-то я слышал, что брать вещи из погребальной ямы местное население опасается, якобы они приносят всевозможные беды, и потому их выставляют прямо на могилах.

Он прикалывается:

– Мол, кары небесной не боитесь?

А я ему:

– На археологов это заклятье не распространяется. Что недозволено быку, то позволительно Юпитеру.

Действительно, на одной из могил стояла великолепной сохранности чаша с изящной ручкой, подкрашенная зеленой поливой. Мимоходом я прихватил её, но не успел сделать и десяток шагов, как меня облепили осы. Чем больше я махал руками, в которых держал чашу, тем яростней они нападали. Только после нескольких укусов я догадался, что осиное гнездо располагается внутри средневекового артефакта.

Посмеявшись над моей напастью, Тур спросил:

– А знаете, почему на актобенской цитадели бульдозер канаву вырыл? В советское время дети из ближайшего пионерлагеря на бугре искали клад под руководством вожатой. Вот такая бредовая педагогическая идея приобщать детей к археологии.

– Михаил Федорович, хотел вас спросить, скульптуру Манаса вам кто-то заказал? – Асан пододвинул свой стакан для очередного наполнения.

– Вылепил его я, как говорится, для души, чтобы не утратить профессиональных навыков, мечтаю поставить на высоком берегу для охраны древнего городища. А если честно. Хотел я своего Манаса на видеокассету снять да послать на российскую передачу «Сам себе режиссер» в рубрику «А вам слабо?», а потом, подумав, решил, что суета всё это.

Михаил Федорович глубоко вздохнул и сменил тему:

– Завтра обратите внимание на камень в центре городища, на нем выбита какая-то надпись. Он лежит рядом с фундаментами квартала застройки. Рядом волны вымывают обломки керамики караханидского времени. Камень доступен

для осмотра не каждый год, но вам повезло. Сфотографируйте надпись, интересно было бы её перевести. Я отдавал прорисовку в Институт истории, но ответа от них не получил. Хочется узнать, что там написано.

– Нет проблем, у меня есть московский друг-полиглот, думаю, он сможет помочь, – пообещал я.

– Только камень надо отмыть от ила, а то надпись не увидишь, – давал наставления учитель.

Следующий день мы провели на Садыр-Кургане. Михаил Федорович с нами не пошел, сославшись на больные ноги. В результате интенсивного сброса воды на полив садов и полей соседнего Казахстана река Талас отступила в свое древнее русло, открыв на берегах водохранилища целые кварталы средневековых построек. Еще в те времена один из высоких холмов горожане превратили в погребальное сооружение, испещрив его катакомбами. За тысячелетие в этом пантеоне нашли последнее пристанище древние металлурги и жители Шельджи. Прибой размыл старые могилы, усыпав человеческими костями весь плес.

Выбрав еще не полностью разрушенную катакомбу, Асан начал зачищать костяк, а я, вооружившись ведром и тряпкой, принялся отмывать валун от ила.

Выступающая на поверхность часть камня объемом более кубометра напоминала двускатную крышу, на одной из плоскостей проглядывали крупная надпись и какие-то кольцеобразные символы. Вверху проявился тамга в форме трезубца. На второй плоскости, кроме непонятных знаков, хорошо выделялась стрелка, видимо, когда-то указывающая направление. Возню вокруг камня заметили два молодых рыбака, один даже вызвался помочь, бегая с ведром за водой.

Мы разговорились, я поведал им о цели нашей поездки и вкратце рассказал историю древнего города.

– Интересно, что означает эта надпись, – поинтересовался тот, что постарше. – Может, она указывает, где клад спрятан?

Признаться, что я профан в эпиграфике, как-то не хотелось, уж очень восторженно смотрели парни на столичного специалиста.

– Вполне возможно, – глубокомысленно заключил я.

Материала для дальнейшего исследования мы набрали достаточно: кроме камня, я описал и сфотографировал нумизматическую коллекцию Тура с редкими разновидностями

тюркских монет, ранее учеными не отмеченных. Асан расчистил пару обвалившихся катакомб, собрав изящные бронзовые бляшки тюркского пояса. Так что возвратились мы домой с чувством выполненного долга.

Через неделю мне позвонил Михаил Федорович.

– Что вы там наговорили пацанам про камень?

– Ничего, а что случилось?

– У нас тут с ним целая эпопея. Местные мужики тракторами сдернули его с места, при этом порвали два троса, а на его месте выкопали экскаватором огромный котлован.

– А мы-то тут при чем? – недоумевал я

– Болтать о кладах надо меньше, – строго отчитал меня

Тур.

Несколько дней спустя из Москвы пришло письмо с переводом надписи, высеченной на камне традиционным для X века почерком куфи: «Власть принадлежит Аллаху, и нет божества, кроме Него».

Тима Портнягинский

О Тиме в нашем поселке судачили постоянно. Мужики иногда снисходительно, а порой с нескрываемой завистью обсуждали его «дурную прыть» и огромное состояние, которое он якобы бы скопил, а женщины, обидевшиеся на своих мужей, желая им побольнее досадить, кричали на всю улицу, что уйдут жить к Тимофею.

Тимофеей из соседней деревни Портнягино слыл местным дурачком. Обделив его разумом, Бог дал ему недюжую силу. По всей округе Тима пилил и колол дрова, копал огороды, могилы, траншеи, ямы для туалетов, а иногда и колодцы, но только первые три метра. Работал Тима один, а устанавливал колодезный сруб или использовать вороток для извлечения грунта с большей глубины он не умел. Приглашали Тиму на тяжелые хозяйственные работы постоянно, кормили и платили хорошо. Грех обижать юродивого, но за общий стол не сажали, накрывали отдельно, уж очень тяжелый запах шел

от его несменяемой одежды. Злые языки нашептывали, что некоторые сердобольные бабы в тяжкие послевоенные годы брали Тиму под свою опеку, но долго вытерпеть его неумолимую мужскую энергию не могли. Интерес всей округи к нему подогрел и еще один бзик. Деньги за работу он брал только металллическими рублями. Возможно, не доверяя бумажным накоплениям, бесследно исчезающим во время денежных реформ, или монетки ему нравились больше, это не обсуждалось. Интерес вызывали сплетни, как хранил Тима свой заработок. По разговорам сельчан, он зарывал монеты в укромном месте, хотя некоторые насчитывали таких точек несколько, замечая Тимофея с лопатой в окрестных лесопосадках. Они даже прикинули примерную сумму клада, перемножив тридцать лет его трудового стажа на ежедневный заработок. Получалась стоимость автомобиля «Москвич». При этом учитывалось, что Тима никогда ничего не покупал, к спиртному не притрагивался, кормился по дворам, где работал или подаванием милосердных односельчанок. Тимины сокровища будоражили падкие до чужого добра умы. Мечтавшие отыскать его заначки оправдывали себя тем, что сам Тима, вероятно, уже и не помнит, где их припрятал.

С некоторых пор на рассказы о зарытых Тимой кладах стала накладываться легенда, связанная с этой деревенькой, построенной еще в середине XIX века. Свое название она получила от предприимчивого подрядчика Нягина, соорудившего порт на высоком лесистом берегу реки Ини, по которой он сплавлял лес в Ново-Николаевск, переименованный в советские времена в Новосибирск. Ходили слухи, что разбогатевший коммерсант хранил немалые сбережения в тайнике неподалеку от своей усадьбы. Мама вспоминала, что о старинном кладе шептались еще в довоенные времена. Как-то незаметно легендарные Нягинские сокровища и закопанные заначки Тимы сплелись в одну версию. Стали поговаривать, будто Тимофей, изрыв все вокруг, нашел старый клад и время от времени его перепрятывает.

Увидеть Тимофея мне довелось, когда я оканчивал десятый класс. В нашем совхозе проводили центральный водопровод, и от улицы до здания школы требовалось прокопать наибольшую траншею. Директор школы Михаил Андрианович, сговорившись на тридцать рублей, нанял Тиму. Мы с другом Володькой ходили смотреть на его работу. Невысокого роста, плотный, широкоплечий, в домотканой рубаше до колен, под-

вязанный пеньковой веревкой, он походил на крепостного крестьянина из учебника истории. Архаичность образу добавляли не стриженная с проседью борода и плешивый череп. Отработанные годами движения копаря напоминали действия живого автомата. Глубоко вонзая лопату в глину, только за счет силы рук, он, чуть выпрямившись, выбрасывал увесистый ком, словно пушинку. Прокопав ряд на штык лопаты, Тимофей тщательно зачищал борта и дно траншеи, как бы готовя её на показ строгой комиссии, и только потом начинал углублять свою выработку. При этом он постоянно что-то быстро и бессвязно бормотал. Праздное любопытство зевак Тиме не понравилось, и он сделал несколько бросков с глиной в нашу сторону, мы поменяли позицию, но комки полетели и туда, пришлось ретироваться от греха подальше.

С этим подрядом у директора с Тимой вышел конфуз, свидетелем которого я случайно оказался. Возможно, Тимофею плохо объяснили, или, проявив собственную инициативу, он выкопал траншею глубже, чем требовалось, и просил увеличить вознаграждение. Брать бумажные деньги он тоже не хотел, а цеплялся за Михаила Андриановича, возмущенно бормотал свои скороговорки, размахивал руками, намереваясь засыпать то, что выкопал. Я догадался о причинах Тимоино-го недовольства и влез с предложением поменять бумажные рубли на металлические. Директор с некоторым недоверием к такой затее вручил мне деньги, и я галопом помчался в совхозный магазин, где на сдачу давали новые юбилейные монеты с портретом Ленина.

При виде монет лицо Тимофея сияло, как у младенца, отыскавшего любимую игрушку. Он брал монеты по одной и, внимательно осмотрев с обеих сторон, выкладывал их на землю верх аверсом, потом сложил из них столбики по пять монет, и затем по десять. Башенка из тридцати монет у Тимы долго не получалась, но он упорно раз за разом собирал их в стопку, и, когда наконец башенка устояла, его лицо озарилось неопишуемой радостью. Директор тоже остался доволен неожиданным завершением конфликта, похлопав меня по плечу в знак благодарности.

Как сложилась судьба Тимы, мне рассказала мама, когда десять лет спустя я прилетал погостить в родные края. Всегда добрый и безотказный, Тимофей, не бравший в рот спиртного, неожиданно загулял, отказывался работать и начал буй-

нить, гоняясь с лопатой за односельчанами. Неуправляемая сила могла стать причиной страшной беды. Кто-то из жителей Портнягино вызвал санитаров, которые увезли Тиму в областную психбольницу, где он почти сразу и сгинул. А через некоторое время выяснилась причина неистовства Тимофея. Два местных алкаша пошли в запой и, постоянно бегая в ларек за водкой, рассчитывались металлическими рублями. Продащице это показалось подозрительным, и она сообщила о своих догадках участковому. Выпивохы при виде милиционера во всем признались. Они давно следили за Тимофеем и дождались, пока он, сам того не ведая, приведет их к заветному месту. Срок им дали условный, но судили не за воровство, а за утаивание ценного клада, который по закону принадлежит государству. Как оказалось, в многокилограммовом кладе вместе с современными монетами находились царские и первые советские серебряные рубли и полтинники, но отыскал Тима клад Нягина или сельяне рассчитывались с ним хранившимися в кубышках старыми монетами, восстановить не удалось. Да, наверное, никто этим вопросом себя не обременял.

Работая в нумизматическом салоне, я постоянно сталкиваюсь с коллекционерами и, наблюдая за блеском их глаз, когда они вертят в руках понравившуюся монету, вспоминаю Тиму, видимо, рожденного нумизматом.

Водитель Николай

Случай стать обладателем крупного клада монет представился мне в начале семидесятых, когда я учился в Томском политехническом институте. На первую производственную практику группу из трех буровиков отправили на Горный Алтай в курайскую геологическую экспедицию, обосновавшуюся на границе с Монголией. На автовокзале в Бийске, откуда начинается знаменитый Чуйский тракт, нас огорошила неприятная новость, билеты на автобусы «дикие» туристы, жаждущие насытиться красотою Алтая, раскупили на неделю вперед. Сидеть на вокзале и надеяться на общественный транспорт мы не собирались, к тому же выданная в институте сумма на проезд как-то неожиданно быстро закончилась еще в вагоне-ресторане. Кто-то предложил отправиться на трассу и ехать автостопом. Моих друзей почти сразу подобрал пустой лесо-

воз, и они, помахав мне на прощание, скрылись за горизонтом. Я грустил часа два, вытянув руку, как шлагбаум, пока рядом не притормозил под завязку груженный буровым оборудованием ГАЗ 51, который по счастливой случайности направлялся на базу экспедиции. Сговорились на два рубля, шофер просил больше, но я признался, что это последнее.

Водитель лет пятидесяти, крепкого сложения, представившийся Николаем, оказался на редкость говорливым. Он, видимо, и подхватил меня на трассе, чтобы иметь свободные уши. Шоферские байки сыпались из него как из рога изобилия. Старожил тракта с задатками опытного экскурсовода восхвалял несравненную красоту алтайских гор и бурные перепады Катуня, на которые я смотрел, открыв рот от восхищения. Показывая памятные места, мой гид обращал внимание на придорожные обелиски, сопровождая рассказы жуткими подробностями автоаварий и именами погибших здесь водителей. А еще он пел, громко и фальшиво, но с большим чувством:

Есть по Чуйскому тракту дорога,

Много ездит по ней шоферов...

Николай не спешил, часто останавливался, выйдя из кабины, он обходил свой газончик, пинал баллоны, открывал капот и проветривал двигатель.

– Тише едешь – больше командировочных, – пошутил он, остановившись засветло около постоянного двора. – Завтра нам предстоит преодолеть два перевала, один труднее другого, лучше на них вечером не соваться.

На Семинский перевал поднимались тяжело, несколько раз съезжая на обочину, чтобы остудить перегревшийся двигатель. На вершине решили перекусить. Неподалеку от трассы располагалась старая полуразвалившаяся беседка или часовенка, окрашенная когда-то в зеленый цвет. Массивные половые доски прогнили и местами провалились. Расстелив кусок брезента у входа, мы занялись трапезой. Я достал пачку печенья и бутылку газоды, а Николай разложил основательно: миска отварной картошки в мундирах, яйца, шмат сала и литровая банка консервированных огурцов. Хотя продукты выставили на общий стол, ели каждый своё, брать чужое я постеснялся, а Николай угоститься салом не предложил.

– По местному обычаю надо бросить здесь монетку, тогда спустимся без проблем, – закуривая после плотного обеда, выдал информацию Николай. – Если веришь в приметы, кинь

несколько медяков, так здесь все делают, под полом беседки наверняка мелочи накопилось на несколько бутылок водки.

– А что, никто их не подбирает? – удивился я.

– Опасаются, примета плохая, нам, шоферам, нельзя. Не дай Бог! Сам видел, сколько ребят на трассе осталось, а ты, если не боишься, слазь, посмотри.

В приметы я не верил и, обойдя беседку со всех сторон, нашел небольшую щель, через которую пролез под пол. Монет там оказалось много, они лежали ровным слоем вперемежку с сопревшими листьями, деревянной трухой и прочим мусором. Извиваясь в тесном пространстве, я подгрел их из углов в небольшую горку.

– Тут их навалом, тару надо, – крикнул я Николаю.

Вместе с мусором монет набралось полведра. Водитель высыпал всю кучу мелочи, покрытую коркой окислов и грязи, на брезент.

– Давай, быстро отбирай новые, да надо сваливать отсюда поскорее, чтобы никто нас не засек, – засуетился Николай, не давая возможности внимательно рассмотреть позаимствованные у горных духов пожертвования.

Монет, выпущенных после денежной реформы 1961 года, оказалось немного. Игнорируя медь, мы спешно отбирали десятички, пятнашки и двугривенные. Как потом оказалось, улов составил чуть больше тридцати рублей, а оставшиеся, в основном дореформенные монеты, царские и совсем какие-то старые китайские, водитель высыпал в щель между досками, не позволив взять немного на память.

Деньги Николай сложил в рабочую рукавицу и сунул её за спинку сиденья. На спуске с перевала я молчал, сожалея, что не набрал себе в коллекцию монет, и переживая несправедливость дележа. «За раз нагреб ему целую стипендию, а этот жмот не дал мне ни копейки, а еще оплату за проезд сдерет», – крутились в голове мрачные мысли. Вспоминалось непопробованное сало, и от того в желудке начала пузыриться газированная вода, вызывая икоту, а на душе стало еще тоскливее. Николай тоже вдруг заделался молчуном. Так, буками мы пересекли Онгудайскую долину и вскоре стали взбираться на крутой Чикетаманский перевал, чуть не ставший для нас роковым. Несколько крупных валунов, потревоженных кем-то на верхнем серпантине, прыгая словно мячики, с грохотом обрушились на дорогу прямо перед нами.

Николай резко затормозил, заметно побледнев.

– Это неспроста, – прошептал он, а потом громко выругался. – Ну что сидишь, студент недоделанный, иди, убирай камни с дороги.

Добравшись до перевала, мы увидели сиротливо стоящую лиственницу, ветки которой на высоту человеческого роста украшали белые ленточки.

– Надо и нам задобрить духов перевала. Есть какая-нибудь тряпочка? – буркнул, не глядя на меня, Николай.

– Носовой платок подойдет? – я протянул ему давно нестиранный предмет туалета.

– Сгодится. Чем больше, тем лучше, – повторил несколько раз водитель, распуская платок на ленточки.

Спустились мы в долину без приключений и молча, любуясь великолепными видами белоснежных гор и степными просторами, доехали до конторы курайской экспедиции. Сказав «до свидания», я протянул водителю обещанные рубли.

Николай, не попрощавшись, взял деньги, но окликнул меня, когда я отошел достаточно далеко:

– Вернись, студент, забери эти монеты себе. Нельзя мне их оставлять. С них не разбогатеешь, а жизнь-то одна. Хотя, может, и нет никаких горных духов, предрассудки это, – начал сомневаться он, когда я дотянулся до рукавицы с мелочью.

Халявные деньги разлетелись, как мухи, тем более однокурсники помогли, а вот об оставшихся на перевале монетах в последнее время я вспоминаю часто. Представляю, как, очистив их от окислов, разбираю по годам выпуска, отыскивая редкие типы и разновидности, порой мне кажется, что были там старинные монеты и уникамы, которые до сих пор нумизматам не встречались. А, с другой стороны, как знать, если бы я пересыпал жертвенные монеты в свой рюкзак, то на Чикетаманском перевале обрушились бы валуны на несколько секунд позже...

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

«Сахара»

Как часто бывает, дело это началось с малого: оперативники просекли, что молодежная группировка из «Забайкалья» – так в старом Фрунзе звался край за БЧК – не скупится на анашу. Курит, продает. Просто угощает...

Проверили. Да, пятеро местных. Угонят машину – и «на планы», в пески Чуйской долины. Зерносовхоз Таты, Аспара, – обширнейшие площади под дикоросами конопли. Там заготовку ведут. Машину, как правило, бросают, а чаще всего сжигают – чтоб отпечатков не нашли.

К группе решено было присмотреться.

Вскоре – очередной угон, масляная «Нива», по тем временам – целое состояние! Хозяин, бизнесмен средней руки, сам информацию насобирает – за анашой, не иначе... Взял у брата УАЗ, вездеход настоящий. Для песков – самое то.

Снарядили группу. Составили список угнанных авто, чтоб проверить там заодно. Сухпаёк, оружие, с утречка двинулись. Благо таможенных и погрансогласований тогда еще не требовалось.

... За Чу начиналась «Сахара» – так пустыню Моюнкум местные прозвали. Чем дальше в лес, тем конопля все толще. Некоторые растения два с половиной – три метра, стебли – толщиной с руку, развесистую крону щедрое солнце не пробиало. И – никакой мошкары. Запах конопляный отпугивал...

Добрались до Разъезда. На пригорке среди песков, дурман-травы и саксаула – пять домов, один под черепицей. Туда и решили стучаться – по старым сведениям, там квартировал участковый.

В ворота долбали долго. Наконец отворилась ставня:

– Что надо?

– Участкового ищем.

– А вы кто?

– Да оперА из Фрунзе, по делам. Посоветоваться...

– Посоветоваться?! Эт можно. Вот ты, что постарше, по-дойди. Остальным – стоять! Тут только увидели ствол карабина...

– Так, ближе. Еще ближе. Вдруг – окно нараспашку и мушка стальная – прям в ноздрю правую, да чуть не порвала!

– Ай, ай!!!

– Не айкай тут, стоять! Враз башку отстрелю. Опера, говорите?! А ну, вынь правой рукой корки... Да, медленно, медленно. Чтоб видел я... – и ну стволом сильнее тыкать...

Как только наш старшой не описался...

Удостоверение подал в форточку. Три долгие минуты, оружия не отводя, документ изучали. Наконец, заскрипела калитка, оттуда – мужик с топором в руках, смотрит все еще подозрительно:

– У других корки есть? Показывай.

Обошел, посмотрел:

– Свои!

Уффф...

Зовут в дом. За дувалом – хутор: двор с хозпостройками – гараж, кошара, баня. Стены толстые, осаду выдержать могут. На пороге – человек в трусах и милицейской фуражке, на костылях – нога в гипсе:

– Уж извините, офицеры. С колуном – брат мой. Я – участковый... Вчера на посту стоял, прям на трассе, что наркоманы облюбовали. Глядь – «Москвич» идет, с номерами киргизскими. Торможу – встал. Заглянул в окошко – пятеро «обдолбанных», и мешок травы прямо в кабине.

Ну, я – как положено: «Водитель, выбросить ключ зажигания и выходить по одному. А тот, что впереди, рядом с водилой ихним, уж извини, – обращается к тому, чья ноздря чуть на мушке карабиновой не осталась, – ну копия прям твоя, – вперёд! Отскочить-то успел, жизнь спас, но ногу зацепили, гады... Теперь вот на костылях прыгаю. Честно. Как в окно увидал,

подумал, что вчерашние на разборку пришли. В «Сахаре» такое не редкость...»

От бани мы отказались, но застолью обрадовались – к тому времени проголодались. Баек участковых наслушались – не счастье. Ну и оперативную информацию получили. Про «Ниву» нашу, правда, тот не знал, но о двух разыскиваемых легковушках рассказал. Одну, целехонькую, мы потом на стоянке в райцентре нашли, от другой же, к сожалению, только остов сгоревший остался...

И наших, «забайкальских», здесь знали, по кличке распознали. Как услышали – Капиталист (так главаря величали), так извлекли из сейфа ориентировку и фоторобот, что последние сомнения снял. В Джамбуле они наследили, остановив частного, «на планы» направились. Тот понял, заартачился – уж лучше б поехал: перерезали горло, труп прямо в заросли бросили. Тело лишь через несколько дней обнаружили, отарашла, овцы от запаха мертвечины шарахнулись...

Джамбулцы, кстати, одного из группы, своего, местного, взяли. Кличка Борчик, он к фрунзенским как-то прибился, но после убийства, поняв, что те – отморозки конченные, сбежал, дома отсиживался. Там и задержали, пока суть да дело, к своим преступлениям примеряли.

Решили в Джамбул ехать. Благо недалеко.

Понятия «сотрудничество со следствием» закон тогда еще не знал. Но местные, пообещав, что срок мотать он на родине будет, подсобили, и уже на второй день Борчик вовсю витийствовал. Закрепили всё до деталей, съёмку видео произвели.

Решали, что делать. Во Фрунзе два таких нападения значилось. Одно также смертью закончилось, а во втором смогли убежать водитель. Завидев в зеркальце нож, на ходу из машины выскочил и, хоть и с вывихом, до людей, громко вопя, дохромал. Тем спугнул убийц и жизнь свою спас: авто в бордюр уперлось, пассажиры – врассыпную...

Показали фотографии. Капиталиста таксист опознал сразу же. Да и других, чуть замешкавшись, из десятка представленных фото выбрал уверенно.

Не дожидаясь новых жертв, группу решено было брать.

Готовили операцию, как вдруг – новая вводная: на мотоцикле разбился один из бандитов, Корейцем звали.

Капиталиста к тому времени в городе не было. То ли

скрывался, то ли промышлял где-то. Предположили, что без главаря его первого помощника, Корейца, хоронить не будут.

За домом погибшего наблюдение установили.

Так узнали, где на кладбище в Чон-Арыке могилу вырыли. И хоть главный пока не нарисовался, повышенная суетливость свидетельствовала – хоронить будут завтра. Может, Капиталист прямо на погосте объявится?

...С утра у бесхозной могилы, неподалеку, по-хозяйски трудилась троица: баба, как водится, при этом глаза тёрла, мужики же молча оградку налаживали. И, поскольку последний приют Корейца отсюда был виден как на ладони, внимательно следили за всем, что там происходит.

К одиннадцати часам в сопровождении трех легковушек подъехал катафалк. Ба – фигурант прямо у гроба. Когда подсел?! Не до громких прощаний и молитв, «косяк» с анашой братва по кругу пустила. Еще один, чтоб покойник не заскучал, прямо в домовину, у изголовья, положили. С тем и зарыли.

Чтоб покой кладбищенский не нарушать, брать банду решили на первом повороте: там дорога сужалась. Пустой катафалк ушел, «Ниве» же, в которой главарь ехал, дорогу оперативник в форме преградил. Еще двое, с короткими штурмовыми «Калашами» в руках, у обочины, в открытую, стали.

Но эффект психологический не сработал. Капиталист только ходу прибавил и сворачивать, а тем более останавливаться, не собирался. Тот, что в мундире, едва отскочить успел.

Грянула очередь...

«Тридцать три» – про себя, как учили, произнес стрелок. За это время, как правило, автомат три пули выплевывает. Вышло, правда, четыре – да кто уж тут вам считает?! Одна – в молоко, две капот и колесо пробили, четвертая, надо ж так, через стекло в правый бок фигуранта вошла, из левого уха вышла...

Капиталист скончался на месте.

Остальные сопротивления не оказывали.

Военврач

Есть у меня старый приятель, Сергей Аманов. Интересной судьбы человек, чему свидетельство три моих рассказа о нем (см. «Хирург», «Как мы ходили по Пикадилли» и «Пурим с Аманом»). Дружим лет тридцать скоро, и все эти годы мечтал пооткровенничать с его отцом-военврачом. Собственное достоинство сквозит в каждом слове и жесте офицера-отставника, и, преисполненный этим чувством, он казался мне недоступным...

Недавно наш разговор всё-таки состоялся...

... «Черные пески» Кара-Кум на сотни километров окрест... Зной да колючка «Перекасти-Поле»... Ещё? Постоянные песчаные бури... Всё...

Но и здесь испокон веков жили люди. Веками вгрызались в барханы аборигены туркмены, народ с древней историей и цивилизацией.

...Кара-Кала, поселок в пустыне, ничего выдающегося. Единственное отличие от сотен таких же мест – в пойме реки расположился, хотя бы с водой проблем не было. Вот тут-то 85 лет тому назад Давлету и суждено было родиться...

Многочисленная родня – дядьки, тетки, кузены-кузины... Из самых близких же лишь сестренка младшая, да мать с отцом, простые колхозники. В 1941-м, в самый канун Великой Отечественной, тиф забрал отца.

Детство закончилось...

Всю войну – на полях. И пахал, и сеял... Через многие годы за доблестный труд мальцом медали «Труженик тыла» удостоен...

В первые послевоенные годы тоже голодали. Кормились порою только тем, что колоски после жатвы собирали. И радовались, что власть пресловутый расстрельный закон, приравнивавший сборщиков колосков к расхитителям, отменила.

А еще выручал... ишак. Да-да, серый облезлый ослик, их собственность. С утра шли на берег, собирали хворост, грузили на животину и – в райцентр, за три километра. Там меняли на пол-лепешки, «завтракали» – и в школу. Откуда только взялась тяга к знаниям, но пацан – ведь никто же ему об этом не говорил – отчего-то был твердо уверен, что надо учиться...

В 1948-м, после семилетки, поступил Давлет в Ашхабад-

ский педтехникум. Учился с упоением, читал запоем. Жил у тетки, деля комнатку с еще одним родственником-студентом.

Будущее рисовалось прекрасным.

...В тот год страшное землетрясение в одночасье буквально срывало столицу Туркмении с землей. Погибли десятки тысяч, в разы больше — ранены. В городе уцелело лишь три здания: «Все они были круглой формы, - вспоминает Давлет Аманович, - остальное превратилось в пыль»...

Сам парень остался жить только потому, что обвалившийся потолок «усадил» его и сложил так, что голова на подогнувшейся шее оказалась в ... воздушном мешке. И поскольку без сознания был, не паниковал. Так пять часов в коме, пока спасатели не подоспели, провёл.

Очнулся на центральной площади, куда раненых отовсюду свозили. Там их сортировали, кого в дальние местные больницы отправляли, а кого на машины, и – в соседние Узбекистан и Казахстан. Весь в бинтах и «заширенный», Давлет с подозрением на травму позвоночника оказался в Ташкенте.

Травма, Иншаллах, не подтвердилась: компрессия, удар сильный. Но восстанавливался долго. Вернувшись, города не узнал, от техникума даже следов не осталось. Скорее – на малую родину, в Кара-Калу. Там десятилетку окончил, комсоргом стал. И снова – в столицу, за знаниями...

Ашхабада опять не узнал. Отстроилась столица, стройнее стала. Весь Союз поднимать помогал! Давлет мечтал об университете. Но судьбе угодно было в медицинский институт его стопы направить. Учился отлично, комитетом комсомола факультета руководил, не шутки! Среди считанных студентов получил сталинскую стипендию - 800 рэ! Впервые в жизни хлеба вдоволь купить смог.

На четвертом курсе – повестка в военкомат. Там долго не разговаривали и вместе с еще несколькими лучшими студентами направили в Саратов, где на базе тамошнего мединститута военно-медицинский факультет авиационных врачей готовил.

Такой поворот судьбы привыкший к переменам Давлет принял как должное. А когда форму летную с иголки примерил и лейтенантскими звездами сверкнул, да девушки заглядывать на него стали, твердо решил: моё!

И ни разу за 32 года службы не пожалел.

... Браки совершаются на небесах? Да, наверное, но ге-

роя нашего избранница тут же в медицинском училась. Пожились и совместно 56 лет прожили.

Забегая вперед, скажу, что Вера Ахмедовна не только тяжёлую лямку офицерской жены достойно тянула, не только детей растила и по первому зову готова была с насиженного места сорваться, но и прекрасным врачом стала, детским ревматологическим санаторием руководила, народным депутатом была...

...Авиационный врач – специальность особенная. Тут и медицину катастроф знать надо, а еще их уже тогда основам космической медицины учили. Потому специалистами саратовские выпускники были штучными. Краснодарскому Аманову, например, для дальнейшего прохождения службы на выбор предложили Польшу, Венгрию или Прибалтику.

Вот вы бы что выбрали?

Вот так-то. А он, зову крови послушный, добровольцем в Туркестанский военный округ отправился. Вот уж обрадовались в Ташкенте, когда и там он дальше, в Кызыл-Арватский авиационный полк попросился. А что?! Всего в восьмидесяти километрах от родного селения...

Надо ли говорить, как гордились земляки, когда с молодой супругой-красавицей, да в форме парадной с аксельбантами золотыми он впервые в Кара-Кале появился? Мама лет на двадцать помолодела, сестренки-братишки ни на шаг не отпускали. Он и в школе, и на собрании колхозном выступал, про гости и говорить нечего - ходить устал.

Эх, старые-добрые времена...

...Служба мёдом никак не казалась: боевые дежурства, госпиталь, тревоги. Да и пустыня пустыней осталась. Ему-то привычно, а вот офицерам многим именно климат немало проблем создавал. Не просто выживать, еще ж и летать приходилось, боевые задачи выполнять!

Первое время Давлет Аманов с женой квартиру снимали, весной и летом из-за ужасной жары спали во дворе, под навесом. Мочили простыни, закутывались с головой и скорее, пока не высохла, засыпали. А ночью хамсин с Кызыл-Кумов песок тучами нёс. На утро вся постель и сам весь в грязи, будто из лужи. И так ведь не день и не два...

Рожать Вера Ахмедовна в Саратов отправилась. Аманов только дежурство сдал, тут – вестовой: «Танцуйте, товарищ старлей, сын у вас!» Шутка ли – первенец! И – день зарплаты.

Обмывали широко. Единожды в жизни не вспомнил офицер, как домой добрался.

С рассветом – стук в дверь, двое летчиков, из тех, с кем пил вчера: «Давлет, мы что, все пропили?! Ни копейки домой не принесли, жены скандалят!» Свои карманы проверил – большая часть полочки надёжно в карман гимнастерки запрятана. Бегу в ресторан, может, там что знают? Тут – идилия: те офицеры навстречу, с женами под ручки, улыбаются... Оказалось, женщины мужей поугагать решили, карманы обшарили, а поутру: «Да вы всю зарплату пропили?!!» Узнав же причину, обвинения сняли...

Еще несколько лет втроем «трубили» Амановы в Кызыл-Арвате. Однажды ночью вдруг сильно потрянуло. Отец «на автомате» с кровати слетел в сапоги, схватил «самое ценное», малыша то есть, ногой вышиб окно, и – ходу, подальше от здания...

... Перевод в Киргизию, что сразу им всем приглянулась, семья восприняла на ура. «После песков безбрежных так приятно было в окно поутру белоснежным Тянь-Шанем любоваться...» Беловодское, Токмак, Кант военврача добром вспоминают. И супругу его, тоже доктора, что в больницах местных работала... Врачей не хватало, бывало неделями, сутками напролёт дежуря, не виделись...

Но дочь все же родили. Элла Давлетовна, потомственный медик, ныне Сибирь врачует. Первенец же, Сергей, живёт в Лондоне.

... Заграницу Давлет Аманович все ж повидал. В Германии боевой авиационный корпус дислоцировался. При нем, как положено, – авиагоспиталь, где он несколько лет хирургическим отделением командовал. Военный городок, где семейство Амановых обосновалось, на базе бывшей школы Абвера, немецкой разведки времен Второй мировой войны, располагался. О местах тех знаменитая «шпионская» эпопея, фильмы «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна» сняты.

По возвращении в ставшую родной Киргизию Аманов повышение получил, начмедом курсов по подготовке и усовершенствованию кадров летного состава – были тогда здесь такие – назначили. Пять военно-воздушных полков. В Луговом, Фрунзе-1, Канте, Токмаке и Чуе дислоцировавшихся.

На курсах тех представители дружественных СССР стран народной демократии обучались. В основном из Азии, Африки

и Латинской Америки. Из курсантов впоследствии президенты таких государств, как Египет, Сирия, Эфиопия, полдюжины министров обороны вышли. А еще здесь асы Варшавского договора переподготовку проходили. Вот покупает, скажем, Венгрия у СССР самолеты новейшие, или Союз великодушно машины те боевые, ценой в миллионы долларов, «союзникам» в дар преподносит. Перед тем как их получить, пилоты и техники здесь летать и обслуживать новую чудо-технику обучались.

«Подняться в воздух проще, а вот посадить самолет, - тут искусство особое требуется, почему большая часть ЧП именно при посадках случается. Техника-то скоростная, моргнуть не успеешь, как в землю колом. Однажды, не успев среагировать, наш пилот в отару врезался. Сам сгорел вместе с машиной, клочки шерсти овечьей и куски мяса мы в радиусе двух километров собирали...»

Особо запомнились подполковнику Аманову командировки в дальнее зарубежье. В Кампучию, Анголу, Мозамбик, Зимбабве.

«Личный состав курсов пополнялся добровольцами, мы комиссионно отбирали их. Времена в Африке были тяжёлые, желающие учиться, голодные-холодные, разутые-раздетые, буквально умоляли взять их в Союз. Из полутора-двух тысяч призывников по здоровью отбирали человек тридцать, не больше. Каких только болячек экзотических я там не увидел! И цыngu, и дистрофию... Зато во Фрунзе, отъевшись, некоторые курсанты-иностранцы «права качать начинали». И кормят не тем, и поят не так... Однажды африканцы чуть не голодовку объявили, рис красный им подавай, как дома, дескать. Испросив разрешения особиста, поговорил я с их старшим. Напомнил, как год назад он в джинсах рваных и сандалиях, бичевой подвязанных, худющий, со слезами на глазах умолял не отправлять его назад в джунгли. «Вождь» вмиг своих охолодил...»

... В 1987 году, выслужив, что положено и даже сверх норматива, подполковник Аманов вышел в запас. Дома сидеть не стал, 20 лет врачебно-летным экспертом военной комиссии Минобороны Кыргызстана работал. Во многих частях его портрет среди других ветеранов на почетных досках висит. Из Канта, с военной базы российской, аксакала регулярно навещают.

И плевать, что та база официально «иностранный». При-
саягал подполковник медслужбы единожды, Великой стране,
СССР. И пристрастий своих в 85 менять не намерен...

Единокровные...

«Литературный Кыргызстан» однажды уже печатал мой
рассказ об однокласснике – «Сарди Лоянов: батяня комбат»
(«ЛК» № 1, 2016), дружбой с которым очень горжусь. Десант-
ник-разведчик, боевой офицер, грудь в крестах...

Но каждый раз при нечастых теперь уже встречах приот-
крывает подполковник очередную страничку своей семейной
истории...

Срок давности выжидает?!

...Отец о себе рассказывал мало. Перед самой смертью,
когда я уже офицером-оперативником стал, поведал кое-что.
И знак свой «50 лет в КПСС», передал... Храню как зеницу
ока...

Родился Нурма Сирович Лоянов в Пишпеке в апреле
1907-го. Грамотой овладел, потому в 13 лет уже учительство-
вал, а затем и комсомолом в далеком южном районе руково-
дил... Активиста приметили, в Москву отправили. В партшколе
учился, чекистские курсы окончил. Вернулся в Киргизию с рус-
ской женой и ребенком. Во Фрунзе еще двое родились. Жили в
большом доме, там теперь аккурат Дворец спорта стоит.

...Бил басмачей, но больше за кордоном обитал. С его
помощью не одна банда в засады пограничные угодила. До-
ставалось и контрабандистам: агентура донесла, что некото-
рые беженцы драгоценности скупают, скоту с пищей мешают,
а, перейдя границу, из коровьих лепех натурально извлекают
бриллианты... Бедные бурёнки! Бюджет Страны Советов по-
полняя, им литрами касторку спаивали. А петухов и кур, коим
блестящие камешки вместе с пшеном кармливали, на грани-
це тщательно ощупывали. И тоже не безрезультатно...

...Повторив судьбу многих, в 1937-м Нурма Сирович Ло-
янов был объявлен «врагом народа», гэпэушника осудили.
Оболгали, отец потом дознался – кто, но так и унес эту тайну
в могилу...

Этап на Колыму. Семью с казенной квартиры сселили,

работы жена не нашла, мужние родственники, за себя опасаясь, особым желанием помогать не горели. Помыкавшись, та с тремя детьми назад в Москву подалась. Без гроша в кармане, на перекладных. По дороге сначала старших схоронила, а потом и сама отдала Богу душу...

... В тридцать девятом, пяти лет от роду, самый младший, Сарди Лоянов (полный тёзка моего друга) всё ж добрался до Белокаменной. В кармане – письмо брату матери, что та перед смертью написала. С адресом. По нему и направился мальчуган.

Приняли не приветливо. Своих – мал-мала, ворчали, куском попрекали, а через пару месяцев и вовсе в детдом свели. Там Сарди стал Сергеем. Но по натуре свободолюбивый, не прижился, сбежал.

Беспризорничал. Фартовые приметили, в воровскую шайку вовлекли. Форточником стал, карманником. Еще и семи не было, первый кошелек у торговца на Сокольничем рынке подрезал. Ходил по базару, мороженое лизал, а сам – знай поглядывай: кто – продукты, кто - скотину на продажу привел, кто - вещи... Значит, скоро при деньгах будут: время было тяжелое, предвоенное, дефицит тотальный. Продажу, как водится, обмыть следовало, торговцы шли в пивную ближайшую. Там на пацанёнка, что песенки пел да прибаутками сыпал, и внимания не обращали. А зря...

Но фарт воровской не долгов. Раз забрался через форточку в дом, только мешок барахлом наполнил, как хозяин внеурочно вернулся. Увидав ворёнка, крикнул дворника, связали. Суд, колония для малолеток, семь лет. В войну бежать пытался, на фронт, но конвой подстрелил. Залатали и срок добавили.

Отец, кстати, на зоне тоже заявление написал, чтоб остаток отсидки заменили штрафбатом. «Политическим не положено» - был ответ. Дескать, вот был бы ты вором-рецидивистом... Освободился «звонком» в 1947-м, отмотав всю десятку. Ни кола, ни двора...

Мама моя – из дыйшинских дунган, с Иссык-Куля. С чуйскими – мялянфанскими, александровскими – те не рождаются по определению. «Я тогда в «Ала-Тоо» билетером работала. Заприметила, мужик какой-то приходит, в фуфайке, сапогах истертых. Худющий... Короче, пожалела я отца вашего, приютила», – любила пошутить матушка. Батя при этом – глаза долу...

Четверых детей мои старики нажили. Я, Сарди Лоянов, - младший. И тоже – Серёга. Сечешь? Во времянке родился, что родители на выделенном участке соорудили. Потом мы там дом поставили. Тогда – окраина городская, теперь – центр самый. Но это я слегка вперед забегаю...

В 1949-м отца реабилитировали. Назад в КГБ приглашали. Наотрез отказался, но в партии большевиков (коммунистом он еще в 1927 году стал), восстановился. Завхозом, корреспондентом дунганской газеты «Шыйуэди чи» («Знамя Октября») работал. Так и жили. Да, еще когда мотал срок, он от московской родни весточку получил – жив, мол, твой младшенький...

...Когда в новом браке подросла старшая дочь, батя ей о брате сводном поведал. Роза в ответ: «А знаешь Богуславских, соседей, что с Украины? Нет, ну не важно. Глава семьи у них в первый же месяц на фронт ушел, а мама с маленьким ребенком – в эвакуацию. На одном полустанке, в бомбежке, на секунду из рук дочку выпустила. И та пропала... Мать чуть с ума не сошла... Муж с войны вернулся, узнал об исчезновении дочери - запил. Потом девочку родили, тоже Сарой назвали, но не успокоились. Писали на радио, в газеты – искали. И вдруг пропажа отозвалась! Оказалось, местные жители приютили, на станцию с ней ходили. Начальник рассказал, что всех «разбомбленных», кто в живых остался, тогда двумя эшелонами в Среднюю Азию направили, среди них, видать, и маму Сары. Ну, больше искать не стали, Сара выросла. А недавно сестры встретились, как две капельки похожи... Давай и мы братишку Сарди поищем? Вдруг мается где-то один-одинёшенек? Да я уж и письма кругом разослала...»

...Казённая бумага из МВД «вдохновила»: так, мол, и так, сиделец ваш сын и брат, в Коми-лагерях, к побегу склонный, мотает срок. Отец, на своей шкуре зону познавший, «документу», невольно даже обрадовался! Сидит – значит жив! И по совету своих бывших сослуживцев письмо в правительство и Верховный Совет СССР, Косыгину и Подгорному, отправил. В деталях всю свою судьбу изложил...

Ответ из того же грозного ведомства пришел достаточно быстро. Для начала предлагалось в Коми на свидание съездеть, опознать, так сказать, своего отпрыска. За свой счет, естественно. Деньги наскребли, и через много-много лет отец и сын, бывший и нынешний зек, среди тайги, за колючкой, свиделись...

Дальше помог известный в Киргизии адвокат Хегай – бесплатно официально юридически грамотное прошение оформил и сам попутно в Москву свёз. Сработало...

Так встретились два Серёги-Сарди. Одного достойнейшего отца дети... Первый – рецидивист-уголовник, другой – искренний юноша, окрыленный мечтой офицером стать...

Старший рассказывал, что после приезда отца у него будто крылья выросли. «...Представляешь, сирота. Один-одинешенек. И вдруг – отец, братья, сестра, которые упорно искали долгие годы. СЕМЬЯ! Тогда и решил – завяжу.

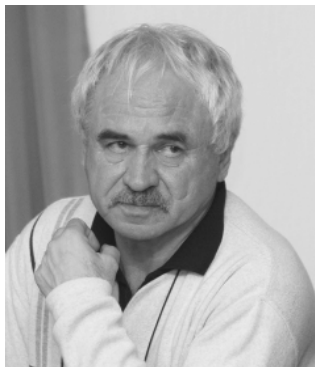
Работал столяром. Жил в той самой времянке, где младший братишка родился. Время от времени там появлялись, но долго не задерживались женщины. Своей семьи Сарди-старший так и не создал. Всю зарплату на родичей спускал, баловал их, как мог.

Когда младший, уже подполковник, тяжело на Кавказе раненный, в Москве реабилитацию проходил, старшой его навестить приехал. И как-то «по местам боевой славы», где беспризорничал, провел. В центре, в Сокольниках, через столько лет ориентировался свободно, по всем закоулкам-переулкам – по памяти, детдом и все свои «малины» показал... И только на Петровку, где МУР, идти отказался: «Не хочу вспоминать...»

...Умер Лоянов-старший в 2004 году. Похоронен рядом с отцом, на родовом кладбище в Милянфане.

Младший живет в Пскове, военный пенсионер, отставной десантник-разведчик, орденосец.

...Итак, продолжение следует?

Сергей ДУДАШВИЛИ

НЕРАЗЛУЧНО С ПРИРОДОЙ

Эссе

Северный берег Токтогульского водохранилища

Сотни раз проезжал волнистые, покрытые яркой зеленью холмы левого берега Токтогульского моря. Весной они прекрасны и очаровательны!

Летит дорога по зеленым холмистым волнам, открывая в распадах низин голубой разлив моря. Хочется подняться на самую высоту.

Несколько минут по дороге, поросшей молодой травой, и мы на вершине. Необъятный простор с высоты обозрения под небесным океаном будит воображение.

Окруженное высокими пестрыми горами рукотворное море выглядит живописно. С Востока, там, где рождается Нарын, спускаются укрытые одеялом из темных облаков угрюмыми рядами хребты. Прямо перед нами, от края и до края, по котловине разливается море. Затопленные подножия предгорий рисуют причудливые островки и заливы. Береговая линия, отмеченная следами прошедших времён, свидетельствовала об изменениях размеров водного простора. Подбираясь к подножию белых ледяных вершин, оно разливается необъятной широтой. В колеблющихся потоках полуденного воздуха мерцают гребни высоких гор, закрывающие южный горизонт. За спиной, у подножий Ферганских отрогов, рассыпались сёла, заползая в горные долины.

В поисках удачного ракурса ищу наилучшую точку. Спу-

скаюсь вниз, забираюсь на самый верх, чуть вправо и иду на левый край. Всё не то. В эпоху цифровых технологий из посредственных пейзажей можно сделать красивые фотографии. Однако здесь, на высоте обзора, возможности цифровой камеры, увы, скромны и весьма ограничены. Особенность токтогульских панорам – это перспектива пейзажа, его детали и оттенки, проникновение в глубь пространства.

Там, где Токтогул разливался обширной бледно-синей полосой, вернулось для меня время вспять, и я увидел весь в зелени чудный город на берегу журчащей реки. Тенистые аллеи парка и девушки в ожидании счастливых свиданий. Полные яблочного цвета сады и щедрые пашни в окрестностях. Сёла и фермы, юрты и утренний дым, уходящий в небо...

Как давно это было! Школьниками мы помогали археологам раскапывать древние курганы и городища, чтобы спасти историю от затопления...

Нашлось место на панораме времени и рассказам у экспедиционного костра, и лицам, которые вдруг всплыли из глубин памяти...

Как скоротечно время! Прощай, высота! Прощай, панорама!

Вернее, до следующего свидания! Обязательно приеду ещё на эту высоту!

Повосторгаюсь... Повздыхаю в диалоге со своей памятью...

Ущелье Чонг-Кайингды

Истоки Чон-Кайингды лежат на крайнем северо-западе Киргизского хребта. Последний населенный пункт – Сары-Булак. Впереди горы и разбитая грунтовая дорога, врезанная в крутой, падающий в долину склон. Спускаемся к реке. В пойме – свечи тополей и открытый извив реки. Вереница параллельных хребтов, погруженных в дымку небес, формирует перспективы дальнего плана. Чем дальше высота, тем контрастней и ярче картины окружающей природы. Только вот дорога – сплошные промоины. Дальше и вовсе неприятный сюрприз. Речка поглотила дорогу, да так, что от неё остался лишь один примыкающий к склону берег.

Оставив машину, продолжаем путь пешим ходом. За поворотом шикарный лес пригласил к своему шатру. Рядом реч-

ка и укрытые цветными мхами береговые камни. Цветочные островки, взбитая пеной река и яркий мир лаванды. На мокром островке – смотровая скала и окаменелый ящер в алмазной пене волны. Напротив, по склону, – арча и пирамидальные ели. Над ними выточенные дождями мраморные пики.

Подъём в небо по тропе меж могучих стволов арчи, и ещё одна услада для глаз – в нимбе облаков видится точёный мраморный пик в белоснежном шарфе. Природная тишина, и витающие в пространствах тайны открываются в молчанье. Эхо прошлого звучит в журчаньях ручья. Свидетели прошлых эпох – наскальные рисунки – узорчато расположились по тёмному, древнему загару камня-мегалита. Поодаль ещё одна скала с удобной для медитации нишей.

Нависший над зеленым лугом утёс устелен мхами, образующими фантастическое панно, сотканное из белых, черных и золотистых цветов. Великолепная композиция из ярких сюжетов, неизвестных смыслов и посланий. Небывалое произведение совершенно нового, неизвестного искусства, собранного из синтеза реальности и фантазий, историй и сказок. Красота холста восхитительна и гармонична! В нем – техника эбру и нежный анаморфоз, граффити и иллюзион, живопись и графика, абстрактные узоры, штрихи и линии. Тени и вспышки, точки и магия знаков, космические хаос и гармония Абсолюта – завораживали.

Склонившись над землей, я увлечённо снимал на фото микромир и макрокосмос мхов. Каждый кадр при увеличении открывал фантастический и нереальный для обыденного сознания мир.

Увлёкшись, не заметил, как к скале подошёл местный пастух: «Вокруг такая красота, а ты снимаешь камень». Я не знал, что ответить, и промолчал, подумав, что мир открывается каждому своими гранями, в зависимости от способности видеть его красоту... Каждый на Земле несёт свой мир, и никто не знает, кому повезло больше.

Окрестности Токмока

Невозможно уже вспомнить, кто заметил в этих местах редкий природный уголок. В начале шестидесятых годов прошлого века его обустроили для охотничьих утех Н. С. Хрущева. Закрыли, придали статус заказника и построили для

генсека дачу. Однако сколько ни заманивали Никиту Сергеевича в фазаний рай под Токмоком, так он и не побывал в этих местах.

Глядя на обжитую землю, трудно поверить, что ещё в начале XX века здесь, на левобережье реки Чу, в тугайных зарослях, бесшумно кралась за добычей туранские тигры. На дичь, которая водилась тут в изобилии, охотники ходили даже без ружей. Под серебристым лохом, плодами которого зимой питаются фазаны, устанавливали вечером с десятков петель, а рано утром собирали трофеи. Пройти через заросли можно было только по звериным тропам, да и то с очень большим трудом.

Стояла волшебная осень. Едва заметный поворот в сторону гор, узкая уютная асфальтовая дорожка вдоль устремлённых ввысь тополей. Ворота, а за ними – мир первозданной природы. Рожденные родниками ручьи, сливаясь, образуют Красную речку – скульптора и дизайнера местного тугайного леса, озера, спрятанные в гущах тростника, заболоченные водоемы и протоки... Ива, лох, тамариск, барбарис, облепиха, лианы, кустарники и высокие густые травы образуют непроходимые заросли.

Идем берегом затаившегося пруда. Громадные раскидистые кусты тамариска, захватив высоты холмов, гармонируют с яркими красками осени. Особенно красивы кусты, обвитые лианами ломоноса с мохнатыми серебристыми шапками плодоносящих побегов.

Кажется, что мы внутри пылающего пламенем волшебного сада. На камышовых кочках в окружении золотистых тростников отдыхает цапля, поближе к кустам семенит парочка фазанов. Пруды полны отражений и очарованья. П р е - красно здесь! Засмотришься: на скользкую реку, на синие плоды терна, сбросившего листву, на ивы с золотыми косами, на бирюзовые ленты протоков, серебро осоки и осеннего камыша – да задашься вопросом: не в раю ли я? Дальше, на возвышенности, золотая чеканка роц – настоящие джунгли. Между пучковатых корневищ проложены тропинки, ведущие в таинственный мир, доступный лишь обитателям этого волшебного камышового царства.

Никите Сергеевичу Хрущеву так и не довелось побывать в этом райском месте. Однако для нас сохранился этот прекрасный уголок Земли.

Заливы Иссык-Куля

По обе стороны дороги от Кутурги к Тюпу вздымаются зелёными пузырями эффектные курганы. Цепочками тянутся они от подножий Кунгея до берегов Иссык-Куля. Это захоронение сакских правителей, живших ещё до рождества Христова.

Роскошные луга, разнотравье и разноцветье наполняли атмосферу чудными запахами. Птицы и насекомые суетились, чирикали и жужжали, радуясь теплу и солнцу. Я шёл среди этого великолепия и чувствовал себя частичкой окружающей вечной и безграничной природы.

В сторону озера открывались изумительные картины. Голубые извивы, словно щупальца выползающего из-под вод дракона, цеплялись за мохнатые берега, придавая пейзажу сказочное очарование.

Эта часть Иссык-Куля – сплошные заливы. Между пристанью Кутурга и бухтой Широкая их более десятка. Все они причудливой формы, с говорящими названиями: Кругленькая, Рогатая, Кривая, Тихая... Синие от синевы небес, играющие оттенками от солнечных лучей заливы сверкают, подобно гигантским сапфирам. Густо заросшие берега, словно выходящие кудри, погружены в воды. Здесь царство птиц, особенно много фазанов. Настоящий рай для орнитологов. Как хорошо, что сюда не добрались любители и организаторы коммерческой охоты.

Край заливов очаровал настолько, что я забыл о цели своего вояжа в эти места. Никогда не думал, что эта часть Иссык-Куля настолько удивительна и необычна. Каждый залив – произведение высшей гармонии природы. Этот Иссык-Куль – девственный, душевный, светлый и добрый. Не тот, что соседствует рядом всего лишь в нескольких десятках километров, где берег с отдыхающими напоминает лежбище морских котиков, жаждущих отдыха и развлечений.

Туристы понежатся на солнце, охладятся в озере и скроются в помещениях, снятых за немалые деньги, думая, что познали Иссык-Куль. Воздух, вода и солнце используются коммерческим маховиком, из-под которого льётся всевозрастающий денежный поток. И кажется, что этому безумству не будет конца. Это их Иссык-Куль потребительского общества.

Как сделать людей зрячими, вернуть им чувства, ощущения, что красота есть тайна, постигаемая пробуждением души, а не покупаемое за деньги удовольствие?

Слава богу, что есть ещё места в райских кушах заливов, сохранившие нежное очарование, которое всегда было присуще Иссык-Кулю!

Зеркальное озеро (Джалал-Абадская область)

Заглянуть в этот неведомый мир хотелось давно. В самом центре Кара-Куля поворот на юг, распаханная долина между хребтов и бесконечные окраины некогда известного городка. За развилкой голубые озёра в песчаных и каменных карьерах – ландшафтный эксперимент времен всесоюзной стройки советской эпохи.

По мосту перебираемся на левый борт. Не торопясь дорога втягивается в границы ущелья, повторяя очертания каньона.

За окном мелькают среди кустарников и полувысохших трав одинокие ветхие домишки и остатки глинокаменных крепостных стен. На склонах голубые осыпи в тельняшках из троп. Внизу – мир реки, полные прохлады пойменные оазисы. И над всем этим великолепием – пирамиды скал и дорога, уходящая в небесную гладь.

Природный мир, спускаясь сюда в поисках прохлады, заполняет пойму, раскидистые березы, обнажённые корни, причудливо подмытые берега и парящие над ними небесно-серебристые волны облаков, пробуждающие мечты и желания.

Водопады, золотисто-берилловые склоны, береговые панно из речного камня и новая спираль в небо. Серпантин за серпантинном причудливыми петлями пробирается дорога на изумрудное плато, подвешенное на световых лучах.

Высота плато – два с половиной километра. Тремя ступенями от вершинного хребта оно спадает на север. В этом же направлении из-под каждой ступени пробиваются мощные родники. Укрытые изумрудным плащом, они стекают в низины, образуя среди небес живописные озерные чаши. Все они сказочно красивы!

Нижнее, самое большое, в золотисто-зелёной береговой оправе. Среднее – с бархатным зелёным полуостровом, аметистовыми заливами и сапфировым разливом. Самое очаровательное из озёр – верхнее, зеркальное, полное береговых

отражений, перевернутых поэтических этюдов и причудливых теней. В лучах вечернего солнца озеро светится волшебными красками.

Забираемся на самый верх под стены предвершинных скал. В центре картины в молчаливом покое – затерянный в небесах озёрный мир. На дальнем плане алмазная трёхгранная гора в розовом сари из вечерних облаков. На переднем у камней, на плоском берегу, где зелёный покров травы перемешивается с пятнами мшистого камня, – высохший ствол дерева и куст барбариса с бантиками паломнических лент.

Проникшись нежностью к зеркальному озеру, следуя магическому ритуалу, я тоже в качестве вотива оставляю частицу своего сердце.

Классика киргизского пейзажа

Скрестив руки, три могучих хребта – Киргизский, Сусамырский и Джумгалский – вознесли к небу Сусамырскую долину. Протяжённость этой изумрудной чаши сто пятьдесят пять километров. Обширные территории Сусамыра простираются с запада на восток, от перевала Ала-Бель до начала реки Кекемерен

Со всех сторон долину окружает ожерелье из сверкающих на солнце снежных острозубых вершин. Пастушым Эльдорадо назвал Сусамырскую долину русский ботаник В. Липский. С изумрудом в серебряной оправе сравнил её известный ботаник Р. Аболин.

Облик долины формируется множеством ручьев и промытых ими ложбин, впадающих в главную водную артерию – Сусамыр. В восточной части, прежде чем слиться в единый Кекемерен, широко разливаясь, он питает обширный пойменный лес.

Каждая географическая точка на Земле имеет свой неповторимый ландшафт, и это создает в современном информационном мире определенные брэндовые контуры, образы и философию. Арабские страны, например, ассоциируются с пейзажами пустыни; Южная Америка – с вулканическими горами, покрытыми джунглями; Скандинавия – со сказочными в снежном одеянии городками, ельниками и Санта-Клаусом; Россия – с широким простором, могучими реками и бескрайними лесами...

Сусамыр – классика киргизского пейзажа. Дно долины устлано ковром из альпийских трав. Юрты кочевий, табуны лошадей, устремлённый к небу дым утренних очагов, кумыс, мед, воздух, процеженный глубинами небес, благоухание лугов, волшебство цветочных разливов и сияние близких снеговых вершин – все это и есть джайлоо – высшая гармония природы.

На Сусамыре только два времени года: зима, когда на дне долины скапливается холодный воздух, стекающий с вершин, и весна, просыпающаяся веселым журчанием ручьев...

Каждый раз, когда проезжаю мимо этих волшебных подножий, укрытых малахитовыми покрывалами, восхищаюсь пронзительными красками мира. Останавливаюсь, чтобы вдохнуть пьянящий, настоящий на природной вечности, целебный воздух. Он чист и прозрачен, как родниковая вода. Поднявшись на пригорок, забыв о времени, долго смотрю на открывающийся пейзаж.

Как всё-таки прекрасна наша земля! Как щедра и как заботлива! Хочется высказать свой восторг классическим киргизским пейзажем Сусамыра.

Уч-Добо (Алайский район)

Уч-Добо означает «три горы». Это возвышенное чудо природы надёжно спрятано среди выточенных стихиями мраморных пирамид. Проехать, не заметив их, просто невозможно. Великолепные по форме, они гармонично формируют ландшафт правого берега реки, привлекая спешащих на Памир альпинистов.

Добраться до седловины меж отливающих сталью скал вдоль подножия конусовидной горы оказалось нелёгкой задачей. Минут сорок подъёма по древней осыпи и палящим солнцем. И вот она, седловина – кругозор алайских картин. За ней котловина, застеленная плотным ковром трав. Стоит безмолвие, и новая цепь насыпей уходит в небо. Вдоль правой стены – лошадиная тропа, она зовёт продолжить путь. Новый подъём ещё более затяжной. Вертикальный рельеф закручивает тропу в замысловатую спираль мимо кустов рябины и бесконечного числа скальных бастионов. Вознаграждением за трудную дорогу является сказочная панорама, открыва-

ющаяся с вершины. Просторная, замкнутая со всех сторон котловина и зелёное от обилия водорослей озеро в окружении высоченных каменных стен. Сделав несколько снимков, спускаемся к берегу. Горизонтальные картины выглядят куда богаче. В южной части – выступающий над водой удобный, плоский утес, удобный для фотосъёмки, созерцания красот, но для и медитации.

Прелесть озера, не имеющего названия, в искрящейся скромности пуглива и изменчива. Само оно часть сюрреалистического пейзажа – один из главных фрагментов общей картины. Вертикальная стена и обширный грот придают картине таинственный оттенок, зовущий к приключениям. Цветные лишайники, оседлав каменные осыпи, спускаются прямо к воде, в которой как бы отображаются неизвестные науке земноводные.

Здесь не бывает туристов. Я сидел на тёплом камне, впитывая окружающую красоту. Какая одухотворенная, многоликая и чистая картина! Я парю над зелёным благоухающим пространством. Колеблющаяся рябь легкого ветерка бежит по зелёному прозрачному полю к противоположному берегу, рождая романтическое настроение.

Природа творит красоту для человека. Закройте глаза, и всё исчезнет. Однако жизненный опыт подсказывает, что подобная красота, как бы она ни скрывалась под чадрой природных явлений, непременно найдет почитателей готовых приоткрыть её красоты и отдать им своё зачарованное сердце.

Ледяное царство

Прошло более 150 лет с тех пор, как Семенов-Тянь-Шанский первым из европейцев увидел Муздаг – Ледяную гору.

Сегодня это одно из самых желанных мест для любителей приключений и экстрима. Бескрайние просторы сверкающих ледников и покрытые снегом вершины предстают взору на самом крайнем востоке страны в сердце центрального Тянь-Шаня. Подобно древнему дракону, вьётся между ледяных хребтов застывший поток величественного высокогорного ледника Иныльчек. Передний фронт ледника у мраморных скал Чон-Таша выглядит неровной массой льда, угрожающе нависшей над гейзером, вырывающимся из долгого подлёдного плена, скрытого многовековым покрывалом.

Отсюда начинается ледяное царство – полтысячи квадратных километров пространств, шестьдесят пять километров до подножий великого Хан-Тенгри – полкилометра ширина, глубина до четырёхсот метров. Гигантское скопление льда!

Внизу поверхность ледника покрыта чехлом из камней и земли, на которой растут эдельвейсы и ромашки-рихтилии.

Почти неделя пути по часто теряющейся среди нагромождений глыб тропе под прицелом нависающих ледопадов, летящих под уклон шоколадных рек, к белоснежным полям вечного белого безмолвия. Окружающая природа напоминает арктический пейзаж. С утра до полудня пронзительное, чистое и голубое небо, затем час солнца и крупный картенный дождь до полуночи. Яркие близкие звёзды, и свет рубиновой зари над ледовой стеной.

В центральной части ледника немало пещер. Стены галерей сложены прозрачным льдом. Синий мглистый сумрак создает атмосферу таинства. Гладкие стены играют бликами зеленоватых оттенков. Необычный таинственный и опасный мир...

Самый удобный путь к главному «Дворцу владыки» – это вертолёт, открывающий воистину величие и необозримость всего ледяного царства. Круг за кругом над зеркальными полями, и трудно оторвать глаз. Вдоль великого ледника беломраморные дворцы, разноцветные озера, пропасти пещер, снежные барханы...

Шипит скользкий зеленой анакондой поток. Трескаются глыбы льда, погружаясь в холодные воды озер. Обретая легкость, льдины, покачиваясь на волнах, волшебными ледбеднями плывут в никуда, наслаждаясь дрейфом невидимых течений вечности...

Озеро Курбан-Куль (Кичи-Алай)

Шахимардан – узбекский город-островок и киргизское горное озеро образуют единый географический и исторический комплекс, который, к счастью, ещё живет назло суверенитетам и границам, политическим амбициям.

Стояла волшебная тишина. Володя Антипин, мой хороший друг и местный волшебник, махнув рукой, скрылся в спя-

щей каморке охранника канатки. Через мгновения скрипнули колёса, дернулся поржавевший трос и поползла спящая веревка люлек, обретая надежду и смысл.

Заскочив в кабину, поплыли над скалами, рассекая прохладный утренний воздух. Под нами тропы, родники, молчаливые утёсы, тени, заползающие под основания скал... Вокруг ни души. Застывшие хребты. Синий туман и небесная дорога в параллельный мир.

Естественная плотина, рождённая гигантским оползнем, ещё хранит следы природной катастрофы. Безжизненный хаос валунов и щебня. Выбеленные сталью отвесы. В каменной чаше – бирюзовая вода, перелив частиц ледникового времени и сокровенных тайн.

Курбан-Куль называют голубым озером. Немного выше по ущелью располагается Зелёное – купоросного цвета от присутствия водорослей на его дне.

Горы скрывают перспективу горизонта. Дробя пространства, они предлагают ближние картины. Внимание непроизвольно цепляется за видимые детали – травинку, трещинку, тень. Само погруженное пребывание и наблюдение над этой насыщенной средой становятся равными творчеству. Погружаясь вглубь, пытаешься привести к гармонии фрагменты и световые тона.

Подобное ощущаешь, когда смотришь на иконы, магические знаки или архитектуру храмов, находя бесконечные смыслы при внешнем однообразии форм. Постигая красоту, приобретаешь нирвану – учил Будда. Курбан-Куль настраивает сознание на вечное, глубинное восхищение прекрасным. Это идеальный мир высочайшего совершенства и невиданных чудес, территория абсолютной истины.

Ещё совсем недавно эти идиллические места были полны туристов, паломников и отдыхающих. Шумел живой карнавал, вдыхая нектар и гармонию пространств. Красота, ложась на холсты и в фотокадры, возвышала эти места не только над ферганскими просторами.

Пришло время, и амбиции новых «ханов» посеяли гроздь вражды. Однако это временно: жизнь людей, пусть и «ханов», быстротечна. Красота же вечна. Курбан-Куль в этом смысле – нирвана Вселенной.

Осенний день

В один из осенних дней возник вопрос: почему все едут отдыхать в горы? Традиция? Стереотип? Поиск активного времяпровождения?

Вслед за вопросом возникло желание: а что, если поехать вслед за стекающими с гор реками...

Едем на север, непривычно удаляясь от гор. Не знал, что Бишкек так далеко продвинулся пригородами, поглотив первобытные ландшафты долины.

Великолепные равнинные пейзажи собирались и рассыпались разноцветными кусочками мозаичных форм. Никогда не думал, что в этих, совсем близких от столицы местах так необычна и удивительна природа. Выехали на край ещё хранившего краски осени обширного полуострова. Где ещё весной разливалась вода Нижней Ала-Арчи, теперь глинистый берег и скользкая колея дороги. Едем по краю тополиного леса. Деревья огромных размеров, словно вышедшие из воды чудовища, в накидках из озёрных высохших водорослей.

Нынешняя природа низовий долины напоминает Европу или, если убрать с дальнего горизонта горы, Среднюю полосу России. Но это Киргизия. Рыбаки, охотники... Заросли тамариска, краснохвостые фазаны, удирающие от всех и вся. Россыпь мелководных озёр, и в зарослях камыша стаи белых цапель...

Когда-то здесь водились тигры. После пожаров, бушевавших в пойменных тугайных лесах в 1916–1917 годах, большинство тигров погибло, однако сведения о встречах с этими хищниками отмечались вплоть до 1937-го. Из описаний Пржевальского и Семенова становится очевидным, что места эти были первобытными и выглядели совсем по-другому.

Теперь по берегам Чу – поселки и пашни. Найти свободный природный участок земли не так-то просто. Человек внёс в этот ландшафт новое содержание. Эта земля радуется своими дарами. Она щедра, и это легко заметить, путешествуя по просёлочным дорогам долины.

Поля, красные от созревшего перца, бирюзовые от полос капусты, золотистые от тыквы и дынь, разливались в многообразии форм. Здесь же, на перекрёстках дорог, – стихийные оптовые базары.

Бег времени необратим. Его нельзя ни остановить, ни

повернуть вспять. И каждое мгновение рождает впечатление, которого не было в прошлом и не будет в будущем. Сколько всего вместились в один день, так неожиданно подаренный мне судьбой.

Салкын-Тор

В Нарын приехали во второй половине дня. Позвонили Бакыту – местному энтузиасту по развитию туризма. Встретились. «Первое, что мы посмотрим на земле Нарына, – это Салкын-Тор (Холодное место)», – предложил Бакыт.

Слева от шлагбаума, открывающего въезд в природный парк, длинное одноэтажное здание, избушка охранника. Бакыт здесь свой человек, и мы спокойно проезжаем кордон.

За забором и калиткой – здание гостиницы. Потрескавшиеся и давно не беленые стены, дежурные китайские картины не располагают к уюту. Дежавю «социалистического реализма», парк советского периода. Что, кстати, не мешает Салкын-Тору оставаться популярным туристическим объектом как для гостей, так и для самих нарынчан.

Вокруг чудная природа. Бурлит речка! Взлетающие к небу по склонам плотные еловые гущи. Тропинки, скальные площадки, пьянящие запахи, лес, первобытные горы, в которых спрятались простые избушки с высокими лестницами. Казалось, перемены обошли стороной это волшебное место.

Перейдя по металлическому, изогнутому буквой М мосту, мы пошли вверх навстречу сбегающей с гор реке. «Парк советского периода» продолжался. Вдоль берега на зелёных площадках парковые экспонаты: примитивные ржавенькие карусельки, избушки, фундаменты открытых сцен и игровых площадок. Дальше руины кинотеатра и заброшенной телефонной будки.

Вершина мысли паркового дизайнера – срезанный пополам корпус катера со штурвалом и пассажирскими местами. У береговой линии среди березовой рощи – мощные железные качели и выложенная булыжником тропа. Первое впечатление от увиденного – ирония без сарказма. Там, за оставшимся за спиной мостом, кипит сегодняшняя новая жизнь. Недавняя реальность, умиляющая юношеской непосредственностью и трогательной простотой. Эти ржавые аттракционы, незатейливые качели и раскрашенные домики, не отжившие свой век

экспонаты – ностальгические осколки советской эпохи. Всё-таки хорошо, что мы приехали в эти места.

Вскоре границы парка закончились. Широкая тропа ссушается в тропинку. Окружающий лес без присутствия артефактов советского периода стал дремучим и первобытным. Солнце, скрывшись за ближайшим лесистым гребнем, наполнило ущелье тенями. Сияющие белизной вершины, освещённые закатными лучами, ещё долго тонули в лучах расколённого рубина.

Пещера Амана

Началом этой остроприключенческой истории была легенда о сокровищах. В 1229 году на эти земли пришли орды Чингисхана. Несторианская метрополия, существовавшая в те годы на территории Чуйской долины, чтобы спасти казну и другие ценности, спешно снаряжает караван с золотом и серебром, который движется в сторону Иссык-Куля в поисках укромного места. Таким местом, согласно легенде, стала пещера у основания горного утеса в долине Курменты.

С начала XIX века вокруг легендарного клада развернулись следующие события. Раскопками в районе расположения пещеры занимается группа кладоискателей из бывших белогвардейцев, обладавших средневековой картой. На глубине шести метров они находят два молотка – медный и золотой. Ещё через некоторое время искатели уперлись в каменную плиту. Пока думали, как пробраться дальше, произошел обвал. Возобновлять работы не стали...

Следующая попытка извлечь клад из тайника была принята сотрудниками КГБ в 1952 – 1953 годах. Однако из-за смерти Сталина работы приостанавливают...

В 1976 – 1977 годах раскопками клада занимается киргизское геологоуправление, но для завершения работ не хватает средств...

Были и другие попытки завладеть сокровищами. Но самые интересные события развернулись в наши дни. Раскопками клада занялся житель Иссык-Куля Аман Эгамбердиев. С помощью экскаватора он вырыл широкую траншею, вскрыв не только факты прошлых попыток кладоискателей, но и два входа в глыбу скалы.

По просьбе Амана мы приехали обследовать найденные пещеры. После тесного перехода щель расширялась. Во всю ширину прохода, скользя по отвесу, струился водопад, обрываясь двадцатиметровым уступом. Стены неровные, с множеством острых граней. Но они «зализаны» водой и абсолютно не опасны.

Некоторое время мы идем по следу набравшего силу ручья. Но вот вода исчезает в глыбовом завале, и мы возвращаемся обратно, сожалея о ненайденном кладе.

Высоко над кромкой траншеи виднелись макушки елей. В бесконечной синеве небес из тончайших нитей сплетались узорчатые закатные облака. Мы выбрались со дна котлована и прошли за уступ. Прямо под нами в гигантской котловине застыл, потеряв яркость красок, Иссык-Куль. Отражающиеся в нём ещё минуту назад белые пики небесных гор превратились в извилистую линию теней. С чувством сожаления от чего-то несбывшегося мы покидали гостеприимную юрту Амана и его друзей.

– Как только закончится зима, я приду сюда снова и найду этот клад, чего бы мне это не стоило! – провожая нас, пообещал Аман.

Озеро Кёль-Тор

Ночь застала нас в долине реки Ат-Баши. Найдя приют в юрте чабанской семьи, я моментально провалился в сон. Утро рождалось из растворившихся остатков ночи, в свете нарождающейся за хребтами зари пространства мерцали россыпью алмазного песка, рассыпанного стихиями ночи. Прохладный воздух чист, как родниковая вода. Небо без облаков вышито красным шёлком зари.

Наша цель – поиск таинственного озера, замеченного мной в этих местах с помощью программы (Google Earth). Спрашиваем у хозяев, знают ли они что-нибудь о таинственном озере. Оказалось, что да. Озеро находится примерно в двадцати километрах от стоянки Бешпельшир. Какое странное название. «Что оно означает?» – спросил я нашего сопровождающего Бакыта. Всё оказалось просто: в кыргызском языке такого слова не существует. Раньше, в годы Советского Союза, в этом месте находился фельдшерский пункт, где работало пять фельдшеров, обслуживающих Ат-Башинскую долину.

В киргизском языке нет буквы ф, стоянку стали называть по количеству фельдшеро́в – бешпельшир.

От стоянки поехали вдоль левого берега реки Ат-Баши. Минув мост, дорога выползает на высокую ровную террасу, поворачивает и, почти коснувшись подножий хребта, чуть было не срывается в промытый овраг. Обогнув его, продолжем путь. По ровному, укрытому роскошными лугами пространству добрались к устью ущелья.

Оставив машину посреди райского луга, поднимаемся в неизведанный мир. Минут сорок подъёма. Высота более трёх тысяч метров. Останавливаюсь. Чарующие виды близких вершин истекают ручьями. Остатки весенних лавин, бледно-зелёные озерца и даль в изумрудных тонах обещают впереди нечто особенное. И вот оно – чудо замкнутой долины! За бархатной изумрудной перемычкой в снежно-ледовой оправе – Ледниковое озеро Кель-Тор – сверкающий природной красотой сапфир размером 300 на 2 000 метров!

Один из гипнотизирующих эффектов сказочного озера – его бело-синие цвета, связанные с отложениями на дне так называемой каменной пудры, в которую превращаются горные породы под давлением спускающихся с высот ледников.

Горные вершины, окружающие озеро, сказочно красивы. Эффектные башни с резными шпилями напоминают сказочные замки. Отдельно стоявшие на фоне озера скалы – прекрасные декорации для фотоснимков. Особенно эффектен ракурс с доступного утеса: гармоничная картина, наполненная ощущениями величия и покоя. Озеро тысячи ликов, тысячи тем и смыслов. Божественная природа и потерянный для человека рай, подумал я, созерцая пока неизвестный Кель-Тор.

Озеро Чатыр-Куль

Озеро Чатыр-Куль – самое высокогорное из крупнейших озёр Тянь-Шаня. Это край девственной природы среди небесных высот и холодного безмолвия. Оно забралось к самому небу, заполнив собой обширную межгорную котловину в самом сердце Тянь-Шаня.

С высоты Чатыр-Куль похож на летящего в сторону Ат-башинского хребта морского ската. Окрестности озера очень

живописны благодаря своему географическому положению. Его высотная отметка находится на высоте 3530 метров над уровнем моря. Площадь равна 175 кв. километров. Чатыр-Куль – бессточное озеро с почти пресной водой, большую часть года покрытое льдом. Одна из достопримечательностей – постоянно фонтанирующий минеральный источник.

Чатыр-Куль – высокогорное болотистое озеро. Оно лежит в возвышающейся над окружающими пространствами котловине, и поэтому с дороги лишь изредка выступает синей полоской, не привлекая особого внимания.

Сюда, в эти удаленные от цивилизации безлюдные места, каждую весну возвращаются из районов зимовки стаи горных индийских гусей. Эти редкие птицы гнездятся на безлюдных берегах высокогорных озер, но с каждым годом число таких мест сокращается. Чатыр-Куль – единственный приют в Киргизии, где гнездится популяция этих редких красивых птиц. В августе, в пору наибольшего испарения и малого притока воды, озеро мелеет, обнажая белые иловые отложения. Вода желто-зелёного цвета заполняет лёссовые чаши, превращая поверхность в гигантскую химическую лабораторию, в которой настаивается в лучах космической энергии высокие горы. Между чашами легко можно ездить на джипе. Многие из них соединены островами и узкими перемычками, украшены нитями золотисто-коричневых водорослей. Сплетаясь, эти удивительные растения образуют живописные острова, удобные для гнездования горных гусей и уток.

Все эти чудеса расположены на западном берегу, называемом Малым Чатыр-Кулем. Можно добраться и до берегов основного озера, опоясанного трудно проходимыми топиями из подтаявшей мерзлоты и кочками низкой высокогорной осоки. Если хорошо поискать путь, можно выбраться на эффектные плоские скальные обнажения, откуда на фоне снежных пиков Атбашинской гряды откроется панорама полных и чарующих картин Чатыр-Куля.

Глядя на эту красоту, думаю: хорошо, что здесь нет лодок и рыбаков, дорог и строений, экскурсантов и массового туриста. Очень уж не хочется, чтобы красивые редкие птицы лишились своего последнего приюта.

Рисунки Орнока (южный берег озера Иссык-Куль)

Мой друг по путешествиям Виктор Кадыров, обещая сюрприз, пригласил меня и академика Владимира Михайловича Плоских в небольшую исследовательскую экспедицию по орнокским предгорьям, что на южном берегу Иссык-Куля.

– А что там смотреть? – спросил я его с удивлением. – Там ведь одна только каменная пустошь.

– Вот именно! Она и будет предметом наших открытий. Всё скоро увидишь!

По едва заметной колее мы подъехали под основания хребта. Оставив машину, по невидимым тропам идём, петляя между валунов. Стояла поздняя осень, и предгорные пространства выглядели весьма однообразно. Лишь Иссык-Куль, заполнявший весь видимый горизонт, придавал картинам позитивную бесконечность.

Постепенно каменная пустыня преображалась, обретая лики и смыслы. Покрытые разноцветными мхами древние валуны пестрили наскальными рисунками: козлы, человечки, сцены охоты... На крупных камнях располагались большие холсты, на которых мчались лошади и колесницы.

Виктор Вагапович, хорошо изучивший местные особенности ландшафта, прекрасно ориентировался на местности, показывая нам одну композицию за другой. Вскоре, войдя в азарт, мы уже самостоятельно, без гида, искали изображения на камнях. Рисунки попадались довольно часто. Тематика их самая разнообразная. Были и настоящие шедевры, написанные не с натуры, а воображением первобытного человека.

Район петроглифов Орнока был для первобытных людей святилищем, где совершались разнообразные религиозные церемонии и обряды, разыгрывались первобытные мистерии и колдовские действия. Здесь поклонялись предкам и богам. Самая поразительная черта Орнокского святилища – неоспоримые следы ярко выраженного космического культа, главным предметом которого было солнце. Когда оно исчезало в пучине озера, сердце первобытного человека сжималось от страха. Он считал его живым и добрым существом и очень беспокоился о том, вернётся ли оно снова на небосклон. Человек не мог оставаться равнодушным и, переживая, высекал свое божество на скалах.

Встречаются среди орнокской коллекции и петроглифы эротического содержания, которые могли быть навеяны индуизмом, имевшем в прошлом широкое распространение. Интересно, что многие петроглифы видны лишь при определенном освещении. В разное время дня экспозиция изображений меняется, что поражает воображение. Идешь по тропе, обернешься, а на тебя смотрит изумленно солнце в лице охотника, подтверждая свою уместность в этих местах...

Долина Тарагай

В октябре в эти места Тянь-Шаня нет-нет да и наведается зима, напомнит о себе, заметёт вдруг, закружит невесть откуда взявшейся порошей. Опешив, удивленная осень наблюдает за этим безобразием недолго. Собравшись ветрами, она гонит самозванку за высокие хребты.

Высоты здесь солидные, выше трёх тысяч метров. Воздух прозрачен, как родник. Короток солнечный луч, но и ему рады редкие здесь цветы и травы. Озер тут рассыпано, словно алмазов в раю. Сияют они девственным светом, одно другого краше.

Сыртовая зона Тянь-Шаня – редкостной красоты ландшафты. Вечная мерзлота, ручьи в мохнатых кочках, озера тихие, печальные и горы в ярких белых накидках.

Однако нас заинтересовало другое озеро, судя по карте, затаившееся у подножий хребта в скрытой котловине. Оно километрах в десяти к западу от перевала Суёк.

Едем сначала по грунтовой дороге в сторону долины Тарагай. Затем по пологому склону на северо-запад, лавируя между каменных пирамид утесов и промоин.

Где же оно? Никаких признаков. Сплошные каменные пространства. В который раз пытаемся сориентироваться по карте. На экране навигатора наш путь похож на замысловатый, уложенный петлями лабиринт. Далеко внизу едва заметной линией осталась вклинившаяся в эти суровые места точка жизни. На всем обозримом пространстве – ни единой живой души. Только горы со своими тайнами и безмолвием.

На небе кремевые облака густеют, подтягивая из теневых прохладных низин солидное подкрепление. Нам тоже

нужно торопиться к заветному берегу. Вот и едва заметная колея. Значит, мы не одни искатели спрятанной красоты.

И вот оно – скрытое великолепиие! Чудо – озеро! В золотистой чаше отражена величественная картина гор.

Ставим палатку. Солнце ещё властвует над пространствами, но это продлится недолго. Широким фронтом растекается ненастье. Озеро озаряется последним лучом света, вспыхивает красками, впитывая в себя свет закатного пала. Темная волна, выпрыгивая на холодный уступ, рассыпается осколками бриллиантов.

Схватив камеру, бегу к берегу. Чтобы увеличить фокус охвата, забираюсь на склон. Но момент уже потерян. Озеро замирает в золотисто-синих тонах, озаряется тёплым светом уходящего лета...

Чтобы продлить очарование, иду дальше по склону на восток. Тщетно. Картина гаснет, хотя всё остается на прежних местах – берега, волны, цвет и даже отражения.

***КРИТИКА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

КНИГА О РОДНОМ И ВЕЛИКОМ

На Востоке люди издревле высоко ценили искусство ведения макале – беседы, которая могла происходить между двумя, тремя и более собеседниками. Речь велась плавно, неторопливо, говорящие умели слушать с достоинством, не прерывать друг друга, нить беседы подхватывалась очередным говорящим, и речь лилась, как нескончаемый нешумный поток речной воды. В этом непрерывном течении речи рождались великие истины.

Роза Айтматова и Асан Ахматов оказались именно такими собеседниками, которые преподнесли современный урок ведения беседы, в результате которого сложилась во многом еще доселе неведомая читателям картина жизни великого писателя, составленная самыми близкими, родными людьми, сопровождавшими его на протяжении жизненного пути. Можно только восхищаться тем, как гармонично и эмоционально, информативно насыщено происходит диалог, как замечательно продумана композиция всей книги, в которой красной нитью проходят слова: «Человек жив, пока о нем помнят люди».

Эта книга – о Чингизе Айтматове, шагнувшем в бессмертие, без которого, казалось, мир рухнет и люди потеряют свой человеческий облик в погоне за иллюзорным счастьем, которое заключалось в приобретении материального в немислимых количествах. Он ушел, но Слово его осталось. Осталось, чтобы нести свою миссию – будить человеческое в человеке.

Книга обнажает перед людьми внутреннюю суть гения и доказывает, что он и в повседневной жизни, и в творчестве

был одним и тем же – честным и требовательным прежде всего к себе. Перед нами раскрывается образ человека, который вместе с эпохой пережил все ее трудности и потрясения, оставался для своей семьи преданным сыном и братом, бережно хранящим семейные духовные ценности. Он словно чувствовал ответственность за семью, оставшуюся без отца, безвинно осужденного и расстрелянного в годы репрессий, оберегал ее и нежно любил всех: мать Нагиму, брата Ильгиза и сестер Люцию и Розетту.

Диалог ведет Асан Ахматов, родной племянник Чингиза Айтматова, сын старшей из сестер, воспитывавшийся в атмосфере тех отношений, которые складываются в интеллигентной, образованной семье, где высоко ценятся такие понятия, как честь, достоинство, любовь, уважение и великодушие.

Особым достоинством этой книги является то, что авторами описываются не только яркие события, удивительные истории, происходившие в жизни членов семьи, но и дается картина взаимоотношений между ними, детально описываются их внешность, жесты, движения, присущие им характерные особенности. Отдельные эпизоды свидетельствуют об особой прозорливости Чингиза Торекуловича, его умении видеть будущее. К примеру, произнесенные им более сорока лет тому назад слова о том, что природу нельзя разрушать и следует относиться к ней как к равному, разумно, не были услышаны, а, может быть, не хотели быть услышанными, и как результат – печальные последствия, приведшие к таянию ледников. В книге также подчеркнута то, как Чингиз Торекулович относился к мудрости, заложенной в «Манасе» и малых кыргызских эпосах, ведь именно в них «заложена философия народа: как жить в гармонии с природой, не нарушая ее баланс».

Роза Айтматова отмечает, откуда брат черпал духовные силы, – из природы, озера Иссык-Куль, гор Ала-Тоо, по отношению к которым у него была своя философия: «...Если ты любишь лес, рядом с которым ты живешь, родник, из которого черпаешь воду, землю, которая кормит, любишь не созерцательно, а деятельно и, главное, созидательно, с думой о завтрашнем дне, значит, ты – подлинный хозяин, значит, ты – патриот».

Родничок из «Верблюжьего глаза», озеро Иссык-Куль из «Белого парохода», «школа Дуйшена» из «Первого учителя» еще больше оживают и становятся более ощутимыми и понятными после того, как прочитываешь страницы книги, где

описываются эпизоды из жизни писателя, связанные с этими замечательными местами. Ведь смысл, вложенный в эти образы, одухотворяет произведение целиком, умножая его значимость.

Очерковая литература, к которой относится данная книга, ценна тем, что в ее основе лежат реальные события, а отличается от литературы научной тем, что передает их в эмоциональном плане, здесь идет процесс сопереживания автора с изображаемым. И в книге, написанной в высшей степени профессионально, присутствуют и документ, и история, и живые воспоминания очевидцев. Каждая глава – окно в мир, где разворачиваются настоящие события, где звучат голоса, слышатся смех и плач, движение колес телеги, шум ручья. Атмосфера военного лихолетья, тяжелые испытания и невзгоды, выпавшие на долю тех, кто находился в тылу, нелегкие судьбы людей, жизнь подростка, которому пришлось слишком рано повзрослеть и переносить тяготы жизни наравне со всеми, и даже случай с зайчиком, которого он спас от змеи, – все это нашло свое место на страницах книги, посвященных войне.

Формирование личности начинается с детства и отрочества, которые проходят в окружении самых близких родных. И здесь рассказывается о родителях – Торекуле и Нагиме, которые заложили в мальчика понятия ответственности, справедливости и сострадания к людям, бабушке Айымкан, которая привила внуку любовь и верность своей земле, семье тети Карагыз, которая хотела «вырастить из него «видного», достойного отца человека», что и удалось ей сделать. Перед нами в различных историях разворачивается картина жизни семьи, которая наравне со всеми переносит трудности, выпавшие на долю народа, где нет места зависти и предательству, а есть огромная любовь к ближнему и ко всему, что есть вокруг.

Личная жизнь писателя и его окружения всегда интересна тем, что дает ответы на многие вопросы, которые возникают при ознакомлении с его творчеством. Ведь именно здесь, в личной жизни, человек предстает в истинном, естественном свете, где он таков, каков он есть. Многие люди склонны по привычке обожествлять своих кумиров, хотя их личная жизнь не дает оснований для этого. В данном случае соблюдение соответствия триады – мысли, слова и дела – в полной мере наблюдается у писателя: то, о чем он думает, он говорит, затем это воплощается в его книгах и делах. В этом весь Чингиз Айтматов. В книге рассказывается и о прототипах героев

произведений писателя, которых он лично знал, – Толгонай, Алтынай, Мырзагуль, Дуйшене, Суванбеке, судьбы которых в некоторой степени нашли свое отражение в сюжетах повестей писателя.

Жизнь окружения Чингиза Айтматова – а это в первую очередь семья – интересна еще и тем, что семья, корни являются могучим источником духовной, творческой энергии, а если учесть, что каждый член семьи Айтматовых – это интеллектуально одаренная состоявшаяся личность, то можно с полной уверенностью утверждать, что заслуги Чингиза Айтматова – это заслуги всей семьи.

Особо хочется отметить, с какой любовью, по словам авторов книги, Чингиз Айтматов относился к матери – Нагиме-апе, сумевшей в тяжкие, порой трагические годы вырастить детей достойными, уважаемыми людьми, которыми гордится страна. Еще один немаловажный момент: после гибели мужа, Торекула, Нагима-апа могла увезти детей к своей родне и вырастить их в достатке, однако эта мудрая женщина совершила поступок, равный подвигу, она вернулась на родину мужа – в Шекер, где мужественно приняла на себя все удары судьбы. Вполне возможно, что Чингиз Айтматов стал писателем мирового масштаба благодаря этому подвигу матери. Пережив в отрочестве и юности трудности и страдания, связанные сначала с арестом и гибелью отца, затем с трагическими испытаниями войны, Чингиз Айтматов сохранил в своем сердце боль за свою землю, Родину, природу и посвятил себя борьбе за сохранение человеческого в человеке, мира на Земле, о чем свидетельствуют его великолепные повести и романы, которыми зачитывается весь мир.

Авторы книги Роза Айтматова и Асан Ахматов безусловно правы в том, что Чингиз и поныне жив, ибо своей жизнью и гуманистическими идеями – а ими пронизаны все его произведения – он обеспечил себе бессмертие.

ДУХ, КОРОВЫ И ИСТОРИЯ

*(Субъективные заметки
о книге Р. Айтматовой
и А. Ахматова «Человек
жив, пока о нём
помнят люди»)*

Душа и дух

Будучи человеком скорей материалистическим, я придерживаюсь своеобразной теории о душе и духе. По моему разумению, душа – это всё внутреннее, содержательное, что есть в человеке, если при этом исходить из того, что тело – внешняя оболочка, форма.

Что же касается духа, то он суть, отражение того, как воспринимают человека другие люди. Это не нечто мистически-потустороннее, а вполне себе «земное», разве что проявляющееся как образ – в сознании остальных.

Чем шире круг воспринимающих, тем сильнее дух. Например, дух Шекспира грандиозен, раз уж Шекспир уже столетия вдохновляет сотни миллионов, да заодно и даёт работу несметному числу издателей, литературоведов, артистов, режиссёров, киношников и иже с ними. А вот дух какого-нибудь забытого всеми пьянчужки Папы Карло скромнен и невыразителен, и не окружающих тому вина.

И насчет позитива/негатива. Дух не бывает добрым/хорошим или злым/плохим сам по себе, в отрыве от людей, его поддерживающих. Если о человеке остается только самое светлое, самое прекрасное представление – следовательно, дух его наполнен положительной энергией, он заряжает этой энергией также и каждого из нас.

Почему я сейчас об этом заговорил? А вот почему.

Книга, о которой мне сегодня хотелось бы поразмышлять, так и называется – «Человек жив, пока о нем помнят люди». Чувствуете? Согласно приведенной выше теории, память людская и есть носитель и вместилище великого человеческого духа. Его, если можно так выразиться, преемник и даже преобразователь.

Чингиз Торекулович Айтматов. Властитель во многом наших дум и творческого начала, гордость земли Кыргызстана. Наверное, невозможно найти жителя страны, который не знал бы о писателе. Соответственно, вот и ответ: дух Айтматова, живущий в нас, лелеемый и оберегаемый нами, царит и возрождается вновь и вновь, и именно от нас зависит, чтобы это продолжалось вечно.

Помню, как в 2008 году, уже после того как физическая оболочка маэстро покинула нас, я сопровождал к его могиле представителя редакции московского журнала «Иностранная литература» Ларису Васильеву. Васильева специально приехала в Бишкек, имея своего рода задание «Иностранки» попрощаться от имени коллектива с бывшим главным редактором, вдохнувшим в своё время в издание новую жизнь.

Мы поехали в «Ата-Бейит» без сопровождающих. Разыскали могилу – собственно, найти её не составляло труда, так как вся она, сверху донизу, была усыпана цветами, огромным числом живых цветов. Ни до того, ни после я никогда не видел такой горы цветов на кладбищах. Уже одно это производило впечатление, и мы стояли, потрясённые и опечаленные, и молчали, и не могли произнести ни слова.

В конце концов, Лариса Васильева добавила к горе и свой букет – от редакции «Иностранки». Он утонул в общем многоцветье, но мы знали, что именно из таких маленьких отдельных букетиков и состоит всё внешнее выражение общей памяти, общей боли.

Каждый из нас хранит память об Айтматове. Из отдельных штрихов создаётся общий портрет. И таким образом каждый из нас создаёт и поддерживает дух Айтматова.

Дух, который во многом сегодня становится духом всей страны.

Не имей сто коров...

Если честно, то книга меня по-своему очаровала. Она написана очень по-человечески, и чувственно – с одной стороны, и документально – с другой. Правильная, чёткая структура. Читать её и работать над ней было удовольствием.

Построена она в форме воспоминаний – родной сестры Чингиза Торекуловича Розы Торекуловны, в гости к которой приехал племянник Асан Ахматов. Они вдвоём пьют чай, и Роза Торекуловна рассказывает истории из жизни семьи, из них-то и складывается портрет писателя в обыденной, повседневной обстановке. Образ очень важный – едва ли не важней творческого портрета маэстро, потому что открывает самые порой неожиданные грани его личности и судьбы.

Лично меня особо «зацепила» история про сто коров, достойная статья притчей – современной притчей нового времени. По рассказу Розы Айтматовой, ещё юный Чингиз, взяв у соседа ружье, хотел застрелить вора, укравшего их единственную корову и оставившего детей без кормилицы. Тогда от неверного шага юношу остановил простой аксакал.

– У тебя ещё будет сто коров. Не нужно убивать вора. Жизнь его сама накажет... – так посоветовал Чингизу этот мудрый человек.

Впоследствии Чингиз Торекулович скажет:

– Наверное, те сто коров, что я заработал, – это есть мои книги.

Мудрая история – одна из многих, которыми наполнены страницы воспоминаний о нём.

Мы видим Айтматова в реальной жизни – в ситуациях смешных и грустных, поучительных и неожиданных. Много рассказов о молодости и юных годах. Так, однажды Айтматов-подросток, в годы войны собиравший с селян военный налог по заданию местных властей, ехал на телеге в диких местах и спас маленького зайчонка от страшной змеи, собиравшейся его проглотить. Привез спасённого с собой в контору, где начал сдавать собранные деньги кассиру. О зайчонке все забыли, а тот принялся скакать по комнате... Женский вопль – кассирша жутко перепугалась. А когда услышала от Чингиза объяснение, то расплакалась со словами: «О боже! Когда же закончится эта проклятая война, когда придет победа, когда

вернутся настоящие мужчины?! Мальчику хочется играть с зайчиком, а мы заставляем его собирать военный налог!..»

Постепенно, от страницы к странице, перед нами предстаёт Айтматов, которого мы знали и не знали. Айтматов-зоотехник и Айтматов-дипломат, Айтматов-студент и Айтматов-учёный, и даже Айтматов-управдом. Да-да, как ни смешно, но был и такой эпизод в жизни писателя – Роза-эже даже приводит фотографию справки на сей счёт. Согласно документу, «домуправу Айтматову... предлагается в месячный срок окрасить трубопровод и установить противопожарный щит на рампе возле шкафов... Слесарь-профилактик» (записка 1961 года).

Но были и серьёзные, очень серьёзные моменты. Удивительная прозорливость Чингиза Торекуловича проявляется в его отношении к экологии. Причём в те времена, когда о последствиях «революционного» воздействия человека на природу никто и не думал. В книге ещё молодой Чингиз ведёт разговор с родственницей, женой брата – геологом: «И сколько месторождений ты нашла и что теперь с ними будешь делать?» Она объясняет, что провела очень удачную экспедицию, нашла несколько месторождений и отметила их на геологической карте – какие залежи и где они расположены в горах. Реакция Айтматова оказалась неожиданной:

«– ...Слушай, Розалия, а ты можешь не ставить эти метки на свою карту?»

Услышав такие слова брата, мы решили, что он просто шутит, засмеялись и говорим ему:

— Как это так? Там же золото! Как она может скрыть? СССР нуждается в таких полезных ископаемых!.. (Каков антисоветчик, вразрез с политикой КПСС идет, подумала я тогда про себя, хотя никогда и не была членом никакой партии.)

Тогда Чингиз говорит:

— Да, я понимаю, что это важная работа. Но если вы начнете разрабатывать эти месторождения, государство все раскопает, золото увезут в Москву, а местному населению ничего, кроме вреда, от этого не будет. Разрушат наши горы. А ведь люди веками живут там, пасут свой скот, дышат этим воздухом, пьют тамошнюю воду. Все это равновесие нарушится... Разве можно разрушать горы? Ведь сколько поколений ушло, а Иссык-Куль и наши величественные горы остались для следующих поколений. Так должно быть всегда...»

И немного об истории книги

Впервые я увидел рукопись книги в декабре 2014 года. Она показалась мне интересной, а мой друг Асан Ахматов попросил ее вычитать и отредактировать. Я охотно согласился, хотя и не представлял себе тогда действительного объема работы.

Во-первых, пришлось много стилистически править, «причѐсывать». Но если бы только это – за последующие два с лишним года книга многократно переделывалась, усложнялась её структура, появлялись и исчезали те или иные главы, разделы, постоянно увеличивалось число страниц. Это было во-вторых.

В конечном итоге рукопись возросла в два раза. Лично для меня она превратилась в нечто живое, растущее и дышащее. Поэтому, думая об этой книге, я ее воспринимаю в динамике – если говорить о форме.

Что же касается содержания, то хочу отметить писательский профессионализм авторов. Безусловно, у них есть дар слова – что неудивительно, учитывая особенность семьи.

Я думаю, что книгу можно и нужно прочесть каждому кыргызстанцу. Прочесть – и подумать над ней. Над жизнью её главного героя... Может быть, это позволит тоньше, глубже проникнуть в творчество великого писателя и осознать его мир.

Спасибо Розе-эже и Асану за прекрасные часы, проведенные за чтением воспоминаний, которые благодаря авторам дали маэстро в какой-то степени вторую жизнь. Теперь, я уверен, дух Айтматова надолго останется с нами.

Людмила ИВАНОВА

ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИРИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ШАПОВАЛОВА

Творчество В. Шаповалова, поэта, переводчика, литературоведа, известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Он один из талантливых представителей литературы нового русского зарубежья, лауреат международной Русской премии, международной премии «Эмигрантская лира» и званий «Заслуженный деятель культуры КР», «Народный поэт Республики Кыргызстан». В последнее десятилетие из современных русских поэтов нашей страны читатели литературных журналов: «Дружба народов», «Знамя», «Арион», «Новая юность», Prosodia, «Интерпоэзия», «Новый берег», «Иерусалимский журнал», а также и «Литературного Кыргызстана» имели возможность познакомиться с подборками его стихотворений как в книжном, так и в электронном вариантах.

Круг читателей стихотворений В. Шаповалова таким образом предельно широк: от родной по рождению страны до заокеанских широт и исторической родины. Презентуя мировой русскоязычной общественности свои новые творения, В. Шаповалов проявил авангардистскую стилевую тенденцию в своей поэзии, которая выражается через использование технократических образов, ненормативной лексики (цикл «До начала времён»), через отказ от пунктуации и орфографии имён собственных в отдельных текстах, через почти каламбурное нагромождение ассоциативных образов-оценок (цикл «Авекплезир!»), через ролевых героев («Баллада русского возрождения») и т. д. Лирический герой его стихотворений испытывает жажду в постижении исторических глубин своей родословной,

ищет «кудеяров» в потомках. Пытается постичь, как «время бродит в пространстве, шурша черепами столетий», возмущается народом-языкотворцем: «он многолик, он макс- и- мориц, он новый русский эфиеп, он послан гогом и магогом, булыжник – вот его перо, смесь гегемона с демагогом, внебрачный сын политбюро...»

Опубликованный в республиканском литературном и общественно-политическом журнале «Литературный Кыргызстан» цикл стихотворений «Исцарапанный свет» содержит ряд интереснейших лирических мотивов. Новые поэтические тексты с высоты прожитых лет осмысливают жизненный опыт лирического героя, те потери близких людей, которые неизбежны, к сожалению: «Платок», «Мать», «Династические стансы». Высокой лиричностью проникнуты поэтические строки, обращенные к нескольким поколениям семьи Шаповаловых, для которых Средняя Азия стала вынужденной родиной:

*Хохлацкое сельцо над Доном, река Медведица налево,
Вокруг Россия, за кордоном чужое море обмелело,
Застыла хата угловая, за базом в небо тычет дышло,
Война зачем-то мировая вошла в избу, да и не вышла.*

*Чем жили вы, про то забыли, отвспоминали, отрыдали,
И на пароль: здоровы были! – твердили: здоровей видали! –
И говорить учились матом, когда на митингах кричали,
И сельским пролетариатом себя в анкете величали...*

*В итоге все-таки бежали, презрев конвой и караулы,
В кызыл-ординские печали, далёкой Азии аулы <...>*

Как бы ни авангарден был строй стихотворений В. Шаповалова, в них всегда присутствует время, нет разрыва с конкретной исторической эпохой, сохранен интерес к социальной среде. Отсюда множество историко-временных деталей, через которые осуществляется своеобразная сцепка поколений и звучат в поэтическом слове социальные причины семейного «кочевья» в евразийском пространстве.

Прожитые годы клонят нашего поэта не к суровой прозе, а к философским размышлениям над вечными категориями и проблемами: пространство и время, бытие и небытие, причина и следствие, жизнь и смерть. В опубликованном цикле почти каждое стихотворение содержит обращение к ним:

«Групповой портрет», «Чёрное-белое», «Старый микрорайон в горах», «Город».

Детали воспоминаний, приметы прожитого времени, как бусы на нитках строк, рождают глубокий смысл стихотворения «Групповой портрет». Старое фото, размещенное в Интернете, лики друзей детства и юности в маленьком городе Фрунзе вызывают глубокую печаль и ностальгию в сознании лирического героя:

*как далеко умиранье как эта жизнь коротка
дней пересчитанных добрых не истощился запас
целиться молча фотограф вечность приветствует нас*

В этом стихотворении нет знаков препинания, что является одной из модернистских тенденций в современной поэзии. Это не пренебрежение к русской грамматике, а приём, преодолевающий тесноту стихового ряда на подсознательном уровне. Это способ заявить о потоке сознания, который рвётся мгновенно выразиться в словах, передаёт степень взволнованности во внутреннем мире творческой личности. Поэт как бы забывает о том, что знаки препинания – это своеобразные параметры матрицы-текста. Рифмованные строки льются, они стремятся выразить переполняющие поэта чувства, тут не до запятых, точек, тире, двоеточий, дефисов, восклицательных и вопросительных знаков.

*не тишиною нет но глухотою
бессвязных мыслей и ночных тревог
измучен – я дрожал над запятою
и кто бы знал, что надиктует Бог
но Голос был вначале а не Слово
и Божий дух был бессловесно нем
и мирозданье сотрясло от зова
беззвучного но ведомого всем («Сопрано»)*

В стихотворении «Сопрано» В. Шаповалов пытается передать словом ассоциации, вызванные прозвучавшим в тишине высоким женским голосом, обладающим особым блеском и гибкостью. Что это? Действительно услышанное пение или музыкальная галлюцинация? В любом случае звучащее сопрано рождает строку, на мой взгляд, главную в стихотворном тексте: «Голос был вначале а не Слово!» Эта строка, возможно, попытка вмешаться в библейскую традицию или дать такое объяснение творческого начала. Был же поэт, для которого

го создание нового текста начиналось с гула ритма, правда, там еще предшествовал социальный заказ.

В завершающем цикл стихотворении «Город», написанном по мотивам новогреческого поэта Константиноса Кавафиса, В. Шаповалов вошел в поэтическую традицию: создать стихотворение, переосмысливая в другое время темы, идеи, ранее выраженные поэтами мирового уровня. Стихотворение К. Кавафиса было написано еще в конце XIX века и впервые опубликовано в 1910 году. Известность ему принесли многочисленные переводы, в том числе и на русский язык, Г. Шмакова, И. Бродского, Е. Разиной, И. Ждан и др. С этими переводами, безусловно, знаком наш автор.

По словам исследователей творчества Кавафиса, в его стихах «нарочитая бесстрастность, снятая эмоциональность стиля». И этим ему удается достигнуть совсем другого эффекта: у читателей возникают сильные чувства сопереживания одиночеству лирического героя, поэт не приукрашивает художественными средствами свои эмоции. В. Шаповалов перенял композицию стихотворения, в основе которой своеобразный диалог, что ведут лирический герой и его собеседник, а может быть, это диалог с внутренним голосом, с alterego. Мотив опустошенности и обреченности человеческой жизни, привязанной к одному месту на земле, к городу, где родился, вырос, совершал ошибки, состарился. Это твой мир, в котором ты пребудешь вечно, и тщетно искать новый город, иные миры, идти за чужие моря:

*«Не найти тебе новых миров за чужими морями –
Город пожрёт тебя, и бродить ты будешь
По тем же улицам, меж теми же домами,
И там состаришься и о былых забудешь
Надеждах. Куда ни беги со страха –
Не даст Господь тебе ни корабля, ни суши:
Здесь превратишься ты в горку праха –
На земле, которую сам разрушил!..»*

Стихотворение «Город», написанное по мотивам Кавафиса, пожалуй, самое грустное и безысходное у нашего автора. Но и оно определяет характерное для лирического героя чувство пространственного постоянства, а меланхолия вызвана скорее временными мотивами, а именно прожитыми годами. Отсюда в мироощущении героя возникает чувство злости к тому месту, где проходит его жизнь, и он мечтает навсегда

уйти из ставшего ненавистным города, где стало мертвым сердцем, где каждый замысел, как в тюремной яме, а взор постоянно натывается на прах развалин, где смертью разит отовсюду, где рассталась с надеждами юность. В первой строфе дан своеобразный анамнез психологического срыва.

Использование глагола «твердишь» указывает на то, что первая строфа собственно и не принадлежит лирическому герою, она принадлежит alterego. Alterego, вторая скрытая сущность лирического героя, его неконтролируемый ум, который подвергает осуждению и критике его решение в минуту каких-то жизненных потрясений, душевной усталости уйти к иным мирам, на поиски нового города, то есть уехать, покинуть, умереть.

Встреченная в одном исследовании творчества Кавафиса фраза: «Художник осознанно принадлежит социуму и тому географическому пространству, в котором этот социум существует» (О. Прокофьева) очень точно подходит к В. Шаповалову. Он родился и живет «в азийском круге», и, вопреки всем социальным и жизненным перипетиям, его лирический герой тесно связан с миром природы Киргизстана. Натурфилософская тематика – одна из интереснейших в его ранней лирике. Величественная красота киргизской природы передана во многих не только стихотворениях поэта, но и в его поэмах. В поэтическом сознании с самых первых стихов В. Шаповалова киргизский ландшафт представлен традиционными образами и названиями гор, вершин, урочищ, долин, рек, озёр, сёл и городов; представлен животным и растительным миром. Киргизская природа – это то пространство, которое поэт считает родным для себя.

Открывающее цикл «Исцарапанный след» стихотворение «Калькулятор на солнечной батарее» также содержит тонкий географический нюанс, поскольку только на азиатских просторах такая ранняя весна, и она может прийти на «кончике февраля», а под мощными солнечными лучами начинается фотосинтез, пробуждающий природный мир. Технократические метафорические образы: «земля – калькулятор на солнечной батарее», «Воспарит зелёное пёрышко, трепещущий дар/ подпольного фотосинтеза, радостного обряда», «оцифрованные сновидения» – также проявляют пространственно-временные координаты авторского взгляда на окружающий мир.

Многие стихотворения В. Шаповалова вызывают в вос-

приятии читателя картинку, эпизод из жизни. Так и в этом стихотворении становится понятен лирический герой в образе «прикованного к кровати», больного мальчика, внешний мир для которого ограничен пока только окном, на карнизе которого прикреплён выщербленный ящик, «где чёрный перегнутой заснул еще с прошлой осени, склонный к покою, / дохнет вдруг теплом и влагой, распаренной поливной/ чёрной садовой плотью – то есть собственно весною». Совсем скоро он «выйдет к сверстникам, живым и разным, / оставив миры из книг, предчувствуя любовь / к самым невообразимым человекообразным».

Особенно эпатажным и спорным в цикле «Исцарапанный свет» является стихотворение «Демииург», которому автор предпослал эпиграф – строку из известного стихотворения А. Кушнера «Ко мне Он не сходил с Синайской высоты...». Судя по эпиграфу «И я Ему сказал, что Он не виноват ни в чём...», В. Шаповалов вступает в спор не только с известным петербургским поэтом старшего поколения, но и с Библией. Его лирический герой в противоположность библейскому герою, многострадальному Иову, решается на богоборчество – упрекает Демииурга:

«<...> Ты меня не жалел, ни от чего не берёг...», а далее идет перечисление целого ряда туманных характеристик, в которых восхищение красотой окружающего мира сменяется еще более зашифрованными моментами побед и поражений. Наш многострадальный герой не покорен божеским испытаниям:

*Как меня добывали, творя надо мной добро,
Словно во мне добывали чахлое серебро,
Забыл я всё то, что помнил, отдал, что захватил,
И только потом уже понял: за всё сполна заплатил.
Но даже и тут Ты меня не пожелал пожалеть,
Ведь Слово – наркотик Бога, труб Твоих злая медь <...>*

К сожалению, он не принимает страдания как средство духовного пробуждения, ему не открылись и простые истины А. Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают», что «жизнь сама угрюма и сурова», что «счастье без беды сплошным не может быть», и Демииург здесь ни при чём. И вряд ли Он догонит Иова и заплатит за причиненные страдания. Отношения наши с Богом, к счастью, балансу не подлежат. А вот за понимание А. Кушнеру «Он сказал: «Спасибо!» Демииург выше

Мария САВИНОВА

АЛЬПИНИСТСКАЯ ЭПОПЕЯ ВЯЧЕСЛАВА АЛЕКСАНДРОВА:

**треккинг, хели-ски,
терминатор и люди,
идущие к вершинам
мира**

*Ала-Тоо в белоснежном колпаке,
Скалы к небу прикоснулись вдалеке,
Ты – великая кыргызская земля,
Ясноликая кыргызская земля!
Т. Байзаков (Перевод М. А. Рудова)*

Кыргызстан – горный край, и все понятия, весь строй жизни людей, живущих здесь, неразрывно связан с горами. География, климат, экономика, философия народа – все базируется на незыблемости вечных гор, энергии рек, берущих начало в высоких белоснежных ледниках; на щедрости садов и полей, дающих урожай под жарким солнцем в плодородных долинах; на тучности стад, мирно пасущихся на альпийских лугах – жайлоо. Только не для всех здесь родившихся горы стали профессией и делом всей жизни. Судьба уготовила такой выбор избранным, которых мы называем альпинистами.

Из когорты альпинистов – Вячеслав Александров, жизнь которого навсегда связана с горами. Горы стали его профессией, его страстью. Они подарили ему открытия, принесли испытания и радость, потери и обретения, встречи и расставания. Об этой жизни Вячеслав Александров создал целую эпопею рассказов и очерков, которые составили две отдельные книги – «Азиатские белые горы» (2009 г.) и «Алеет восток» (2014 г.).-

и увидели свет в публикациях «Литературного Кыргызстана» (№ 2, 2016 г., № 1, 2017 г.). Все рассказы этой автобиографической эпопеи повествуют о разных эпизодах жизни автора, о многих и многих людях, с которыми были уютованы встречи. В каждом рассказе – яркие портреты людей. И каких людей! Их имена – энциклопедия советского альпинизма: Афанасий Шубин, Леван Алибегашвили, Анатолий Тустукбаев, В. Абалаков, Александр Онин, Петр Покровский, Владимир Бирюков, Евгений Стрельцов... Всех не перечислить – десятки героев, с которыми автор поднимался на снежные вершины. Объединяет эти очерковые рассказы двуединая константа художественной философии Александрова: образ-мотив – Их Величество Горы и автор – реальный человек, который стал одновременно участником-очевидцем-героем.

Художественное двуединство автора и реальной географии служит истоком для создания документально-публицистической прозы. В беллетристике авторы снабжают сюжет оправданием «все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны». У Александрова все персонажи – реальные, все события воссозданы с документальной точностью. Отличительная, оригинальная особенность топики повествования Александрова – указание высоты над уровнем моря, текстовая иллюстрация географического атласа. Да, он - альпинист, профессионал горного туризма.

Любой и каждый житель Бишкека должен понимать, что горы – рядом, они вот – рукой подать, и Александров вносит этот факт в нашу жизнь. Отдает ли себе отчет среднестатистический читатель об этом измерении в осях координат своего жизненного пространства? Знаем ли мы, что город Бишкек расположен на высоте 800 метров над уровнем моря, а пешеходные аллеи природного парка «Ала-Арча», что в 25 км от столицы, - на высоте 2200 м над уровнем моря? Городская топка Бишкека оперирует понятиями выше-ниже. Выше – юг, там горы. Перспектива городского пейзажа на юге ограничена живописной горной грядой, центральный шатер, покрытый белоснежной шапкой – пик Семенова-Тян-Шанского. Автор называет этот пик «Без ста пяти – пять тысяч метров», и так буквально каждый эпизод снабжается обязательными и неизменными сведениями о географической точке и ее точных координатах.

Рассказывая о начале своего увлечения горами, В. Алек-

сандров рисует город Ош послевоенного времени. В теплый полусонный город прибыла команда, посланная в альпинистскую экспедицию Туркестанского военного округа на пик Ленина. Командовал этой экспедицией легендарный В. И. Рацек. Скальные занятия экспедиции проходили на Сулейман-Тоо, по-простому – Сулейманке. Занятия по скалолазанию, на которые «за компанию» попал ошский школьник, произвели на него неизгладимое впечатление. С этого счастливого потрясения и началась альпинистская судьба будущего горовосходителя. В сказовом, ненавязчиво-легком стиле автор знакомит читателя с вехами своей биографии: «Затем был физический факультет Киргизского государственного университета... я успел ... закрыть третий разряд по альпинизму и завязать близкое знакомство с киргизским телевидением... уже 26 лет я занимаюсь туристическим бизнесом...» В личной биографии автора отражены его главные ценности – свобода, творчество, горы – «работа и любимое занятие в одном пакете», как он сам выразился. В ряду своих достижений он видит построенный дом, красивую жену Татьяну, двух сыновей.

В очерково-публицистической прозе, пожалуй, более чем в любом другом стиле, автор берет на себя обязательство быть предельно откровенным с читателем, не скрываясь за условной маской художественности. «...Проблема выбора своего пути в жизни впервые так ясно и понятно встала передо мной там, на склонах гор, – ведет диалог с читателем, открывая свою философию, Александров. - ...я сам выбрал свою тропу к вершине». Человеку, не увлеченному горами, наверняка непонятны мотивы альпинистской страсти. Почему люди идут к вершинам, подвергают себя опасности? Что ими движет? Жажда славы? Тяга к героизму? Желание хлебнуть адреналина? Вряд ли у вас есть готовый ответ на эти вопросы. А если есть, то это ответ субъективный, ваш личный, но прислушаемся к автору...

Александров полностью отвергает от себя все пафосные мотивы и характеристики: «...Героем в горах быть не нужно, и даже вредно – от героев в горах одни беды». Эта фраза – та самая жизненная правда, которую жаждет узнать читатель! Вот он – ответ на эти вопросы о сути альпинизма. Не было бы этого признания, не было бы доверия, с которым мы относимся к повествованию. «Я не верю в героев без страха и упрека. Страх есть нормальное человеческое чувство, призванное служить самосохранению. Человек, лишенный его, больной на

голову». Как тут не воскликнуть «Верю!» после такого безапелляционного и... человеческого! заявления. Верю Автору, верю Человеку!

Другое прочное убеждение Александра тоже пришло из личного опыта. И убеждение поистине философское: «Природу нельзя ни победить, ни покорить. Человек может победить себя, свой страх, отчаяние, усталость». Презрение автора к раздутой газетной шумихе «альпинисты победили вершину или яхтсмены покорили океан» выражено довольно резко – «чушь собачья», «бред ретивых шелкоперов». Сам он признается, что из его текстов навсегда исчезли формульные фразы «в ознаменование... покорили пик... водрузили флаг».

Испытание человеческого характера связано со множеством неожиданностей, которые преподносят горы. Альпинисты у Александра показаны мужественными, достойными личностями с сильными характерами. И у каждого персонажа автор старается найти какую-то индивидуальную черту, подчеркнуть особенность речи.

Надо отметить, что в двух книгах особое место занимают фотографии, которые ярким изобразительным элементом комментируют текст. Фотографии – еще одно подтверждение документальной строгости, правдивости очерковой прозы В. Александра. Ценность этих документальных свидетельств чрезвычайно высока, даже несмотря на то, что представлены они в черно-белом варианте. Это архивные фото, иллюстрирующие рассказы о восхождениях. Великолепные виды горных вершин потрясают воображение – Хан-Тенгри, пик Победы, Ак-Сай, Джигит. Герои запечатлены в динамические моменты – забивают шурфы, прокладывают траверсы, бьют ступени, вгрызаются в склон, ликуют на вершинах. Или очень «атмосферные» фото кратких передышек между маршами. Вот они, горовосходители, в лохматых меховых шапках-ушанках, толстых пуховиках и тяжелых ботинках с шипами-триконями теснятся в ледовой пещере, на снегу. Воздух, кажется, пронизан миллиардами мельчайших частиц льда. Стужа, видны задубевшие пальцы на их руках, но лица у них – счастливые! Нет ничего, что может омрачить эту радость!

Отдельной темой звучат вкрапления о восхождениях на знаменитые горы мира. И здесь автор проявил удивительную писательскую наблюдательность, нашедшую выражение в таких приемах, как яркая художественная деталь, на лету схваченная зорким писательским глазом. Вот, к примеру, кар-

тина: «бурные реки», «цирковые подвесные мосты», «ступы с молитвенными барабанами», изображение Будды и ... «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ!». Узнали? Конечно, Катманду! Ответит любой! И подавляющее большинство ответивших никогда не были там. Но настолько ярко описано, что не узнать невозможно!

Или другой треккинг – пешее восхождение. На пути к вершине путешественники останавливаются на ночлег в деревянном доме с циновками на полу, горячим чаем и кимоно вместо пижамы. На какую гору можно путешествовать с таким сервисом? Вы ответите – Фудзи и будете стопроцентно правы. Описывая свои зарубежные восхождения, Александров рассказывает о людях, нравах, обычаях, и в этом он близок к этнографическому очерку. Как не вспомнить великого русского классика И. А. Гончарова! Ведь он совершил кругосветное путешествие с эскадрой русских кораблей! И одним из пунктов остановки русской эскадры была Япония. Пожалуй, Гончаров был первым, кто так подробно описал особенности национальной культуры загадочных японцев. Вот только Гончаров не совершил восхождение на самую знаменитую гору Страны всходящего солнца. А Александров дошел до вершины Фудзи-сан и живописно, с фотоиллюстрациями описал это путешествие, продолжив и развив традицию русской классической литературы.

Познавательный ресурс прозы Александрова открывает непосвященному читателю новые грани известных понятий. Как мы – не физики, не астрономы, не альпинисты – удивляемся, узнав, что терминатор – не биоробот из будущего в изображении Арни Шварценеггера, из шедевра голливудского масскульта, а полоса разделения между светом и тенью. Терминатор особенно хорошо наблюдается в горах, где разряженная атмосфера и ландшафт дают возможность наблюдать это явление природы.

Возможно, для многих, кто не знаком с радостью горных походов, кто не катается на горных лыжах, эти рассказы станут отправной точкой «пути к вершине». Читатели непременно должны почувствовать драйв, который испытывают лыжники, разрезающие снежную целину величественных склонов. Причем В. Александров, как профессиональный альпинист, как креативный менеджер, не довольствуется традиционными видами спорта, он развивает новые направления горного туризма, о чем с большим азартом рассказывает нам. Дух захва-

тывают экшн-картины хели-ски (heliskiing) спусков. Хели-ски – это круто!

Хочется поблагодарить автора за память. Память о прошлом, о людях, которые оставили свой след в кыргызских горах и сердцах друзей. Спасибо Вячеславу Александрову за патриотизм, а как иначе назвать его труд, направленный на популяризацию горного туризма и красивейших мест Кыргызстана? Горы – вечные, но они близкие, и они определяют жизнь всех, кто живет в этой стране. Вячеслав Александров живет по законам гор, и поэтому, думается, у него будет много удач в жизни, в творчестве, главное – полвека назад он сделал свой выбор – идти к вершине.

Кратко об авторах

БОНДАРЕНКО Олег

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg — цифровой многоязычной библиотеки произведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», *Lettres Russes*, «Новая литература» и др. Автор книг «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

БУРЖУБАЕВА Дария

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу окончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М. Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Ала-Тоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе, занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития кыргызской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

ДЖОЛДОШБЕКОВ Талантбек

Родился 12.01.1962 года в городе Фрунзе. В 1981 году окончил Республиканскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей. В 1986 году – факультет русской филологии КГУ. С 1986-го по 1990 год работал учителем истории в Орловской средней школе Таласской области. В 1990-е годы занимался частным предпринимательством. В 2000 году некоторое время работал заместителем директора радио «Восст». В 2007 и 2008 годы давал мастер-классы в летней школе Чингиза Айтматова. Участвовал в различных проектах. Иногда пишет песни для наших эстрадных исполнителей. Занимается переводами с кыргызского на русский. В прошлом году переводил поэтическую часть книги Сагындыка Омурбаева «Великая смута». С 2011 года работает директором Кантского учебно-производственного предприятия Кыргызского общества слепых и глухих. Женат. Имеет трёх сыновей и одного внука. Член Союза писателей КР. Стихи пишет с детства.

ДУДАШВИЛИ Сергей

Родился 21.01.1951 года на юге Кыргызстана, в селе Араван Ошской области. Окончил Киргизский государственный институт физической культуры по специальности «туризм». Известный спелеолог и первооткрыватель большинства пещер в Центральной Азии. Автор 16 книг. Президент компании «Международный центр путешествий «Горы Азии», фонда сохранения и исследования пещер. Член-корреспондент Всемирной энциклопедии путешествий.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана.

Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», государственной наградой Кыргызской Республики, медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

ИВАНОВА Людмила

Родилась в Киеве. Окончила филологический факультет Кыргызского государственного университета в 1972 году. Работала преподавателем в Пржевальском педагогическом институте, Кыргызском государственном университете им. 50-летия СССР. Ныне доцент Кыргызско-Российского Славянского университета, заместитель декана по учебной работе гуманитарного факультета. Кандидат филологических наук. Автор более 70 научных статей по проблемам поэтики стихотворных жанров, русской поэзии Кыргызстана, а также ряда научно-методических учебных пособий. Является составителем поэтической антологии «Мы живем в горах и среди гор в долинах» (2015), а также тематической антологии русских поэтов Кыргызстана «Край синего и золотого...» (2017).

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года – эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор восьми книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013-м вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя».

КАРИМОВ Данияр

Родился в Волгограде. Журналист. Работал в известных печатных изданиях республики «Дело №...», «АиФ Кыргызстан», «Вечерний Бишкек», информационном агентстве «24.kg». В данный момент – редактор центральноазиатского представительства «Российской газеты» в Бишкеке. Фантастические рассказы пишет с 2009 года. Публиковался в сборниках российской фантастики и журнале «Полдень», продолжающем проект братьев Стругацких.

КРУСТКАЛН Марина

Родилась в марте 1986 года. Стихи начала писать с 12 лет.

Высшее образование получила в экономическом вузе в Москве, но сохранила любовь к литературе и творчеству, поэтому все переживания находят отражение в стихах.

САВИНА Мария

Родилась в 1975 году в городе Фрунзе. Кандидат филологических наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета. Автор научных и литературно-критических работ по современной русской и русскоязычной литературе. Организатор фестиваля русской словесности и культуры в Кыргызстане «Страна высоких вдохновений». Креативный ментор творческих конкурсов и проектов по русской литературе для школьников и студентов.

ФЕДОРОВ Владимир

Среднюю школу окончил во Фрунзе в 1955 году, а в 1962-м – Уральский госуниверситет, факультет журналистики. С этого же года работал в системе Всесоюзного радио и Центрального телевидения (ОРТ, Первый канал, 35 лет - в программе «Время», заведующий корпунктом в Киргизии). Заслуженный журналист Киргизской ССР, член Союза кинематографистов СССР. Автор 20 документальных фильмов, снятых за время работы в Киргизии в системе

Госкино СССР. Среди них – «Продается на слом» (премия на престижном фестивале в немецком Оберхаузене).

В 1996 году переведен в Воронеж заведующим крупнейшим корпунктом – шесть областей Центрального Черноземья. С 2002 года переведен в Москву – специальным корреспондентом столичной группы программы «Время».

Финалист премии ТЭФИ 1997 года в номинации «Лучший репортер». Награжден медалью ордена (так это называется) «За заслуги перед Отечеством» – в Кремле из рук президента Путина.

Работал шеф-редактором службы документальных фильмов телеканала «Россия – 1». В качестве автора сделал для канала ряд документальных фильмов. В том числе «Хирург от Бога» (премия фестиваля «Радонеж») - о великом хирурге Н. Пирогове. Отмечен премией Союза журналистов России.

Автор большой, ставшей популярной книги необычных по форме и манере письма повестей и рассказов «narod @ s ru». Многие из вошедших в нее произведений ранее публиковались в журнале «Литературный Кыргызстан».

Корректурa Елены Дойниковой

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 22.12.2017 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 60.

ЧЕМПИОНСКИЙ ЗВЕЗДОПАД

Во втором номере «ЛК» за минувший год рассказывалось, что кыргызская команда альпинистов зимой, в феврале 2017 г., совершила двойное восхождение на наши знаменитые родные пики Хан-Тенгри (7010 м.) и Победы (7439 м.) Зимнее восхождение было совершено впервые за всю историю альпинизма и является событием мирового уровня. Сложностей хватало. Температура падала до минус сорока градусов. А при ветре за сто километров в час она ощущалась как все шестьдесят.

Конкурентами в борьбе за звание чемпионов мира было семь очень сильных команд из России, Украины и Казахстана, прошедших восьмитысячники в Гималаях. Но почти все эти восхождения были совершены в летнее время.

Итоги чемпионата были подведены в конце ноября. Судейская коллегия из десяти представителей разных стран единогласно присудила победу кыргызской команде. Вот имена наших ребят-победителей: **Сергей Селиверстов, Михаил Даничкин, Семен Дворниченко** и россиянин **Алексей Усатых – чемпионы мира по альпинизму!** «Победа» она и есть Победа. Как звучит! Кроме того, по итогам Интернет-голосования, которое проводилось сообществом любителей экстремальных видов спорта на сайте РИСК. РУ, они стали обладателями премии «Хрустальный пик» в номинации «Лучшее восхождение 2017 года».

В планах у ребят – восхождение зимой нынешнего года еще на два семитысячника: пики Самони (Коммунизма) (7495 м.) и Е. Корженевской (7105 м.) в Таджикистане. Этим предполагается завершить программу «Зимний Снежный Барс», и стать первыми обладателями этого почетного звания.

Но чудеса народного Интернет-голосования в пользу кыргызстанских альпинистов продолжают. В номинации «Человек риска» из пяти достойных кандидатов победил наш **Дмитрий Греков!** И не потому, что, к примеру, он – любитель рискованных авантюр или дурацких селфи на стреле подъемного крана. Напротив, Греков – заслуженный мастер спорта по альпинизму, единственный альпинист в нашей стране, побывавший на вершине Эвереста. Альпинизм – это риск, но риск продуманный и просчитанный. Девиз Дмитрия: «Ни одна гора в мире не стоит от замороженного пальца восходителя!». Двадцать лет работы начальником альпинистского лагеря на леднике Иньльчек – это хороший опыт, который он передает молодым ребятам. Жива школа и традиции киргизского альпинизма!

В. АЛЕКСАНДРОВ.

Фото автора и участников восхождения